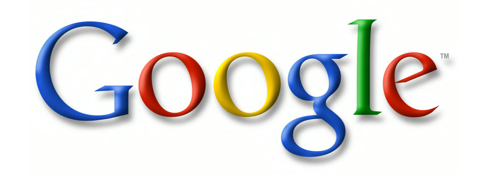
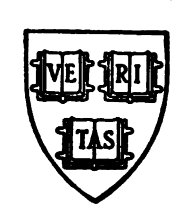

VE
RI
TAS

В. М. Дорошевич
Том VII
Собрание Сочинений
Рассказы

В. М. ДОРОШЕВИЧЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

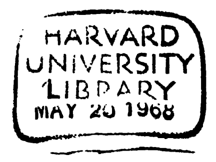
Томъ VII.

Разсказы.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.

Москва.—1906.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAY 20 1968

Очаровательное горе.

Очаровательное горе.

(Маленькая, но глубокая трагедія.)

Мнѣ много приходилось видѣть картинъ человѣческаго горя, но клянусь, я не видалъ несчастія болѣе прелестнаго, очаровательнаго.

Ея горе состоитъ въ прелестныхъ плутовскихъ глазкахъ, золотистыхъ волосахъ настоящей Гретхенъ, задорно вздернутомъ носикѣ, губкахъ, которыя поэты стараго времени сравнивали со „спѣлыми вишнями“. Когда она улыбается, изъ-за этихъ губокъ, какъ говорили въ старину, „сверкаетъ два ряда жемчужныхъ зубокъ“. Когда она плачетъ, ее хочется расцѣловать.

Когда она вошла, мнѣ показалось, что въ мою комнату ворвался лучъ солнца, струя весенняго воздуха.

Когда она сказала мнѣ своимъ мелодичнымъ серебристымъ голоскомъ: „Я вамъ не помѣшала?“—мнѣ показалось, что лучше этого я никогда ничего не слыхалъ въ жизни.

А между тѣмъ...

Если бъ вы меня назвали уродомъ, честное слово, это былъ бы самый счастливый день въ моей жизни!— сказала она, и въ голосѣ ея послышалось столько неподдѣльнаго горя.

— Это несчастіе! Когда я надѣваю простенькую шляпку,—всѣ говорятъ: „какая прелесть!“ Если я

хожу въ темномъ платочкѣ, — находятъ, что я похожа на хорошенькую кармелитку. Наконецъ, когда я надѣла вотъ эту зимнюю шапочку, — говорятъ, что я похожа на задорнаго мальчишку. А между тѣмъ я погибаю. Не смотрите хоть вы на меня, какъ на хорошенькую, — выслушайте и скажите, что же мнѣ дѣлать?

Какъ тысячи, она, круглая сирота, пріѣхала сюда изъ провинціи искать мѣста: гувернантки, лектрисы, конторщицы — все равно, честнаго труда.

Она публиковалась въ газетахъ и получила много предложеній.

— Но что это были за предложенія! Я устала ужъ краснѣть отъ предложеній, которыя мнѣ дѣлаютъ. Я привыкла къ этому позору, какъ къ чему-то обычному и неизбѣжному. Но тогда я краснѣла, я плакала, я съ ужасомъ спрашивала себя: „за что же, за что меня такъ оскорбляютъ? Неужели только за то, что я хорошенькая?“

Наконецъ, она остановилась на одномъ. На мѣстѣ лектрисы.

— Больной разбитый параличомъ старикъ.

Полутрупъ. Право, иногда, во время чтенія, мнѣ дѣлалось страшно. Мнѣ казалось, что онъ умеръ и въ креслѣ лежитъ трупъ. Я поднимала глаза, — онъ смотрѣлъ на меня взглядомъ, въ которомъ свѣтилось что-то странное. Минутами мнѣ казалось, что я сижу рядомъ съ трупомъ, что я слышу даже запахъ разлагающагося тѣла, а трупъ пристально смотрѣлъ на меня тѣмъ же страннымъ взглядомъ, не спуская глазъ. Мнѣ дѣлалось страшно и противно.

Боже, что онъ заставлялъ меня читать по-французски. Я краснѣла до корней волосъ, давилась слезами

отъ стыда и оскорбленія. А чаще не понимала. Это было еще хуже. Тогда онъ принимался объяснять мнѣ и не умолкалъ до тѣхъ поръ, пока я, молодая дѣвушка, не понимала всего. Довольно вамъ сказать, что нѣтъ въ мірѣ такихъ вещей, которыхъ бы я не знала! А между тѣмъ, клянусь вамъ, я дѣвушка какъ Жанна д'Аркъ! Здороваясь и прощаясь, онъ долго задерживалъ мою руку въ своей, любуясь моимъ смущеніемъ, а между тѣмъ, я дрожала отъ отвращенія и страха передъ этимъ полутрупомъ. Не знаю, какъ онъ объяснялъ себѣ мое смущеніе, — но только однажды, когда я, по его просьбѣ, поправляла пледъ, закрывавшій его ноги, онъ обнялъ меня за талью, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ. Мнѣ кажется, что я и до сихъ поръ еще чувствую на своей щекѣ прикосновеніе этихъ влажныхъ губъ. Я вырвалась, кажется, ударила его, крикнула что-то и въ ужасѣ кинулась вонъ. Меня душили рыданія.

Больше она ужъ не рисковала являться по „мужскимъ приглашеніямъ". Къ счастью, ей скоро подвернулась кліэнтка:

— Пожилая, болѣзненная женщина, мужъ которой постоянно живетъ въ Петербургѣ, отговариваясь дѣлами. Эта брошенная больная женщина тосковала страшно, возбуждала искренне сожалѣніе, и я дѣлала все, чтобъ хоть немного ее разсѣять въ ея горѣ. Я выбирала лучшія, наиболѣе занимательныя книги, старалась читать съ чувствомъ, съ выраженіемъ, я окружала ее заботливостью, но каждое мое движеніе, самый видъ мой возбуждали ея ненависть. Когда въ книгѣ попадались слова „хорошенькая женщина", „красивая дѣвушка", она говорила: „смазливая кукла!"—

и смотрѣла на меня такъ, словно хотѣла укусить. Часто она прерывала чтеніе и начинала бранить всѣхъ теперешнихъ дѣвушекъ, — словно передъ ней сидѣла древняя старуха. И лицо ея дѣлалось при этомъ такое злое, такое злое. Моя походка, голосъ, прическа,— все ее раздражало, выводило изъ себя. Она упрекала меня въ томъ, что я завиваю себѣ волосы, — хотя они, право, вьются у меня отъ природы. А когда я пришла въ новомъ синемъ суконномъ платьѣ, очень простенькомъ и скромномъ, — она, — въ тотъ день она получила письмо, что мужъ остается въ Петербургѣ еще на два мѣсяца, — она раскричалась, что я похожа на кокотку, что такія дряни только и умѣютъ, что разрушать семейное счастье и заставлять плакать женщинъ, подметки которыхъ онѣ не стоятъ. Что у меня есть обожатели, что она такихъ мерзостей не потерпитъ, и приказала мнѣ убираться вонъ. За что? Я проглотила и эти слезы.

Должности лектрисы она съ тѣхъ поръ боялась, какъ огня, и стала искать мѣста гувернантки.

— Отличное мѣсто, гдѣ я должна была заниматься съ двумя дѣвочками.

Прелестные люди. Но однажды за столомъ я почувствовала, что кто-то жметъ подъ столомъ мою ногу. Я взглянула напротивъ и увидала, что братъ моихъ ученицъ, шестнадцатилѣтній гимназистъ, знающій по именамъ всѣхъ пѣвицъ „Грандъ-Отеля", всѣхъ скаковыхъ лошадей и всѣхъ собакъ извѣстнаго одесскаго охотника N, — что онъ смотритъ на меня масляными глазами. Затѣмъ въ книгѣ, которую онъ взялъ у меня почитать, я нашла отъ него записку на розовой бумагѣ. И, наконецъ, придя играть съ сестрами,

онъ обнялъ меня за талью и шепнулъ: „Когда же?“ Я отправилась жаловаться его матери. Она сначала возмутилась за сына: „Не можетъ быть! Ваши мысли дурно направлены, mademoiselle!“ Но когда я показала ей записку, она смутилась и сказала: „Хорошо, ступайте, я разберу это дѣло!“

Черезъ часъ она пригласила меня къ себѣ и сказала, подавая мнѣ деньги:

— Простите, mademoiselle, но дольше мы держать васъ не можемъ. Ваня, оказывается, слишкомъ взрослый. Конечно, это наша вина, мы должны были бы подумать объ этомъ, когда брали въ домъ молодую дѣвушку... Вотъ вамъ, въ виду этого, за мѣсяцъ впередъ, дольше оставаться вамъ нельзя.

Я снова очутилась на улицѣ.

На этотъ разъ страдалица,—вы мнѣ позволите называть ее страдалицей, потому что на глазахъ ея во время разсказа блестятъ слезы обиды и горя,—на этотъ разъ страдалица рѣшила бѣжать „изъ этого проклятаго города“ и съ восторгомъ схватилась за приглашеніе въ деревню:

— Отличное мѣсто. Трое дѣтей... Но отецъ! Я не говорю уже о томъ, какъ страдали мои ноги подъ столомъ. Онъ всегда умѣлъ улучить минутку, чтобъ пожать мнѣ локоть или незамѣтно поцѣловать въ затылокъ. Онъ началъ являться въ дѣтскую и просиживать цѣлыми днями. А по вечерамъ я слышала тихій, осторожный стукъ въ дверь моей комнаты, которую изъ-за предосторожности запирала, словно была окружена разбойниками! О, это были ужасные дни! Къ тайнымъ приставаньямъ мужа примѣшалась явная ревность жены. Онъ начиналъ у ъ злится, она

бѣсилась. Однажды онъ ни съ того ни съ сего придрался, накричалъ на меня, она сдѣлала намъ обоимъ сцену. Приказали запрячь лошадь и отвезли меня на станцію.

Очутившись снова на одесской мостовой, она перепробовала, кажется, всѣ занятія, возможныя для женщины, всѣ, кромѣ одного.

— Я поступила въ большой торговый домъ. Управляющій перевелъ меня въ комнату, поближе къ нему, спрашивалъ, что за охота мнѣ, такой хорошенькой, служить за 30 рублей въ мѣсяцъ. Предлагалъ билеты въ театръ. Одинъ резъ требовалъ, чтобы я непремѣнно выпила рюмку какого-то ликера. И, наконецъ, когда я однажды вошла въ кабинетъ, прося объяснить мнѣ что-то непонятное въ счетахъ, онъ взялъ меня за подбородокъ: „Ахъ, вы милое дитя, дитя!“ и поцѣловалъ меня въ губы. Когда я крикнула на него и сказала, что буду жаловаться, я сдѣлалась плохой служащей. Все у меня было не въ порядкѣ, и въ концѣ-концовъ я была уволена „за плохое поведеніе и небрежное отношеніе къ дѣламъ“.

— Я поступила въ магазинъ. Хозяинъ однажды попросилъ меня прійти вечеромъ и подвести счета, и вдругъ ни съ того ни съ сего заговорилъ, что онъ чувствуетъ въ своей жизни пустоту, что они съ женой — только друзья, что въ 7 лѣтъ супружеской жизни всякая любовь гаснетъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ поѣхать въ загородный ресторанъ, потому что у него голова болитъ и мнѣ нужно освѣжиться.

— Видя, что ничего не добьешься, я рѣшила пойти на сцену. Тамъ, кажется, красота не составляетъ недостатка! Хоть тарелки выносить, хоть за 25 рублей слу-

жить, но ѣсть свой честный кусокъ хлѣба. Вѣдь могу же я оставаться честной. Пусть это будетъ мой капризъ! — сказала она съ глазами полными слезъ, улыбаясь грустною улыбкой.

Но ея сценическая карьера кончилась такъ же скоро, какъ и всѣ остальныя.

— Въ маленькомъ дачномъ театришкѣ, гдѣ я служила, мнѣ не только не заплатили за первый же мѣсяцъ, но даже разсмѣялись, когда я заикнулась объ уплатѣ: „Такая хорошенькая и хлопочетъ о какихъ-то грошахъ!“ У театра былъ меценатъ, богатый дачникъ, и антрепренеръ,— правда, конфузясь,— просилъ меня: „Право, поужинали бы съ нимъ. Онъ уже который разъ говоритъ мнѣ. А то разсердится и отомститъ мнѣ“. И, ужъ не конфузясь, предложилъ мнѣ поужинать съ нимъ самимъ. Съ нимъ! Съ этимъ жалкимъ антрепренеромъ, живущимъ на подачки! А что это было за несчастное существо! Неужели только потому, что женщина хорошенькая, всякій Богомъ и судьбой обиженный человѣкъ можетъ имѣть на нее право? Мнѣ дали рольку въ водевилѣ, но зато режиссеръ меня спросилъ: „Когда можно прійти къ вамъ... чтобъ пройти рольку?“... А когда я сказала, что никогда, оказалось, что я и безъ словъ-то на сцену не умѣю выйти.

Я не буду утомлять васъ разсказомъ.

Но, Боже, сколько оскорбленій! Если бъ вы знали, сколько оскорбленій!

Она сидѣла передо мной, подавленная своимъ горемъ, заключающимся въ хорошенькомъ личикѣ.

— Что же мнѣ дѣлать? Неужели облить себѣ лицо сѣрной кислотой, чтобы отыскать честный кусокъ хлѣба? Люди все прощаютъ женщинѣ, кромѣ одного —

красоты. За красоту она должна заплатить паденіемъ Неужели это такъ?

И я сидѣлъ передъ ней, не зная, что сказать...

Вы, можетъ-быть, думаете, что это вымыселъ?

Нѣтъ, я познакомилъ васъ съ посѣтительницей, которая, дѣйствительно, только что вышла изъ моей комнаты.

Она хочетъ оставаться честной!

— Изъ упрямства! — какъ говоритъ она.

Черезъ два-три дня ей нечего будетъ ѣсть.

У нея ничего нѣтъ, кромѣ маленькаго револьвера, который она купила себѣ, получивъ первое оскорбленіе. И она не продастъ его, чтобы купить себѣ кусокъ хлѣба.

Неужели...

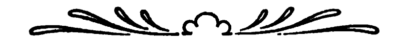
Неужели она должна будетъ покончить съ собой только изъ-за того, что она имѣетъ несчастіе быть хорошенькой?

Неужели красота такое проклятіе для молодой честной, ищущей труда дѣвушки? Такое горе?

— Ха - ха - ха! — расхохочется читатель. — Многія изъ вашихъ читательницъ захотѣли бы испытать такое „горе!“

Горе!

Что дѣлать! Все можетъ превратиться въ горе для этого несчастнаго существа, которое называется человѣкомъ.

Писательница.

Писательница.

(Изъ воспоминаній редактора.)

— Васъ желаетъ видѣть г-жа Маурина.

Ахъ, чортъ возьми! Маурина...

— Попросите подождать... Я одну секунду... одну секунду...

Я перемѣнилъ визитку, поправилъ передъ зеркаломъ галстукъ, прическу и вышелъ...

Вѣрнѣе—вылетѣлъ.

— Ради Самого Бога, простите, что я васъ заставилъ...

Передо мной стояла пожилая женщина, низенькая, толстая, бѣдно одѣтая. Все на ней висѣло, щеки висѣли, платье висѣло.

Я смѣшался. Она тоже.

— Маурина.

— Виноватъ, вы, вѣроятно, матушка Анны Николаевны?

Она улыбнулась грустной улыбкой.

— Нѣтъ, я сама и есть Анна Николаевна Маурина. Авторъ помѣщенныхъ у васъ разсказовъ...

— Но позвольте! Какъ же такъ? Я знаю Анну Николаевну...

— Та? Брюнетка? Она никогда не была Анной Николаевной... Это... это... это обманъ. Не сердитесь на меня. Выслушайте...

Она была растеряна. На глазахъ стояли слезы.

— Вы позволите мнѣ сѣсть?

— Ахъ, конечно... Прошу... прошу... Простите, что я раньше...

— Нѣтъ, ничего! Ради Бога, не безпокойтесь... Позвольте мнѣ вамъ разсказать... Не сердитесь... Разсказы писала я... Вотъ, видите ли, мнѣ хотѣлось печататься... Не только для гонорара,—нѣтъ. Мнѣ казалось, что у меня есть, что сказать. Я много пережила, перечувствовала, много думала. Мнѣ хотѣлось писать. Я написала три разсказа и отнесла въ три редакціи. Можетъ-быть, это были недурные разсказы, можетъ-быть, плохіе. Я не знаю... Они... они не были прочитаны. Одинъ изъ разсказовъ былъ и у васъ. Я приходила нѣсколько разъ, мнѣ говорили, что вы заняты. „черезъ недѣлю“! Наконецъ, вашъ секретарь передалъ мнѣ разсказъ съ помѣткой „нѣтъ“. Простите меня, но вы его не читали!

— Сударыня, этого не можетъ...

— Этотъ разсказъ былъ потомъ напечатанъ у васъ же!—отвѣтила она тихо и печально.— Тогда мнѣ въ голову пришла мысль... быть-можетъ, очень нехорошая... быть-можетъ, очень-очень дурная... Я... Въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ жила молодая дѣвушка, гувернантка безъ мѣста, очень красивая... Та самая, которая приходила къ вамъ подъ именемъ Анны Николаевны Мауриной и... простите меня... талантомъ которой вы такъ заинтересовались. Она также сидѣла безъ средствъ, и я предложила ей комбинацію

Я буду писать, а она—носить мои разсказы отъ своего имени... Вы знаете, портретъ автора при сочиненіяхъ всегда интересуетъ... Особенно, когда такой портретъ! Я посмотрѣла на нее: роскошные волосы, глаза, фигура, щеки, отъ которыхъ пышетъ молодостью и жизнью. Въ ней есть все, чтобы заинтересовались ея психологіей. Не сердитесь на меня, я ничего не хочу сказать дурного ни про васъ ни про вашихъ коллегъ! Ничего! Никѣмъ не было сдѣлано ни одного слишкомъ сквернаго намека! Ни одного слишкомъ вольнаго слова! Но когда она отнесла разсказы по редакціямъ, ей отвѣтъ дали черезъ три дня. Только и всего! И всѣ разсказы были приняты. Боже мой! Это такъ естественно! Молодая, очень красивая женщина пишетъ. Интересно знать, что думаетъ такая красивая головка! Сначала въ особенности—разсказы бывали не совсѣмъ удачны, и нѣкоторые гг. редакторы были такъ добры, что сами ихъ передѣлывали. И съ какой любовью! Вычеркивали, но какъ осторожно, съ какимъ сожалѣньемъ: „Мнѣ самому жаль, но это немножко длинно, дитя мое". Она мнѣ, обыкновенно, разсказывала всѣ подробности своихъ визитовъ. Удивлялись: „Какъ вы, такая молоденькая, — и откуда вы все это знаете?" Простите меня, ради Бога! Это ваши слова. Но и другіе говорили то же самое. Изумлялись ея талантливости. „Откуда у васъ такія мысли?" Всякая мысль получаетъ особую прелесть, если она родилась въ хорошенькой головкѣ! Жизнь не выучила меня быть оптимисткой. И такая молоденькая, такая красивая женщина со взглядами, полными пессимизма! Это придавало ей только интересъ. Ей и „ея" разсказамъ! Она всегда мнѣ разсказывала все, что ей говорили. И мы, — про-

стите меня,—много смѣялись. Она очень весело, я не такъ... Но все-таки, смѣйтесь надо мной,—отъ похвалъ у меня кружилась голова. Какъ замѣчали всякое красивое, удачное, чуть-чуть оригинальное слово! Наши дѣла шли великолѣпно. Мы зарабатывали рублей двѣсти въ мѣсяцъ. Сто я отдавала ей, сто брала себѣ. И все шло отлично. Какъ вдругъ... На прошлой недѣлѣ та Анна Николаевна поступила въ кафешантанъ.

— Въ кафешан...

— Въ кафешантанъ. Тамъ ей показалось веселѣе, и предложили больше денегъ. Я умоляла ее не бросать литературы. Вѣдь мы были наканунѣ славы. Еще полгода—мы стали бы зарабатывать 500—600 рублей въ мѣсяцъ. У меня почти готовъ романъ. У нея бы его приняли. Я умоляла ее не губить моей литературной карьеры. Она ушла: „Тамъ веселѣе!..“ Что мнѣ оставалось дѣлать! Взять на ея мѣсто другую? Но это было бы невозможно: сегодня одна Маурина, завтра другая... Да и къ тому же... не сердитесь на меня... я думала, я надѣялась, что мои труды, одобренные, печатавшіеся, даютъ ужъ мнѣ право выступить съ открытымъ забраломъ... съ некрасивымъ лицомъ... Не гнѣвитесь же на меня за маленькое разочарованіе.

— Я... я, право, не знаю... все это такъ странно.. Такая нелитературность пріема...

Она сдѣлала такой жестъ, словно я собираюсь ее бить.

— Не говорите мнѣ! Не говорите! Я ужъ слышала это! Въ одной ужъ редакціи меня почти выгнали. „Нелитературный пріемъ! Расчетъ на какія-то постороннія соображенія! Это не принято въ литературѣ!..“ И вотъ я пришла къ вамъ. Вы всегда такъ хорошо относи-

лись къ... моимъ разсказамъ. Вы такъ хвалили. Не откажите прочитать вотъ эту вещицу. Это въ томъ родѣ, который вамъ у нея особенно нравился. Ей вы читали въ три дня. Мнѣ можно зайти черезъ недѣлю?

— Помилуйте... зачѣмъ же черезъ недѣлю... увѣряю васъ... вы ошибаетесь...

— Не сердитесь!

— Я прошу васъ зайти черезъ три дня. Черезъ три дня разсказъ будетъ прочитанъ!

— Можетъ-быть, лучше черезъ...

— Сударыня, повторяю вамъ: че-резъ три дня раз-сказъ будетъ про-чи-танъ. Имѣю честь кланяться!

Черезъ три дня я получилъ черезъ секретаря записку:

„Я говорила, что лучше черезъ недѣлю. Не сердитесь на меня, я зайду еще черезъ недѣлю. Уважающая васъ Маурина".

Такая досада, чортъ возьми! Непремѣнно надо было прочитать,—и забылъ!

Затѣмъ... Я ужъ не помню, что именно случилось. Но что-то было. Осложненія на Дальнемъ Востокѣ, затѣмъ недородъ во внутреннихъ губерніяхъ — вообще событія, на которыя публицисту нельзя не откликнуться. Словомъ, былъ страшнымъ образомъ занятъ. Масса обязанностей. Положительное отсутствіе времени, При спѣшной, лихорадочной газетной работѣ... Потомъ разсказъ, вѣроятно, куда-то затерялся. Я не могъ его найти...

Недавно я встрѣтилъ въ одномъ новомъ журналѣ подъ разсказомъ подпись Мауриной.

Вечеромъ я встрѣтился съ редакторомъ.

— Кстати, а у васъ Маурина пишетъ?

— А вы ее знаете? Правда, прелестный ребенокъ?

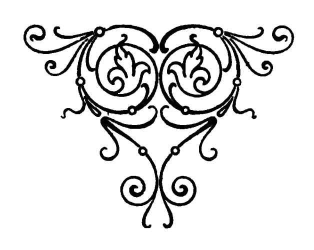
— Да?

— И премило пишетъ, премило. Конечно, немножечко по-дамски. Длинноты тамъ, отступленія. Приходится передѣлывать, перерабатывать. Но для такого талантливаго ребенка прямо не жаль. У насъ въ редакціи ее всѣ любятъ. Прямо,—войдетъ, словно лучъ солнца заиграетъ. Прелестная такая. Дѣтское личико. Чудная блондинка.

— Ахъ, она блондинка?

— Блондинка. А что?

— Такъ... Ничего...

Петербургъ.

Петербургъ.

Это разсказывала мнѣ одна очень красивая актриса въ одну изъ тѣхъ странныхъ минутъ откровенности, которыя иногда почему-то находятъ на женщинъ.

Просто привычка декольтироваться. Имъ иногда хочется декольтировать и свою душу.

— Je ne suis pas difficile. Вы знаете мое амплуа: grande coquette. Оно требуетъ платьевъ и брильянтовъ. За талантъ мнѣ дали бы немного. А талантъ моихъ портнихъ приходится оплачивать очень дорого. Къ тому же... Я могу думать о добродѣтели очень много,— больше даже, чѣмъ другія,—но только до тѣхъ поръ, пока я не вижу другой женщины въ хорошемъ платьѣ. Тогда я перестаю думать о добродѣтели и начинаю думать о платьѣ.

Когда я ѣхала въ Петербургъ, я отлично знала, что меня ожидаетъ и о чемъ я должна прежде всего позаботиться. Въ Петербургѣ есть люди, мимо которыхъ трудно пройти молодой актрисѣ. Театръ, это— зданіе, у входа въ которое стоитъ нѣсколько свѣжевыкрашенныхъ столбовъ. Мимо нихъ трудно пройти, не испачкавшись.

Въ первую же субботу въ циркѣ я смотрѣла на этихъ господъ и думала только:

— Который?

Иксъ? Игрекъ? Дзэтъ?

Въ сущности они были для меня всѣ безразличны. И я задавала себѣ этотъ вопросъ безъ всякой муки. Не подумайте!

Просто изъ любопытства. Вѣдь это же касалось меня и, кажется, можно сказать, касалось довольно близко.

„Имъ“ оказался Иксъ. Даже лучшій изъ нихъ! Съ большимъ вліяніемъ въ театрѣ, съ хорошимъ положеніемъ, съ отличными средствами.

Могъ быть полезенъ и для карьеры и въ смыслѣ портнихъ.

Онъ попросилъ, его мнѣ представили. Явился съ визитомъ, привезъ цвѣтовъ, потомъ конфетъ.

Собственно говоря, все было рѣшено съ перваго момента.

Объ этомъ, конечно, не говорилось. Развѣ можно! Но это отлично понимали оба.

Онъ говорилъ, что онъ одинокъ и ему нужно существо, которое онъ бы любилъ. Это наполнитъ его жизнь. Говорилъ, что онъ не молодъ, „конечно, не мальчишка“, но постояненъ и способенъ на глубокое чувство.

Я, улыбаясь, отвѣчала:

— Вамъ ли говорить объ этомъ? Сколько женщинъ, я увѣрена, мечтаютъ...

Такъ мы торговались, говоря совсѣмъ о другомъ.

Онъ давалъ понять:

„Не думай, матушка, я разорюсь ради тебя или надѣлаю глупостей. Нѣтъ! Но хорошее вознагражденіе ты получишь. И это ен нѣчто мимолетное, а такъ, на годъ, на два!“

Я отвѣчала взглядомъ:

„Что же ты медлишь, дурашка?“

Ему достаточно было, ну, какъ-нибудь подольше поцѣловать мнѣ руку—и я „упала бы въ его объятія“:

— Я твоя!

И я думала:

— Поскорѣй бы!

У зубного врача такъ просишь:

— Докторъ, вырвите зубъ, но поскорѣй!

Очевидно, онъ не находилъ повода къ чему-нибудь лишнему.

А я смотрѣла на него почти умоляюще.

— Да найди же, найди!

Отыграть эту роль въ глупой комедіи. Изобразить страсть. И начать посылать къ нему счета отъ портнихъ.

А онъ все говорилъ, все говорилъ и не давалъ мнѣ, ну, повода, чтобъ сказать:

— Я твоя.

Престранный городъ вашъ Петербургъ.

Я спрашивала потомъ у другого, у молодого:

— Отчего вы, господа, все съ подходцемъ? Отчего не прямо?

Онъ улыбнулся,—и очень самодовольно:

— Даже устрицу не глотаютъ такъ, сразу. А сначала посмотрятъ на нее, потомъ осторожненько счистятъ бородку, потомъ любовно пожмутъ надъ ней лимонъ, потомъ мягко поддѣнутъ на вилку. А такъ, взялъ... Passez moi le mot, но это ужъ значитъ „сожрать“, а не съѣсть. Не съѣсть со вкусомъ!

Жуиры говорятъ:

— Пулярка любитъ, чтобъ ее хорошо съѣли.

Ну, я, вѣроятно, плохая пулярка и предпочитала бы, чтобъ меня просто сожрали, съ костями, только сразу!

Терпѣть не могу, когда надо мной давятъ лимонъ!!!

Итакъ, онъ продолжалъ ѣздить и говорить.

Однажды—это было въ сумеркахъ, когда и безъ того становится грустно на душѣ — онъ спросилъ меня:

— Вы, навѣрно, никогда не бываете въ церкви, другъ мой?

Онъ всегда говорилъ со мной такимъ тономъ, добрымъ и ласковымъ, словно былъ мнѣ крестнымъ отцомъ.

Я отвѣчала:

— Когда умираетъ кто-нибудь изъ моихъ товарищей или выходитъ замужъ какая-нибудь изъ моихъ подругъ. Первое случается чаще, чѣмъ второе!

Онъ вздохнулъ съ сожалѣніемъ:

— Напрасно, напрасно! Тамъ хорошо. Хорошо въ церкви. Бога забывать не слѣдуетъ. Вы, вѣроятно, и не креститесь даже никогда?

Я разсмѣялась.

— Напротивъ! Часто, очень часто и очень много. Когда выхожу на сцену въ новой роли и трушу!

Голосъ его сталъ совсѣмъ печальнымъ.

— Не слѣдуетъ смѣяться надъ этимъ! Не слѣдуетъ! Хотя бы во имя вашего дѣтства. Вспомните ваше дѣтство.

Со мной не надо говорить о дѣтствѣ. Въ немъ ничего ни хорошаго ни отраднаго. Но когда мнѣ напо-

минаютъ о моемъ дѣтствѣ, у меня слезы подступаютъ къ горлу.

Я чувствую себя такой маленькой, страдающей, безпомощной.

Не надо говорить со мной о дѣтствѣ! Не надо!

Мы, кокотки, всѣ сплошь сентиментальны.

А онъ продолжалъ:

— Вспомните ваше дѣтство, когда вы, маленькая, въ кроваткѣ, сложивъ ручонки, молились „Боженькѣ“. Молились со слезами. Развѣ не легче вамъ тогда было?

Я готова была разрыдаться.

— Вы и образка, вѣроятно, не носите на шеѣ?

Глотая слезы, я постаралась обратить все въ шутку:

— При моей профессіи! Я должна ходить декольтированной!

А онъ продолжалъ печальнымъ голосомъ, полнымъ сожалѣнія:

— Не тогда, когда вы занимаетесь вашей профессіей, а тогда, когда вы дома, одна, когда вы спите... Хотите, я привезу вамъ образокъ?

Ему это нравится!

— Пожалуй!

Онъ оставилъ меня разстроенной, взволнованной, несчастной.

Я заплакала,—не знаю, о чемъ.

На слѣдующій день онъ пріѣхалъ ко мнѣ и смотрѣлъ на меня, какъ на ребенка, еще мягче, еще ласковѣе.

— А я привезъ вамъ образокъ. Освященный.

Онъ вынулъ изъ коробочки золотой образокъ на тоненькой цѣпочкѣ.

Перекрестился и поцѣловалъ его самъ.

Перекрестилъ меня.

— Перекреститесь и поцѣлуйте, другъ мой.

У меня не въ порядкѣ спинной мозгъ. Отъ этого я черезчуръ впечатлительна.

Я не знаю, что было со мной. У меня были холодныя руки и ноги. Я хотѣла рыдать, плакать, я хотѣла упасть на колѣни.

Мнѣ было страшно надѣть на себя образокъ.

— Дайте, мой другъ, это сдѣлаю я, я самъ. Я самъ надѣну на васъ.

Онъ дрожащими руками началъ разстегивать мой капотъ.

Я задрожала вся, когда холодная цѣпочка дотронулась до моей шеи.

А онъ разстегивалъ дальше и дальше.

— Вотъ такъ. Вотъ такъ.

Онъ словно игралъ на роялѣ. Его холодные пальцы дрожали и прыгали по моему тѣлу.

Я съ ужасомъ ждала прикосновенія образка.

— Какая грудка!

И вдругъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ холодный образокъ коснуться груди, я почувствовала что-то мокрое, трясущееся.

Его губы.

Словно жабу, осклизлую и мокрую, положили мнѣ на грудь.

Я закричала не своимъ голосомъ и толкнула его такъ, что онъ полетѣлъ, чуть-чуть не ударился головой о косякъ стола, упалъ въ углу, около этажерки.

Я кричала, схватившись за голову.

— Уйдите, уйдите отъ меня! Не подходите, не подходите!

Онъ сидѣлъ на полу, блѣдный, съ отвислой челюстью, старый, испуганный, дрожащій отъ желанія.

Онъ былъ отвратителенъ и страшенъ мнѣ.

Я боялась за себя, за молодую, за сильную, что я съ нимъ что-нибудь сдѣлаю.

Я кричала ему:

— Вонъ... вонъ... уйдите сейчасъ!..

Если бы меня изнасиловалъ пьяный бродяга, мнѣ было бы легче, чѣмъ это...

Такъ все и разстроилось.

Вмѣсто человѣка „съ тонкой организаціей“ я досталась купцу.

Онъ... Вы знаете, какъ купцы ѣдятъ устрицъ?

Сковырнулъ вилкой, проглотилъ.

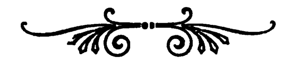
— Э-э, чортъ! Лимону позабылъ пожать. Ладно, надъ слѣдующей пожму!

Просто, а тутъ...

Зачѣмъ до души надо дотрогиваться трясущимися руками? Вѣдь есть тѣло, и хорошее тѣло!..

И она почти крикнула мнѣ:

— Зажгите лампу! Скорѣй! Скорѣй! Мнѣ страшно! Я боюсь, что и вы... начнете говорить о возвышенныхъ предметахъ!

ВСТРѢЧА.

Встрѣча.

Было поздно.

Даже безпутный Монмартръ заснулъ. Гарсоны въ длинныхъ бѣлокурыхъ парикахъ, одѣтые ангелами, заперли „Cabaret du ciel“. Надъ „кабачкомъ смерти“ погасили зеленый фонарь, превращавшій проходящихъ мимо въ мертвецовъ. Погасли красные огни „Moulin“.

Только въ „Rat mort“ „Cyrano“, „Place Blanche“ за спущенными шторами свѣтился огонь. Оттуда слышались шумъ, смѣхъ, визгъ скрипки.

Въ верхнемъ залѣ „Place Blanche“ было шумно и тѣсно. Выли, ныли, стонали, визжали скрипки цыганъ. Смѣхъ, звонъ посуды, взвизгиванья. Пахло eau de Lulin, сигарами, кухней, пóтомъ, тѣломъ, виномъ. Женщины съ усталыми лицами, ихъ сутенеры — всѣ, кто работаетъ ночью.

Я спросилъ себѣ шампанскаго „extra dry“, а потому сидѣвшая вблизи женщина въ яркомъ платьѣ, огромной шляпѣ съ колоссальными перьями обратилась ко мнѣ съ нѣсколькими словами по-англійски.

Я отвѣтилъ, что не англичанинъ.

Тогда ко мнѣ обратилась по-нѣмецки толстая, огромная, старая нѣмка, вѣроятно забытая пруссаками въ 71-мъ году.

Я сказалъ, что и не нѣмецъ.

— Онъ русскій! — воскликнула сидѣвшая неподалеку француженка и обратилась ко мнѣ по-русски:— Ты русскій? Правда?

— Ты говоришь по-русски?

— Ого!

И она „загнула“ по-русски нѣсколько такихъ фразочекъ, что я только ротъ разинулъ.

— Правда хорошо?

— Экъ тебя обучили!

— Я была гувернанткой.

— Ну да, я была въ Россіи гувернанткой, — обратилась она къ другимъ женщинамъ, — и воспитывала ихъ дѣтей!

Всѣ расхохотались.

Это становилось интереснымъ.

— Хочешь присѣсть? Хочешь стаканъ вина?

— Я бы что-нибудь съѣла!—сказала она небрежно, присаживаясь къ столу. — Гарсонъ, что у васъ есть?

Но когда она читала карточку, руки ея дрожали. Она была очень голодна.

Это была женщина въ яркомъ, очень дешевомъ платьѣ, которое въ первую минуту казалось очень шикарнымъ. Въ боа изъ перьевъ, которыя въ первый моментъ казались страусовыми. Въ огромной шляпѣ, которая на первый взглядъ казалась совершенно новой.

Гримировка вмѣсто лица. Краски превращали этотъ черепъ, обтянутый кожей, въ головку хорошенькой женщины. А ярко-красныя губы, губы вампира, давали обѣщанія, которыхъ не могла сдержать эта усталая актриса.

Жизнь дала ей такую роль—играть красивую, молодую, непремѣнно свѣжую женщину.

Сколько ей могло быть лѣтъ?

Не все ли мнѣ равно, вѣдь я не собирался ею увлекаться.

Она это замѣтила и строго сказала:

— Quand même, tu dois être gentil avec ta petite femme mon coucou! Ты студентъ?

— Нѣтъ, я не студентъ. Почему ты думаешь?

— У насъ студенты очень любятъ ходить, гдѣ есть много женщинъ, и сидѣть вотъ такъ, какъ ты... Гамлетомъ!

Она чувствовала легкое опьянѣніе отъ ѣды, какъ чувствуютъ его очень проголодавшіеся люди.

А принявшись теперь за шампанское, пьянѣла сильнѣе и сильнѣе.

— Это презабавный народъ — русскіе! — воскликнула она, показывая на меня и обращаясь къ окружающимъ. — Они не хуже и не лучше другихъ. Такія же свиньи, какъ и всѣ. Но никто столько не раскаивается! Они всегда раскаиваются! Ихъ любимое занятіе. Напиваются пьяны и плачутъ, бьютъ себя въ грудь, а потомъ другихъ по головѣ. И самое любимое ихъ слово—„подлецъ“. „Я подлецъ, и ты подлецъ, и всѣ мы подлецы!“ Это у нихъ обязательно. Безъ этого они не считаютъ себя „порядочными людьми“. Очень весело сидѣть въ такой компаніи!

Всѣ захохотали. Многіе придвинулись ближе.

— Развѣ это не правда? Никто столько не кается! Вы знаете, о чемъ они говорятъ съ женщиной? Самый любимый вопросъ: какъ ты дошла до этого... У нихъ даже есть стихи такіе любимые.

И она продекламировала съ паѳосомъ:

— „Какъ дошля ти до жисни такой?“ Это всегда всякій говоритъ: „Ахъ, ты бѣдная, бѣдная!“ А самъ рукой.

Настроеніе кругомъ становилось все веселѣе и веселѣе.

— Ah, ils sont drôles, les russes!

— Я знаю отлично Россію! Отъ самыхъ лучшихъ семействъ... Ты знаешь, не кто-нибудь. Самыя лучшія фамиліи. Ты русскій, ты долженъ знать.

И она принялась сыпать громкими фамиліями.

— И кончая домомъ...

Она назвала и этотъ домъ.

— Меня взяли бонной въ Россію изъ одного монастыря на avenue Malacoff. Оттуда куда-нибудь не пустятъ! Я росла у сестеръ на avenue Malacoff, за высокимъ заборомъ, въ домѣ, стѣны котораго отдѣланы изразцами съ изображеніями святыхъ, и съ садомъ съ блѣдными, чахлыми деревьями, которыя словно тоже были всѣ женщинами и дали обѣтъ монашества. Такія они были унылыя! Меня отдали въ бонны къ русской дамѣ изъ отличнѣйшей фамиліи. Отличнѣйшая фамилія и отличнѣйшіе друзья, разоренное имѣнье,— какъ это у нихъ у всѣхъ,—и шесть человѣкъ дѣтей! Ахъ, эти русскіе! Они совсѣмъ не знаютъ воздержанія! И шикари плодятъ нищихъ съ замашками шикарей. Нигдѣ нѣтъ столько аристократіи, какъ въ Россіи, и даже въ метръ д'отеляхъ кафе шантановъ встрѣчаются люди съ громчайшими фамиліями! Настоящее перепроизводство. Они расточители во всемъ. Когда у насъ мало средствъ, мы живемъ одинъ день въ недѣлю, а шесть копимъ и отказываемъ себѣ во всемъ. А они

хотятъ принимать, выѣзжать, блистать каждый день. И каждое новое платье madame стоило сотни заплатокъ на штанахъ иноскахъ дѣтей. Бѣлье мы чинили и ставили рубецъ на заплату, заплату на рубецъ, а madame по утрамъ рыдала, а вечеромъ надѣвала новое платье и ѣхала. Monsieur по утрамъ рвалъ на себѣ волосы, а вечеромъ угощалъ гостей двухрублевыми сигарами. Это шесть франковъ.

Всѣ кругомъ воскликнули и съ удивленіемъ и съ порицаніемъ:

— А-а! О-о!

— Нищета, разореніе, покрытыя сверху шелкомъ, который взяли въ кредитъ, и кружевами, которыя достали чуть не мошенническимъ образомъ. Настоящіе азіаты, дикари, у которыхъ шатры покрыты дорогими коврами и которые спятъ въ этихъ шатрахъ на голой землѣ въ лужѣ грязи. А, въ нихъ много Азіи! Вся нищета была на мнѣ. Шесть человѣкъ дѣтей! Одѣвать, раздѣвать, умывать, причесывать, гулять съ ними, играть, каждую минуту приводить въ порядокъ, а по вечерамъ еще штопать чулки и класть заплаты. Русскіе воспитались на крѣпостномъ правѣ, и никто такъ не умѣетъ устраивать крѣпостного права, какъ они. Служащаго нѣтъ,—его сейчасъ же дѣлаютъ крѣпостнымъ. Онъ и не замѣтитъ! У насъ есть и работа, очень тяжелая, но есть и отдыхъ. У русскихъ отдыха нѣтъ, это называется „ничего не дѣлать“. — „Mademoiselle, вы ничего не дѣлаете—сдѣлайте то-то“. И вы не можете отвѣтить: „Какъ я ничего не дѣлаю? Я отдыхаю“. Это примутъ за шутку. Сегодня вы штопаете чулки дѣтямъ просто изъ жалости, завтра—изъ любезности, послѣ завтра madame уже кричитъ: „Mademoiselle, что жъ

это у дѣтей не заштопаны чулки!“ Имъ нельзя оказать любезности, — черезъ два дня это станетъ вашей обязанностью. Сегодня — любезность, завтра — привычка, послѣ завтра — обязанность. И въ концѣ-концовъ на васъ навалятъ столько обязанностей, что вы никогда не будете принадлежать себѣ. Васъ сдѣлаютъ крѣпостной. О, этотъ народъ крѣпостного права! Мнѣ приходилось работать по 18 часовъ въ сутки. Штопанье дѣтскаго, даже починки для madame! Благодарю покорно. J'en ai plein le dos! Въ одинъ прекрасный день я переколотила всѣхъ дѣтей, всѣхъ этихъ маленькихъ нищихъ, которые — они вѣдь голубой крови! — кидали мнѣ въ лицо свое бѣлье: „Я пожалуюсь maman, вы опять дали мнѣ рваную рубашку!“ Да другихъ-то и не было, будущіе обитатели остроговъ! Я наговорила дерзостей madame. Чтобы сдѣлать больше непріятностей въ домѣ, я навизжала, что monsieur хочетъ что-то со мной сдѣлать. Въ хорошенькомъ положеньѣ я оставляла домъ! Всѣ ревѣли, всѣ катались въ истерикѣ, всѣ хватались за головы. Кушайте! И часа больше не осталась, — ушла! А, эти мѣста „бонны въ домѣ“! Я ихъ знаю! Я ихъ перемѣнила восемь въ теченіе года! Мѣста! Гдѣ хозяинъ дома не можетъ васъ видѣть безъ того, чтобы у него не задрожали углы губъ и въ глазахъ не запрыгали черти! Гдѣ старшій сынъ является вдругъ въ вашу комнату въ 11 часовъ вечера, садится къ вамъ на кровать и спрашиваетъ: „Mademoiselle, какъ перевести по-французски эту фразу?“ А у самого голосъ дрожитъ! Мѣста, гдѣ старѣющая, блекнущая, ссыхающаяся или расползающаяся, какъ желе, madame смотритъ на васъ злыми глазами и старается васъ коль-

нуть побольнѣе, по-женски. Гдѣ молодая дѣвушка не можетъ надѣть бантика. Гдѣ каждый вашъ бантикъ оказывается „верхомъ безобразія“. „Что это вы за гадость еще нацѣпили? Фи! Снимите! Вамъ это не идетъ! Какъ это, — удивляюсь: француженка, и совсѣмъ, совсѣмъ не умѣете одѣваться!“ Ваши духи, о маленькомъ флаконѣ которыхъ вы такъ мечтали и которые, наконецъ, купили, — всегда отбиваютъ аппетитъ у madame, оказываются отвратительными, заставляютъ ее морщить носъ: „Чѣмъ это вы? Что это такое?“ Дома, гдѣ на васъ смотрятъ, какъ на склянку съ ядомъ, котораго, боятся, не хлебнулъ бы мужъ или сынъ. И вы знаете, русскіе еще требуютъ, чтобы гувернантки, бонны любили домъ, гдѣ служатъ, дѣтей, хозяевъ, вещи, — кажется, самыя стѣны! Какъ же! „Что это за гувернантка, что это за бонна! Она знаетъ только свое дѣло, а любви къ дому у нея никакой нѣтъ!“ Хуже такой аттестаціи у нихъ ничего нѣтъ. Любви! Да я не знаю, до какого нравственнаго паденія надо дойти, чтобы еще любить ту руку, которая васъ бьетъ по щекамъ. Если въ ней есть хоть чуточка нравственной порядочности, хоть капелька человѣческаго достоинства, если это не безнадежно нравственно падшее существо, — она должна ненавидѣть хозяевъ, ихъ домъ, ихъ дѣтей. Это все, что остается ея человѣческому достоинству. И единственное нравственное удовлетвореніе получаетъ человѣкъ, служащій въ русскихъ домахъ, только тогда, когда онъ уходитъ! Тутъ-то напѣть имъ, какъ слѣдуетъ! Ахъ, я это ужасно любила. Быть-можетъ даже, я чаще мѣняла мѣста потому, что никакъ не могла дождаться этого удовольствія! Словомъ, перемѣнивъ девять мѣстъ, я нашла,

что мѣсто „бонны въ домѣ“ совсѣмъ не по мнѣ, и стала публиковать въ газетѣ, что ищу „demi-place“. Я хотѣла хоть засыпать и просыпаться у себя. Хоть минуту быть „дома“, одной, не видѣть противныхъ мнѣ рожъ. „Все же я меньше буду ихъ ненавидѣть“. Мнѣ становилось страшно, до чего я начинала ненавидѣть русскихъ дѣтей, изъ которыхъ выйдутъ такіе же вотъ, какъ ихъ отцы! Les demi-places! Сколько я ихъ перемѣнила. Бѣгать изъ одного конца города въ другой: тамъ „гулять съ дѣтьми“ 2 часа въ день — 8 рублей въ мѣсяцъ, здѣсь „играть съ дѣтьми“ три часа въ день — 7 рублей въ мѣсяцъ. Въ концѣ-концовъ квартирная хозяйка, которая не даетъ даже всего, что обязана, потому что ей всегда не въ срокъ заплачено, и со страхомъ, съ отчаяніемъ разглядыванье своихъ ботинокъ по вечерамъ. Онѣ лопаются! Ложиться спать съ голоднымъ желудкомъ и плакать, глядя въ маленькое зеркальце: щеки желтѣютъ, лицо худѣетъ, старѣетъ, вокругъ глазъ темные круги. Или мѣсто съ завтракомъ и обѣдомъ, съ самыми худшими кусками за завтракомъ и обѣдомъ. Весь день съ дѣтьми, — и 15—20 рублей въ мѣсяцъ. Только-только заплатить за квартиру и прачкѣ. А отъ васъ требуютъ, чтобы вы были даже „мило“ одѣты: „У насъ бываютъ люди!“ На что толкаютъ эти порядочные люди молодую дѣвушку, которая имѣла несчастье попасть въ ихъ домъ? Какимъ трудомъ должна заниматься дѣвушка съ 9 часовъ вечера до 10 утра, чтобъ быть „одѣтой“? Развѣ онѣ не толкаютъ, какъ толкаетъ меня теперь мой Поль, и не говорятъ: „Достань! Я не могу показываться съ тобой въ плохомъ костюмѣ!“ Да, но въ такомъ случаѣ оставьте мнѣ мои рабочіе часы! А то

говорятъ: „Mademoiselle, у насъ сегодня гости, вы поможете по хозяйству. Останьтесь вечеромъ. Вы разольете гостямъ чай!“ И еще вздыхаютъ, добрые люди: „Ахъ, бѣдной дѣвушкѣ все-таки развлеченье! Посмотритъ, какъ танцуютъ“. А эти гости! Вотъ еще типы! Люди, которые подбѣгаютъ къ вамъ, берутъ чай и поворачиваютъ спины всегда прежде, чѣмъ сказать: „merci“. Сначала отвернется, а потомъ ужъ вспомнитъ сказать. Нѣтъ ничего хуже „вѣжливости“ русскихъ. А здѣсь они не просятъ, а умоляютъ кучера: „Je vous en prie, monsieur le cocher, s'il vous plaît“. А тамъ! Дома они хамы, а потому за границей обжираются вѣжливостью. Это для нихъ диковинное блюдо. И замѣтьте, mesdames, чѣмъ больше ползаетъ у вашихъ ногъ здѣсь русскій, тѣмъ, значитъ, онъ тамъ, дома, важнѣе, грубѣе, наглѣе, любитъ накричать, разнести,—„ррраспюшить“, какъ они говорятъ.

— Ils sont très, très polis, les polissons russes, avec les p'tites femmes!—раздались восклицанія кругомъ.—Ah, c'est vrai!

И сидѣвшія кругомъ женщины принялись вспоминать важныхъ и солидныхъ русскихъ и разсказывать про различныя „интимности“, въ которыя тѣ пускались.

Становилось немножко тошно.

— Ахъ, свинья! Ахъ, свинья!—восклицали женщины съ хохотомъ.

А моя разсказчица задумалась, какъ будто вспоминая что-то трудное, наконецъ, очевидно, вспомнила во всѣхъ подробностяхъ, расхохоталась на весь залъ и воскликнула:

— Ну, настоящія свиньи!

И продолжала, когда хохотъ и воспоминанія утихли:

— А тѣ гости, которые разговариваютъ съ mademoiselle, разливающей чай: „Такая хорошенькая, и вдругъ въ гувернанткахъ! Почему вы не пойдете въ оперетку? Вы, должно-быть, прелестно сложены! Вы рождены совсѣмъ не для того!“ Нечего сказать, хорошія вещи говорятся въ этихъ, такъ называемыхъ, „порядочныхъ домахъ“. И это всѣ: и старые и молодые. Изъ поколѣнія въ поколѣніе растетъ, умираетъ, валится, гніетъ и снова вырастаетъ та же мерзость! И я ненавидѣла этихъ дѣтей, изъ которыхъ растетъ все то же, все то же. Эти молодые побѣги крапивы и бурьяна. „Будемъ искать мѣста компаньонки или лектрисы!“ сказала я себѣ. А вы знаете, что значитъ искать мѣсто компаньонки или лектрисы въ Россіи! Право, они какіе-то тамъ помѣшанные! Они только объ одномъ и думаютъ! Въ тотъ же день, какъ вы печатаете такое объявленіе, вы получаете 20 писемъ. Я была честная дѣвушка, и отъ предложеній, которыя мнѣ дѣлались, я бѣжала, чувствуя, что у меня подкашиваются ноги, боясь, что меня вотъ-вотъ схватятъ. Наконецъ, старикъ. Старикъ, не встающій съ кресла. Разбитый параличомъ, умирающій, одинокій, тоскующій одинъ въ своемъ креслѣ, всѣми забытый,—одинъ предъ лицомъ подступающей смерти. „Вы мнѣ, старику, будете читать, дитя мое,—сказалъ онъ,—и время не будетъ тянуться такъ ужасно“. И въ первый же день далъ мнѣ книгу, читая которую покраснѣлъ бы пожарный: „Прочтите мнѣ вслухъ!“ О, эти русскіе! У нихъ на три четверти татарская кровь течетъ въ жилахъ. Плохо даже нарисованной женской ноги они не могутъ видѣть безъ того, чтобъ въ ихъ татарской крови не проснулось

инстинктовъ. Тогда какъ мы ко многому такому относимся просто съ веселымъ смѣхомъ. Но я чувствовала смущеніе, когда читала вслухъ такія вещи. „Чего жъ вы краснѣете? Чего вы краснѣете? — останавливалъ меня старикъ.—А, вы понимаете, въ чемъ дѣло?“ Это его забавляло, это ему доставляло удовольствіе. Онъ иногда прерывалъ меня на такихъ мѣстахъ, гдѣ слезы душили мнѣ горло, и я чувствовала, что все во мнѣ оскорблено. „А вы знаете, дитя мое, что это?“ И онъ принимался объяснять пространно, подробно,—и когда я выскакивала почти въ испугѣ, онъ тянулся достать мою руку: „Что съ вами, дитя мое? Что съ вами?... Что?.. Что?.. Что?..“ И никогда онъ не былъ больше похожъ на мертвеца, мнѣ казалось, что онъ разлагается въ эти минуты. Никогда онъ не былъ такъ близокъ къ смерти. Я боялась, вотъ-вотъ захлебнется слюнями, вотъ-вотъ задохнется, у него разорвется сердце. Я чувствовала ужасъ, слышала трупный запахъ. Я не помню, какъ выбѣжала во время одного такого припадка Я закричала горничной: „Онъ умираетъ! Онъ умираетъ!“ Я бѣжала съ лѣстницы, словно меня догонялъ покойникъ. „Мѣсто у дамы! Мѣсто у дамы!“ мечтала я. И попала къ почтеннѣйшей дамѣ, отличнѣйшей фамиліи, одинокой, старой, патронессѣ, спириткѣ, состоявшей въ какихъ-то необыкновенно благочестивыхъ обществахъ. У нея въ домѣ было такъ тихо, что даже залетавшая случайно муха, и та переставала жужжать, испуганная тишиной. Иногда въ огромныхъ комнатахъ что-то стукало, гдѣ-нибудь скрипѣлъ или трескался какъ зеркало натертый паркетъ,— и старуха говорила тихо и прислушиваясь: „Это духи“. Мнѣ хотѣлось въ такія минуты кричать отъ страха.

Она заставляла меня читать ей благочестивыя книги, требовала, чтобы я ходила вся въ черномъ, дѣлала выговоры: „Что это у васъ глаза какъ блестятъ сегодня, дитя мое? Что это вы краснѣе, чѣмъ всегда?“— и цѣлыми часами увѣщавала меня: „Молитесь, умоляйте Господа, за грѣхи умоляйте“. Умолять милаго, добраго Бога, Который съ улыбкой смотритъ на насъ, маленькихъ людей, какъ мы здѣсь карабкаемся,—и беретъ насъ къ Себѣ, когда мы устаемъ,—умолять Его мнѣ, когда я знаю, что и грѣховъ-то у меня нѣтъ,— какое кощунство! Мнѣ было противно это лицемѣріе, которое заставляетъ во всемъ видѣть только мерзость и гадость, которое заставляетъ подозрѣвать гнусные грѣхи и преступленія въ честной дѣвушкѣ, видѣть гнусность въ румянцѣ, грѣхи въ блескѣ юныхъ глазъ. Я бросила эту мерзкую, съ грязнымъ воображеніемъ старуху. Пусть спасается одна! Вотъ бы ее поженить съ предыдущимъ старикомъ! И я, право, не знаю, какъ это случилось. Ханжество ли меня толкнуло въ другую сторону, старикъ ли своими грязными разговорами пробудилъ во мнѣ дремавшую чувственность, возрастъ ли требовалъ,—но только я сама не помню, какъ отвѣчала поцѣлуемъ на поцѣлуй пожилого вдовца, моего новаго хозяина, поцѣлуемъ на поцѣлуй, когда мнѣ хотѣлось въ эту минуту искусать его противное, налившееся кровью лицо. Это былъ вдовецъ, къ которому я поступила гувернанткою дочери. Я забеременѣла. Онъ нанялъ мнѣ маленькую квартирку и ѣздилъ каждый день. „Это интересно!“ говорилъ онъ. Ахъ, татары! Вы говорите, что французы испорчены. Но это маленькія шалости въ сравненіи съ татарскимъ необузданнымъ развратомъ, который живетъ у васъ въ

крови. Когда я родила, мнѣ дали 100 рублей и сказали, чтобы я убиралась, куда угодно. „Ну, нѣтъ, такъ съ матерями не поступаютъ!“ сказала я, подкараулила моего вдовца и плеснула ему въ лицо сѣрной кислотой. Въ лицо не попала, немножко обожгла шею и воротничокъ,—но и за это мнѣ предложили убраться изъ города!

— Mais non! Qu'est ce qu'elle parle!

— Она болтаетъ глупости. Какъ? Мать?—закричали кругомъ.

Онѣ слушали со смѣхомъ, какъ обольщали честную дѣвушку, но когда дѣло зашло о поступкѣ надъ матерью, у нихъ вырвался крикъ, крикъ изъ сердца.

— Ну, да! Ну, да! Мнѣ предложили убраться изъ города! Чего вы кричите, mesdames! Предложили, потому что это былъ солидный, извѣстный въ городѣ человѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ! Потому что оказалось, что я шантажистка! Что я желаю сорвать денегъ на неизвѣстно отъ кого прижитаго ребенка! Мнѣ предложили убраться изъ города,—да еще пояснили, что мнѣ дѣлаютъ благодѣяніе. Могли бы отдать подъ судъ. Я требовала суда. Мнѣ отвѣчали: „Еще бы, вамъ этого-то и нужно! Вы скандаломъ и грозите!“ Въ концѣ-концовъ, меня убѣждали, что мнѣ дѣлаютъ доброе дѣло. Во всѣхъ странахъ дѣлаются несправедливости, но нигдѣ при этомъ столько не смѣются, сколько у васъ! Я должна была ѣхать въ другой городъ и тамъ попала въ „домъ“, потому что хозяинъ дома заплатилъ за меня долгъ въ гостиницѣ. Кажется, самъ хозяинъ гостиницы мнѣ все это и устроилъ,—конечно, не лично,—о, это вполнѣ респектабельный господинъ! Пользующійся большимъ уваженіемъ!

Но черезъ своихъ служащихъ, — вѣдь не терять же ему квартирныя деньги. Если будешь терять квартирныя деньги, потеряешь въ концѣ-концовъ и респектабельность и уваженіе! Если прежде я знала только, какъ вы дѣлаете гадости, то на новомъ мѣстѣ я видѣла достаточно, какъ вы каетесь. Странное мѣсто для покаяній,—но это такъ! Трактиръ, кабакъ позорный домъ, это мѣста, куда вы ѣздите больше „для души", чѣмъ для тѣла. Вы напиваетесь, въ пьяномъ видѣ дѣлаетесь Гамлетами, рыдаете, бьете себя кулаками въ грудь и каетесь. Удивительная страна покаяній! Вамъ нужно залѣзть въ грязь по уши и ревѣть. Вы называете это „совѣстью", я называю алкоголизмомъ. Въ концѣ-концовъ этотъ домъ, а въ особенности эти кающіеся пьяные, у которыхъ жесты удивительно расходились со словами, мнѣ ужасно надоѣли. Мнѣ надоѣло разсказывать три раза въ вечеръ, какъ дошла я до жизни такой, — и когда одинъ кающійся художникъ предложилъ мнѣ пойти къ нему, я пошла съ наслажденіемъ. Это былъ славный малый и большой пьяница. Шлаковъ. Вы не слыхали о такомъ художникѣ?

— Нѣтъ.

— О немъ никто не слыхалъ. Въ этомъ и было его несчастье. Неудачникъ, рисовалъ онъ прескверно, а потому считалъ себя жертвой интригъ. Онъ работалъ въ какомъ-то иллюстрированномъ журналѣ, гдѣ надъ его рисунками издѣвались. Поэтому онъ всегда, когда получалъ деньги, напивался пьянъ. Художниковъ онъ всѣхъ считалъ „подлецами", начиная съ Рафаэля. Съ Рафаэлемъ у него были личности. Стоило упомянуть при немъ о Рафаэлѣ, какъ онъ выходилъ

изъ себя, шипѣлъ, хрипѣлъ, стучалъ кулакомъ по столу: „Рафаэлишка! Подлецъ! Подлипало! Безмозглая дрянь! Бездарность! Шарлатанъ! Папѣ племянникомъ приходился, потому и карьеру сдѣлалъ“. Въ пьяномъ видѣ онъ былъ величественъ. Садился развалясь, приказывалъ зажечь передъ нимъ свѣчи, а мнѣ на колѣняхъ стоять и въ ноги кланяться. „Ты съ кѣмъ, дрянь, живешь?—кричалъ.—Со Шлаковымъ живешь! Да знаешь ли ты, тварь, что Шлакову памятники будутъ ставить? Шлаковскіе рисунки будутъ дороже всѣхъ ихъ холстовъ стоить! Шлаковъ карандашный набросокъ сдѣлаетъ,—искусство! И ты съ нимъ живешь! Ты съ нимъ живешь! А? Откуда тебя Шлаковъ вытащилъ? Изъ грязи тебя Шлаковъ вытащилъ! Безсмертье тебѣ даруетъ. О тебѣ, какъ о Фарнаринкѣ подлой Рафаэлевской, пока міръ стоитъ, вспоминать будутъ! Со Шлаковымъ именемъ ты связана, тварь! Кланяйся, дрянь, Шлакову въ ноги! Цѣлуй мои руки! Обливай ихъ слезами благодарности! Великъ Шлаковъ! Что эта рука дѣлаетъ?“ А я должна отвѣчать: „Рисуетъ!“—„А что съ ней за это сдѣлать нужно?“ А я должна отвѣчать: „Цѣловать ее надо!“ А онъ говоритъ: „Врешь, дура! Отрубить эту руку нужно, чтобъ не рисовала. Потому что никто не понимаетъ. Непонятенъ имъ Шлаковъ!“ Да меня кулакомъ по головѣ, а самъ въ слезы. Такъ и терпѣла,—ѣсть нужно. Пока Шлакова разъ домой съ разбитой головой изъ пивной не принесли. Черезъ два дня и померъ.

— Mais comment donc!—раздались недовольные голоса.—Да за что же его?

— А за то, что подошелъ къ чужому столу. У нихъ, у русскихъ, это такъ. Я въ своихъ скитаніяхъ

и въ загородномъ ресторанѣ у нихъ пѣвицей была и ихъ нравы знаю. У нихъ особое право—„право своего стола“—есть. Подходитъ человѣкъ къ чужому столу, его сейчасъ за это начинаютъ бить по головѣ бутылками. „Зачѣмъ къ чужому столу подходишь? Мы сидимъ у своего стола“. И всѣ съ этимъ согласны: „Совершенно вѣрно, они сидѣли у своего стола, а онъ подошелъ къ чужому столу,—его и надо бутылками по головѣ!“ Ils sont drôles, les russes,—savez vous. Съ удовольствіемъ бы къ нимъ проѣхалась, чтобъ посмѣяться. Мой Шлаковъ сидѣлъ въ пивной пьяный А за сосѣднимъ столомъ какая-то компанія сидѣла, пиво пила и иллюстрированные журналы смотрѣла. Шлаковъ и не вытерпѣлъ. Подошелъ: „Господа! Что вы дѣлаете? Остановитесь, ради Бога! Что вы смотрите! Вы вотъ что смотрите! Вотъ это рисунокъ. Это—Шлаковъ“. А они его за это по головѣ бутылками били, пока кровь не пошла. Черепъ въ трехъ мѣстахъ былъ проломленъ. Такъ Шлаковъ и умеръ. Mazette! Осталась я босикомъ среди улицы. Тутъ было все! Наконецъ охватила меня тоска по Парижу. Въ Парижъ! Въ Парижъ! Я купца обокрала и въ Парижъ.

Всѣ захохотали.

— Какъ купца? А въ тюрьму?

— Отъ тюрьмы меня голый человѣкъ спасъ. Жила я въ меблированныхъ комнатахъ. О, были меблированныя комнаты! Мое почтенье! Женщины, сутенеры,—и черезъ стѣнку отъ меня голый человѣкъ жилъ. Просто молодой человѣкъ. Не могъ найти себѣ мѣста. И до того издержался, что ему выйти не въ чѣмъ было. Такъ дома и сидѣлъ и все арію Мефистофеля о золотомъ тельцѣ пѣлъ. За это его „голымъ человѣкомъ“

и звали. Стѣнка была тоненькая, все слышно. Привезла я къ себѣ купца пьянаго, да пока онъ вздремнулъ, денегъ изъ бумажника и вынула. Но русскій купецъ, когда пьянъ, онъ все-таки чувствуетъ, если до его бумажника дотрогиваются. Хотя бы бумажникъ лежалъ въ другомъ концѣ комнаты. Деньги я успѣла спрятать, но купецъ вскочилъ. „Ты что это? Воровать?“ И началъ меня купецъ мучить. Схватилъ меня за руки: „За полиціей я,—говоритъ,—не пошлю, потому что это мнѣ не идетъ. Я человѣкъ семейный и солидный. А своими средствами я допытаюсь“. Крутитъ мнѣ руки, такъ что у меня глаза подъ лобъ вылѣзаютъ: „Говори, гдѣ деньги!“ А я молчу,—„помучитъ,—думаю,—а я все-таки въ Парижъ уѣду, вѣдь не убьетъ же!“ А онъ сильнѣй. Пытка такая, что ужасъ. Закусила губы, чтобъ не крикнуть,—войдутъ въ чемъ дѣло—узнаютъ и деньги отнимутъ. А купецъ говоритъ: „Вотъ какъ! Хорошо же!“ Держитъ меня за выкрученныя руки и началъ меня между лопатками изо всѣхъ силъ бить: „Этого,—говоритъ,—дивертисмента никто не выдерживаетъ“. Да тутъ, слава Богу, голый человѣкъ,—онъ всегда дома былъ,—вступился. Какъ въ стѣнку забарабанитъ: „Что тамъ,—говоритъ,—за безобразія творятся? Вотъ сейчасъ, панталоны надѣну,—приду!“ Купецъ и испугался: „Вотъ какъ,—говоритъ,—у васъ тутъ цѣлое гнѣздо разбойничье! Не зналъ, куда попалъ“. Да поскорѣе вонъ, да поскорѣе вонъ. А купецъ былъ милліонеръ, и украла я у него сто рублей, и онъ передъ этимъ со мной же триста пропилъ! Я голаго человѣка благодарить потомъ пошла. Мы даже и знакомы не были. Предложила ему 25 рублей, но онъ отстранилъ. „Вы,—

говоритъ,—съ ума сошли! Жамэ! А вотъ вечеркомъ когда зайдите. Благодаренъ буду!“ Встрѣчаются и между ними настоящіе джентльмены безъ опредѣленныхъ занятій! Забавная страна!

Она „хлопнула“ послѣдній бокалъ шампанскаго и сказала:

— Вотъ вамъ и гувернантка изъ Россіи!

Сквозь спущенныя шторы въ залъ ресторана пробивался бѣлесоватый утренній свѣтъ.

Пока длился разсказъ, гарсоны мѣняли бутылки. Кругомъ было все сильно выпивши.

— Состарѣюсь и поѣду къ русскимъ въ гувернантки!—съ грустью воскликнула пожилая женщина въ колоссальной шляпѣ. — Все лучше, чѣмъ въ St-Lazare!

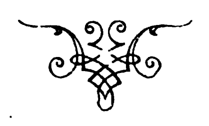
— Дура! ты думаешь?

— Ma pauvre marmi-i-i-te-c...—надрывался на эстрадѣ пѣвецъ изъ „Quat'z'arts“. . . . .

Эта встрѣча вспомнилась мнѣ на-дняхъ въ одномъ обществѣ, гдѣ говорили о московскихъ двухъ эстонкахъ, одной боннѣ и одной компаньонкѣ, задумавшихъ убійство съ цѣлью грабежа.

— Не хотѣли трудиться!—въ одинъ голосъ восклицали дамы въ отличныхъ платьяхъ.

А гувернантка въ углу разливала чай для гостей.

Знаменитость.

Знаменитость.

Онъ какъ бомба влетѣлъ въ редакцію, схватился обѣими руками за голову и бросился въ кресло.

— Ради Бога! Спасите ее и меня!

— Что случилось?

— Она хочетъ летѣть на воздушномъ шарѣ!

— Какъ, на воздушномъ шарѣ?!

— Держась зубами за трапецію! Будь проклятъ тотъ день и часъ, когда ей попалась на глаза газета съ этимъ описаніемъ полета Леоны Даръ! Ей, видите ли, мало славы знаменитой концертной пѣвицы, „вѣнскаго соловья“, она желаетъ еще славы неустрашимѣйшей акробатки и собирается схватиться за эту славу зубами!

— Но вѣдь это сумасшествіе!!!

— А развѣ Эмма Андалузи когда-нибудь была здравомыслящей! Развѣ вы не читали, какъ въ Мадридѣ ее приняли за безумную и засадили въ сумасшедшій домъ?! Вотъ у меня и вырѣзка изъ мѣстныхъ газетъ! Прочитайте! Клянусь, эта женщина введетъ меня въ могилу! Я застрѣлюсь! Я брошусь съ вашего ужаснаго моста! Я кинусь въ море! Это выше моихъ силъ! Будь проклятъ день и часъ, когда я взялся возить Андалузи кинцертировать по всему свѣту! О, ради Бога...

— Но что же можетъ сдѣлать редакція?

— Она васъ такъ уважаетъ! Такъ дорожитъ вашимъ мнѣніемъ! Ваши отзывы, это — единственное, что она приказываетъ себѣ переводить. О, ради Бога! Отговорите ее отъ этого ужаснаго намѣренія летѣть, держась зубами за трапецію! Вы одинъ можете это сдѣлать!.. Ради Бога ѣдемъ сейчасъ же, — она только что кончила дрессировать своего леопарда.

— Что-о?!

— У этой дикой женщины явилась фантазія сдѣлаться также укротительницей звѣрей. Она выписала себѣ леопарда! Насъ гонятъ изъ гостиницы! Вы понимаете, мы занимаемъ маленькій отдѣльный корпусъ, но все-таки ревъ этого чудовища! Она по четыре раза въ день забирается къ нему въ клѣтку и хлещетъ его хлыстомъ. Это ужасно! Теперь она кончила свои адскія упражненія, и мы застанемъ ее за завтракомъ... Конечно, если ею самою не позавтракалъ леопардъ!

Бѣдняга безпомощно развелъ руками.

— Хорошо, я кончу работу и сейчасъ пріѣду.

— О, какъ мнѣ васъ благодарить! Быть-можетъ, хоть вы сумѣете ее уговорить! Ради всего святого!

Онъ встрѣтилъ меня въ коридорѣ, блѣдный и испуганный.

— Ради Бога, подождите одну минуту! Эта сумасшедшая выдумала новую забаву. Она нарисовала на двери кругъ и стрѣляетъ въ цѣль изъ пистолета. Ей, видите ли, хочется стрѣлять, какъ Вильгельмъ Телль. А я изъ-за этого долженъ успѣвать войти въ дверь между моментомъ, когда она цѣлитъ, и моментомъ, когда она выстрѣлитъ.

— Д-да, при такихъ условіяхъ довольно неудобно входить.

— Но постойте, я ей сейчасъ скажу, что это вы! Ради васъ, быть-можетъ, она сдѣлаетъ исключеніе и прекратитъ на нѣсколько минутъ свои дьявольскія забавы!

Онъ подошелъ къ двери и постучалъ.

За дверью грянулъ выстрѣлъ.

Онъ отскочилъ.

— Чортъ знаетъ, тутъ заплатишь за концерты жизнью. Синьора Андалузи, это г. X, критикъ, котораго вы всегда читаете? Ради Бога, прекратите вашу дьявольскую баталію, хоть для того, чтобы онъ могъ войти и засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе!

— А! это г. X! Я рада его видѣть! Пусть войдетъ!

Она стояла посреди комнаты, въ трико тѣлеснаго цвѣта, какъ гимнастка, съ пистолетомъ въ рукахъ.

Комната была полна пороховымъ дымомъ, за перегородкой ревѣлъ леопардъ. Съ потолка спускалась трапеція.

— А, m-r X! Я рада васъ видѣть! А я немножко стрѣляла! Не правда ли, я недурно попадаю въ цѣль?

Въ серединѣ кружка застряло нѣсколько пуль.

— Да, но вашъ импрессаріо говоритъ, что вы собираетесь сдѣлаться еще и воздухоплавательницей!

А, m-r Ракошъ ужъ успѣлъ пожаловаться! Да, да, я лечу.

— Держась зубами за трапецію! Великая и знаменитая концертная пѣвица...

— Мнѣ надоѣло быть знаменитой пѣвицей, я хочу быть знаменитой гимнасткой. Знаменитыхъ пѣвицъ много,—Леона Даръ—одна! Это меня бѣситъ! Я не хочу, чтобъ она была самой мужественной изъ женщинъ. Я лечу точно такъ же. Къ тому же это вовсе не такъ трудно. Я ужъ научилась висѣть по десяти

минутъ, держась зубами за трапецію. Не все ли равно висѣть въ комнатѣ или на воздухѣ. Хотите, я покажу вамъ, какъ это дѣлается. Ракошъ, стулъ!

— Ради Бога, синьорина! Я врагъ сильныхъ ощущеній!

— Если вы боитесь смотрѣть,—не нужно! А жаль! Вы убѣдились бы, что Эмма Андалузи такая же великолѣпная гимнастка, какъ и пѣвица!

— Поговоримъ лучше о вашемъ концертѣ.

— Я не пою.

— Господи, полный сборъ! — взвылъ въ углу m-r. Ракошъ.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Я не пою, потому что у меня есть дѣла поважнѣе: я собираюсь летѣть, наконецъ, мой леопардъ становится все болѣе и болѣе свирѣпымъ. Кромѣ того, мнѣ нужно стрѣлять.

— Синьорина! Но ради вашего несчастнаго импрессаріо, ради публики, которая такъ жаждетъ слышать знаменитую Эмму Андалузи...

Она задумалась:

— Ради импрессаріо ничего. Для публики все. Я пою. Вы знаете мою слабую струнку. Это мой богъ, мой повелитель, идолъ, которому я молюсь! Публика мнѣ замѣняетъ все,—семью, любимаго человѣка. Если бъ публика потребовала этого, я пожертвовала бы для нея все,—себя, свое тѣло. Если бъ публикѣ это доставило удовольствіе, — я умерла бы на ея глазахъ въ пыткахъ инквизиціи.

Только подъ звуки ея аплодисментовъ!

Публика требуетъ,— Эмма Андалузи поетъ!

На слѣдующій день всѣ газеты возвѣстили о новыхъ причудахъ знаменитой Эммы Андалузи.

Абонементъ на три концерта впередъ по сумасшедшимъ цѣнамъ былъ разобранъ.

Наступилъ день концерта.

8 часовъ. Залъ благороднаго собранія переполненъ, а Эммы Андалузи все еще нѣтъ.

Четверть девятаго. Публика волнуется.

Двадцать минутъ девятаго.

Наконецъ-то!

Появляется ея секретарь съ драгоѣцнностями и подковой. Эмма Андалузи никуда безъ грязной желѣзной подковы не ѣздитъ.

Камеристка, которая несетъ ея Бобби, маленькаго мопса, въ ошейникѣ, осыпанномъ крупными брильянтами, два ливрейныхъ лакея съ массой картонокъ и m-r Ракошъ съ бонбоньеркой конфетъ для маленькаго Бобби.

Эмма Андалузи, вся въ перьяхъ, кружевахъ, брильянтахъ, бросается въ кресло и начинаетъ кормить Бобби конфетами.

— Синьорина! Синьорина! — умоляюще бормочетъ г. Ракошъ, кидаясь на колѣни. — Пора начинать!

— Ахъ, пойдите вы съ вашимъ пѣніемъ! Какъ я могу пѣть, когда маленькій Бобби боленъ! Смотрите, онъ не ѣстъ даже шоколадныхъ конфетъ!

— Синьорина!!!

М-г Ракошъ съ умоляющимъ видомъ обращается къ старшинамъ, стоящимъ въ дверяхъ:

— Уговорите хоть вы ее, что пора начинать.

Изъ зала доносятся аплодисменты потерявшей терпѣніе публики.

— Публика! Аплодисменты!

Эмма Андалузи кидаетъ мопса на полъ такъ, что тотъ визжитъ.

— Пустите меня къ моей публикѣ!

И она съ горящими глазами бѣжитъ на эстраду.

Каждая арія, спѣтая ея звучнымъ, красивымъ груднымъ голосомъ, вызываютъ восторгъ.

Въ антрактахъ старшины разсказываютъ о сценѣ въ уборной.

— ... Но стоило ей услыхать аплодисменты.

— Вотъ это настоящая артистическая натура!

— Это артистка въ душѣ, взбалмошная, сумасшедшая, но артистка.

И публика реветъ:

— Андалузи!.. Браво... Андалузи!..

Она поетъ безъ конца.

Посылаетъ воздушные поцѣлуи, смотритъ своими огненными страстными глазами, словно готовая отдаться всей публикѣ.

А когда ее засыпаютъ цвѣтами, она хватается за сердце, дрожитъ, изнемогаетъ отъ восторга, отъ счастья, какъ будто отъ страсти любви.

Публика сумасшествуетъ.

По окончаніи концерта я иду въ уборную и еще издали слышу крики, вопли.

Что случилось?

По уборной летаютъ картонки, шляпы, боа изъ перьевъ, ноты, вѣера, букеты.

Бѣдный Ракошъ прижался въ уголкѣ весь засыпанный цвѣтами.

Она кидается ко мнѣ.

— Онъ меня обманулъ! Онъ низко меня обманулъ! Онъ привезъ меня въ Россію! Вообразите, я сейчасъ хо-

тѣла ѣхать охотиться на медвѣдей,—а онъ говоритъ, что здѣсь нѣтъ медвѣдей! Значитъ, это не Россія, если нѣтъ медвѣдей! Скажите, гдѣ я, наконецъ, въ какой странѣ?

— Синьорина, успокойтесь! Медвѣди водятся только на сѣверѣ! На югѣ медвѣдей нѣтъ!

— О, Боже, эта женщина сведетъ меня въ могилу!— восклицаетъ бѣдняга Ракошъ подъ хохотъ поклонниковъ, переполняющихъ коридоръ.

Это произошло случайно.

Я зашелъ черезъ нѣсколько дней за карточкой и остановился у двери, раздумывая:

— Что дѣлаетъ теперь почтенная синьорина?

Сидитъ въ клѣткѣ у леопарда, виситъ зубами на трапеціи или цѣлитъ изъ пистолета въ ту дверь, въ которую я долженъ войти.

Я хотѣлъ постучать, какъ вдругъ остановился, словно вкопанный.

Это было совсѣмъ необычайно.

Кричалъ г. Ракошъ. Эмма Андалузи говорила жалобнымъ голосомъ, дрожавшимъ отъ слезъ.

— Ты должна это сдѣлать! Понимаешь ты это! Это необходимо для слѣдующихъ концертовъ! — ревѣлъ г. Ракошъ.

— Я не могу! Вы понимаете, я больше не могу! — рыдала Эмма. — Вы заставляете меня ходить въ трико при постороннихъ, этотъ страшный леопардъ такъ реветъ, что я не могу по ночамъ сомкнуть глазъ, вся дрожу! Каждый разъ, какъ вы стукнете въ дверь, я должна подойти и выстрѣлить въ середину кружка. Я боюсь, что въ эту минуту отворятъ дверь, и я кого-нибудь убью! У меня дрожатъ руки, когда я только дотронусь

до этого страшнаго оружія, а теперь вы заставляете меня стрѣлять въ живого человѣка! Я не могу убивать! Не могу!

— Какой дьяволъ говоритъ тебѣ объ убійствѣ! Твой пистолетъ даже не будетъ заряженъ! А я разскажу потомъ журналистамъ, что ты выстрѣлила въ воздухъ изъ великодушія. А онъ, — какой же дуракъ станетъ стрѣлять въ женщину! Вотъ ты должна послать вызовъ этому рецензенту и объявить, что убьешь его, какъ собаку, если онъ откажется. Это очень эффектно, чортъ побери! И превосходно въ смыслѣ рекламы!

— Боже мой! Боже мой! Да когда же кончится эта мука!

— Вмѣстѣ съ твоимъ контрактомъ, не ранѣе!

— Вы ставите гробъ въ моей спальнѣ и распускаете слухи, будто я сплю въ гробу!

Положимъ, я сплю на матрацѣ на полу, но, понимаете ли, мнѣ страшно быть въ одной комнатѣ съ этимъ страшнымъ гробомъ. Я задыхаюсь отъ порохового дыма, которымъ переполнена комната. Вы заставляете меня играть роль какой-то полоумной! Вы ославили меня такою на весь свѣтъ, на весь свѣтъ! Мнѣ стыдно читать въ газетахъ, что про меня пишутъ! Въ Мадридѣ вы, для вашей проклятой рекламы, на три дня посадили меня въ больницу для душевнобольныхъ. Господи! Господи!

— А мнѣ, думаешь, весело выслушивать крикъ такой дѣвчонки, какъ ты! По сорока разъ въ день падать передъ такой дрянью на колѣни! Получать затрещины и картонки въ голову.

— Но вѣдь я артистка, наконецъ, чортъ васъ побери! Мнѣ надоѣли эти комедіи!

— Молчать! Здѣсь нѣтъ постороннихъ, чтобъ кричать на меня! Много сдѣлаешь съ однимъ голосомъ, безъ рекламы, чортъ побери! Мы живемъ въ вѣкъ рекламы! Ты помнишь, какъ ты босой дѣвчонкой пришла ко мнѣ, кончивъ вѣнскую консерваторію.

— Да, я пришла къ знаменитому Ракошу, а не къ балаганному шарлатану. Я никогда не забуду этой гнусной комедіи. Вы приказали мнѣ кинуться въ Дунай и будто бы спасли.

— Да, чортъ возьми! Публика любитъ все необыкновенное. На слѣдующій же день всѣ газеты писали о томъ, какъ знаменитый Ракошъ спасъ молодую дѣвушку, кинувшуюся изъ-за несчастной любви въ воду, и какъ у нея оказался замѣчательный голосъ. А эта поѣздка по Италіи? По два урока у каждой знаменитости, эти телеграммы, что величайшіе профессора пѣнія разрываютъ тебя на части, отнимаютъ другъ у друга!

— Боже! Какая ложь! Какая гнусная ложь! И все это за ничтожные 500 франковъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ я 300 отсылаю моей бѣдной мамѣ и сестрамъ. Онѣ тамъ голодаютъ! Моя бѣдная, моя милая мама, которую вы чуть-чуть не убили этой гнусной выдумкой про никогда не существовавшаго венгерскаго графа.

— А что жъ? Публика это любитъ, когда знаменитыхъ увозятъ венгерскіе графы. Развѣ вамъ что-нибудь сдѣлалъ этотъ несуществующій графъ?

— Да, но мама, бѣдная мама! Она чуть не умерла отъ горя, стыда, позора!

— Отъ этого не умираютъ!

— Такіе, какъ вы!

— Потише!

— Вы смѣете поднимать на меня руку? И все это за 500 франковъ, на которыхъ вы наживаете десятки тысячъ.

— А что жъ? Развѣ ты въ чемъ-нибудь нуждаешься, неблагодарная тварь! У тебя чего-нибудь нѣтъ...

— Да! Брильянты, которые по контракту принадлежатъ вамъ же. Платья, бѣлье, — все это ваше. Если я завтра потеряю голосъ, — я нищая, безъ всего!

— Не безпокойся! Я возьму антрепризу другого „чуда свѣта", а ты останешься у меня въ качествѣ... компаньонки!.. Ты мнѣ продолжаешь нравиться!

— О Боже! Не смѣйте говорить хоть объ этомъ! Когда я подумаю, къ чему вы меня принуждаете!

— Контрактъ!

— Негод...

— Молчать!

Раздался ударъ, крикъ, я рванулъ дверь, она была заперта.

Я постучалъ, и оттуда послышался вопль г. Ракоша:

— Синьора! Ради Бога, прекратите ваши упражненія въ боксѣ! Вы меня убьете на смерть.

Синьора!

Тихій, злобный шопотъ:

— Кричи же: „нѣтъ, не кончу, пока не нанесу вамъ удара въ грудь". Тамъ кто-то есть!

И она крикнула громкимъ голосомъ, стараясь подавить рыданія:

— Нѣтъ, не кончу, пока не нанесу вамъ удара въ грудь!

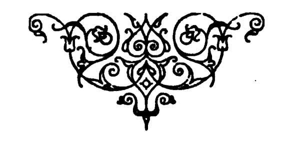
А черезъ двѣ недѣли я прочиталъ въ парижскихъ газетахъ, что у пріѣхавшей въ Парижъ концертиро-

вать знаменитой Эммы Андалузи явилась новая прихоть.

Она ищетъ славы великой наѣздницы и каждый день скачетъ верхомъ черезъ высокіе барьеры.

Кромѣ того, она завела себѣ большого ручного крокодила, который спитъ въ ея спальнѣ, рядомъ съ „ея знаменитымъ гробомъ“.

Бѣдная!

О чемъ говорятъ въ Коломнѣ?

О чемъ говорятъ въ Коломнѣ?

О дороговизнѣ дровъ? О цѣнахъ на капусту? Гдѣ лучше покупать коленкоръ?

— Нѣтъ!

Reunion у вдовы титулярнаго совѣтника Акакіевой.

Среди присутствующихъ. Назовемъ au hasard:

Матушка дьяконица. Жена клубнаго буфетчика (зеленое платье съ черными кружевами). Вдова надворнаго совѣтника Перепетуя Егоровна Заковыкина (очень хорошенькій туалетъ: платье съ турнюромъ, въ біэ, плиссе и складкахъ) etc.

Въ углу столикъ съ пастилой, монпансье, карамелью и сухарями.

— Мерси!—сказалъ младшій бухгалтеръ изъ склада свѣчей, принимая чашку чая.

— Па де куа!—любезно отозвалась хозяйка дома.

— Пуръ вотръ бонте!

Вдова титулярнаго совѣтника бросила на него благодарный взглядъ; онъ украшаетъ ея гостиную!

Дьяконица поправила лиловую шаль и сказала:

— А княгиня Андалузова вчера была на двухъ вечерахъ въ одинъ вечеръ: у Надбольскихъ и бароновъ Пштъ!

— Эскэ сэ жюстъ?—удивился младшій бухгалтеръ.

— Это знають всѣ, кто слѣдить за свѣтской хроникой!—пожала плечами жена клубнаго буфетчика.— Я читала объ этомъ въ газетахъ!

— Да, но я не узнаю за послѣднее время княгини Андалузовой!—продолжала дьяконица.—Гдѣ ея вкусъ? Она была въ свѣтломъ туалетѣ, отдѣланномъ брюссельскими кружевами..

— Брюссельскія кружева нынче не въ модѣ! — замѣтила вдова надворнаго совѣтника, поправляя турнюръ.

— То же говорю и я!—взволнованно воскликнула дьяконица.

А мѣстная просвирня добавила со своей стороны:

— Знать, князь не очень-то раскошеливается!

— Онъ всегда былъ скупъ! Всегда!—почти съ ужасомъ воскликнула хозяйка.

На что матушка дьяконица замѣтила съ тонкой улыбкой:

— Ну, а чего же смотритъ графъ?

И всѣ опустили глаза, улыбаясь тонко и ядовито, а хозяйка дома поспѣшила даже замѣтить:

— Господа, перемѣнимъ разговоръ!

Общество было шокировано поведеніемъ большого свѣта.

— Графъ? Который это графъ?—спросилъ молодой столоначальникъ.

— Когда въ нашемъ обществѣ говорятъ о графѣ, это значитъ: графъ Атлантѣевъ! — строго и наставительно пояснила дьяконица.

И молодой столоначальникъ наклоняетъ голову съ глубокимъ почтеніемъ, какъ вновь посвященный, которому открываютъ тайны ордена.

— У Вандомскихъ вчера опять танцовали подъ рояль!—говоритъ дьяконица, чтобъ перемѣнить разговоръ.—Много моледежи! Танцовали pas de quatre, и съ оживленіемъ.

— И при этомъ чуть не случился пожаръ!—огорченно добавляетъ жена клубнаго буфетчика.

— Сапристи!—не можетъ удержаться отъ изумленнаго восклицанія маленькій бухгалтеръ.

И все общество наставительно рѣшаетъ:

— Мы всегда говорили, что pas de quatre не доведетъ до добра!

— Но странно, что объ этомъ нѣтъ въ газетахъ!—изумляется вдова надворнаго совѣтника.—Ужъ за чѣмъ, за чѣмъ, а за свѣтской жизнью я всегда слѣжу!

— Чтобъ слѣдить за свѣтской жизнью, недостаточно однѣхъ газетъ!—величественно роняетъ жена клубнаго буфетчика.—Въ свѣтѣ бываютъ происшествія не для газетъ! Чтобъ все знать, нужны связи.

— Но, ради Бога, раскажите, какъ же это могло случиться?—спѣшитъ хозяйка прервать рѣзкій оборотъ, который принимаетъ causerie.

— Мужу разсказывалъ объ этомъ ихъ дворецкій!—говоритъ жена клубнаго буфетчика, и все общество почтительно произноситъ:

— А-а-а!

— Одна изъ свѣчей упала на платье графини Ямпольской и...

Жена клубнаго буфетчика разсказываетъ подробно, какъ была испугана „сама m-me Вандомская“, какъ кинулся спасать графиню молодой князь Уховертовъ.

Всѣ подробности, какъ будто горящая свѣча упала на нее!

— Лакею отказали отъ мѣста!—заканчиваетъ она повѣствованіе.

Разсказъ производитъ сильное впечатлѣніе.

— Ахъ, я просто дрожу за бѣдную графиню!—близка къ обмороку хозяйка дома.

— Ничего!—успокоиваетъ всѣхъ разсказчица.—Графиня не получила обжоговъ!

И общество успокоивается.

— Да,—замѣчаетъ по этому поводу дьяконица,—хорошо, что это такъ кончилось! А то было бы непріятно для молодой графини передъ свадьбой.

Извѣстіе, которое производитъ впечатлѣніе взрыва бомбы среди комнаты.

— Какъ свадьбы? Чьей? Какъ же мы объ этомъ ничего не знали?

— Графиня выходитъ замужъ за князя Реставранскаго!—торжественно говоритъ дьяконица, кидая уничтожающій взглядъ на жену клубнаго буфетчика.—Я знаю это изъ первыхъ рукъ. Отъ племянника моего мужа: онъ дьячкомъ въ церкви конюшеннаго вѣдомства! Предстоитъ оглашеніе!

— Кто бы могъ этого ожидать!

— Какой сюрпризъ для всѣхъ насъ!

— А мы прочили ее за барона Иксъ!

— Parbleu!—восклицаетъ маленькій бухгалтеръ.

И они говорятъ, говорятъ, говорятъ объ этомъ мірѣ, болѣе далекомъ отъ нихъ, чѣмъ солнце отъ земли.

И они тянутся къ этому далекому солнцу, которое ихъ даже не грѣетъ, какъ тянутся къ солнцу бѣдныя, желтыя, чахлыя маленькія былинки, выросшія въ цвѣточномъ горшкѣ на окнѣ „домика въ Коломнѣ“.

И они живутъ, эти бѣдные духомъ люди, обрывками того, что дойдетъ до нихъ изъ вашихъ салоновъ, точно такъ же, какъ бѣдняки украшаютъ себя купленными на старомъ рынкѣ тряпками, которыя были когда-то нарядными платьями первыхъ щеголихъ.

Когда васъ упрекаютъ въ пустотѣ вашей жизни разные моралисты, не вѣрьте имъ, сударыня, — вы наполняете своей пустотой жизнь этихъ бѣдныхъ людей. Право, вы дѣлаете добра больше, чѣмъ знаете.

Въ ту минуту, когда вы подаете, сударыня, маленькую чашечку чая молодому дипломату, ароматъ этого чая доносится до Коломны и щекочетъ ноздри просвирни.

Не курьезно ли созданъ свѣтъ?

Свѣчка, упавшая на ваше платье, заставляетъ испуганно вскрикивать коломенскую мѣщанку.

И большой свѣтъ необходимъ, чтобъ было о чемъ говорить маленькому.

УБІЙСТВО.

Убійство.

Это было въ тропикахъ, гдѣ и безъ того кровь вспыхиваетъ какъ спиртъ. А тутъ еще эта парочка.

Болѣе невѣроятной пары нельзя себѣ даже и вообразить.

Онъ, отъ котораго вѣетъ могилой. И она, съ наружностью вакханки, полная жизни, страсти, грѣха.

Они были всегда вмѣстѣ, всегда неразлучны. Это было какое-то безумье любви.

Поздно вечеромъ, когда небо казалось убраннымъ кружевомъ изъ крупныхъ брильянтовъ и словно отъ страсти вспыхивала и загоралась голубыми огнями вода, ихъ можно было видѣть на „променадъ-дэкѣ", въ отдаленномъ углу, какъ двухъ влюбленныхъ.

Они летали рядомъ въ лонгшезахъ,—онъ, закрытый пледомъ, изъ-подъ котораго выдавались острыя очертанья его тѣла, словно покрытый трупъ. И она, прильнувшая къ нему, нашоптывающая ему что-то, на что онъ отвѣчалъ мучительнымъ кашлемъ чахоточнаго, въ послѣднемъ градусѣ болѣзни.

По утрамъ онъ являлся въ „смокингъ-румъ", разбитый, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ провалившимися глазами. Съ видомъ въ конецъ измученнаго человѣка падалъ въ кресло и смотрѣлъ измученнымъ взглядомъ, полнымъ страданья.

А через пять минутъ являлся „бой“:

— Леди проситъ васъ въ „сосіалль-холлъ“.

Или на спардэкъ.

Онъ таялъ на нашихъ глазахъ, таялъ какъ свѣчка, которую поставили около жарко растопленнаго камина.

— Врядъ ли мы довеземъ его до Гонолулу,—говорилъ нашъ пароходный докторъ:—это невозможно!

И улыбался, говоря эти грустныя слова.

— Это невозможно!

Какъ-то разъ—это было въ чудное тропическое утро, теплое, мягкое и нѣжное—я подмѣтилъ странный взглядъ, брошенный имъ на красавицу-жену.

Мѣ сидѣли вмѣстѣ на променадъ-дэкѣ, когда появилась она, свѣтлая, какъ утро, прекрасная, какъ весна, еще болѣе очаровательная въ своемъ утреннемъ туалетѣ.

— А, вотъ вы гдѣ? Спрятались здѣсь? А я ищу васъ по всему пароходу, посылала въ смокингъ-румъ...

И она подходила къ нему, улыбаясь, съ нѣжнымъ взглядомъ.

А онъ смотрѣлъ на нее съ ненавистью, съ ужасомъ, словно къ нему приближалось чудовище.

Мы вмѣстѣ оставались двѣ недѣли на Сандвичевыхъ островахъ, и, право, среди этой опьяняющей обстановки знойныхъ дней, душныхъ ночей, воздухъ, напоенный запахомъ пальмъ и цвѣтовъ, среди пѣнья птицъ и звона гитаръ по вечерамъ,—нельзя было не завидовать этому полутрупу, въ который почему-то такъ безумно была влюблена такая женщина.

Однажды я поймалъ ихъ вмѣстѣ на морскихъ купаньяхъ, въ бесѣдкѣ изъ розъ,—ее, только что вышедшую изъ воды, въ купальномъ костюмѣ, прилип-

шемъ къ ея тѣлу, какъ трико,—и его, даже здѣсь кутавшагося въ драповое пальто.

— Вы убиваете меня!—говорилъ онъ, и въ голосѣ его слышалось столько страданья.

А она сѣла къ нему на колѣна и что-то зашептала, отъ чего вспыхнули ея щеки,—обнявъ его своею полною, влажною отъ морской воды рукой, близко наклонившись къ его уху.

Жизнь и смерть... Другого имени не было этому контрасту.

Мы шли на одномъ пароходѣ и отъ Гонолулу до Санъ-Франциско.

— Тамъ мы проведемъ весну! — сказала она мнѣ какъ-то за обѣдомъ. — Мой мужъ не совсѣмъ здоровъ, у него бронхитъ. И докторъ ему велѣлъ жить среди вѣчной весны. Вотъ мы и ѣздимъ въ погонѣ за весной!

И она разсмѣялась, бросая на мужа взглядъ, полный любви.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ ужасомъ, съ такимъ страданьемъ.

— Да, да! Не спорь, ты долженъ жить среди вѣчной весны. Такъ сказалъ докторъ... Вообр[illegible]те, [illegible] мужъ не любитъ весны. Не забавно?

И она снова расхохоталась, но на этотъ разъ въ ея смѣхѣ мнѣ послышалось что-то злое, насмѣшливое.

Однажды мы встрѣтились съ нимъ на спардэкѣ. Мы были вдвоемъ. Онъ оглянулся кругомъ, торопливо вынулъ изъ кармана свертокъ какихъ-то бумагъ и дрожащею рукой подалъ его мнѣ.

— Вы вѣдь литераторъ?

— Да.

— Вотъ, вотъ. Возьмите это. Вамъ пригодится. Вы узнаете, какія преступленія творятся на свѣтѣ. Возьмите! Только не читайте теперь. Потомъ... потомъ .. Когда мы разстанемся въ Калифорніи. А теперь прячьте, прячьте... Она...

На трапѣ раздавался ея веселый голосъ.

— Вы вотъ гдѣ, мой другъ!..

Онъ посмотрѣлъ на меня своимъ страдальческимъ взглядомъ, словно умоляя сохранить тайну.

— Я... да, я здѣсь...

Въ Санъ-Франциско мы разстались, она увезла его въ Los-Angelos, гдѣ въ то время весна была въ полномъ разгарѣ, а я по дорогѣ изъ Санъ-Франциско въ Огдэнъ взялся за бумаги, узнать, что за тайна связываетъ эту женщину съ полутрупомъ.

Это были листки, вырванные, вѣроятно, изъ дневника. Въ нихъ было зачеркнуто все, что касалось мелочей, и оставлены только самыя интимныя строки.

„Старикъ Джемсонъ—самый честный и умный докторъ на свѣтѣ. Онъ прямо сказалъ, что у меня не бронхитъ, не эмфизема, а чахотка. Чахотка! У меня все поплыло передъ глазами, когда я отъ него вышелъ. Чахотка! Въ тридцать лѣтъ выслушать такой приговоръ. Я провелъ нѣсколько дней человѣка, присужденнаго къ смертной казни. Я плакалъ, и мнѣ хотѣлось застрѣлиться“...

„Это чувство горя, отчаянія, теперь замѣнилось тихою, безконечною грустью. Я освоился съ мыслью о смерти. При мысли о ней я не чувствую ни ужаса ни отчаянія. Если бы ея призракъ пришелъ ко мнѣ,— я не бросился бы бѣжать. Мое сердце только сжимается, и я чувствую страшную тоску. Природа,

люди, — все дышитъ на меня грустью. Скоро я не увижу всего этого. Все это будетъ, все останется... только исчезну я. И мнѣ жаль разстаться со всѣмъ этимъ. Такъ, вѣроятно, чувствуетъ себя приговоренный къ казни, когда здѣсь онъ освоится съ мыслью, что скоро всему конецъ"...

„Мнѣ жаль разставаться съ жизнью,—а что я взялъ отъ нея? О Боже! Какъ мнѣ хотѣлось бы не любить,—нѣтъ,— а быть любимымъ. Вѣдь я ухожу съ пира, не отвѣдавъ самаго лучшаго вина. Быть любимымъ,—какое счастье для всѣхъ, а для умирающаго... Пока мы здоровы, мы любимъ, когда мы больны,—намъ необходимо, чтобы насъ любили"...

„Миссъ Лаура Хилль прелестная дѣвушка. Какая красота! какое здоровье! Завидно смотрѣть на нее. И вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ хотѣлось быть ближе къ ней. Мнѣ кажется, что отъ одного ея поцѣлуя я поздоровѣю. Когда я, прощаясь, задержалъ ея руку въ своей, я чувствовалъ, какъ отъ этой горячей руки становится теплѣе моя холодная рука. Какъ много въ ней жизни, здоровья!"

„Ея мать обнищала, кажется, была авантюристкой... О, Боже, не все ли мнѣ-то равно, съ какою родней явлюсь я *туда*... Туда... Туда... А здѣсь, здѣсь,—какія радости здѣсь, и я ухожу, не зная лучшихъ. Право, мнѣ становится даже смѣшно: словно ухожу навсегда изъ Дрезденской галлереи, не увидѣвъ Мадонны Рафаэля! Жизнь! Жизнь! Я хочу радости жизни. Вѣдь я не злоупотреблю счастіемъ: какихъ-нибудь два-три года".

„Мать согласилась сейчасъ же. Дочь вышла, какъ будто разстроенная, она словно плакала. Мать гово-

ритъ, что это такъ, ничего, что плачутъ всѣ дѣвушки... Можетъ-быть. Буду вѣрить".

„Сегодня я, какъ обѣщалъ, подписалъ духовное завѣщаніе, все въ пользу моей будущей жены. Съ этого я и началъ свое предложеніе. Мать протестовала тогда, но не особенно... О, Боже, какъ все это тяжело! Когда я подписывалъ завѣщаніе, мнѣ почему-то казалось, будто я подписываю свой смертный приговоръ. Я каждую минуту думаю о смерти. Я хочу любви, какъ пьянства, чтобы забыться и не думать"...

„Давно я не брался за свой дневникъ, гдѣ копаюсь въ своихъ душевныхъ ранахъ. Потому что былъ счастливъ, и мнѣ было не до анализа, не до дневника. Нѣтъ! Гдѣ жъ это опьянѣніе? Я началъ чувствовать себя ужъ не приговореннымъ къ смерти, а трупомъ. Когда она меня цѣлуетъ, а я держу ее за талью,—я чувствую, какъ она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, словно поцѣловала покойника. Долгъ, отвращеніе и ужасъ,—все въ этомъ поцѣлуѣ. Когда я ее ласкаю,—она дрожитъ. Быть-можетъ, отъ гадливости"...

„О Боже! Какая это мука! Какъ счастливы прокаженные, что ихъ удаляютъ отъ здоровыхъ. Видѣть отвращеніе къ себѣ, — отвращеніе, которое хотятъ скрыть и не могутъ. О ужасъ!.."

„А все же я не одинъ. Когда мы больны, когда мы несчастны, — намъ страшнѣе всего одиночество. Нуженъ хоть кто-нибудь около. Говорятъ, что приговоренные къ смертной казни часто со слезами прощаются со своимъ тюремщикомъ. Чувствуя себя одинокимъ, можно полюбить даже своего тюремщика. Я все-таки не одинъ. И, право, это отлично на меня дѣйствуетъ, я становлюсь даже здоровѣе".

„Положительно, я становлюсь здоровѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали въ Каиръ. Быть можетъ, старикъ Джемсонъ ошибся, и это не чахотка? Какая же это чахотка, когда кашель почти исчезъ, лихорадка самая незначительная, я много хожу, даже ѣздилъ верхомъ!..“

„Какъ пріятно, когда утромъ на тебя взглянетъ свѣжее лицо. Старый дуракъ вралъ! Какое счастье сознавать себя здоровымъ“...

„Кажется, я умру не отъ чахотки, а отъ счастья. Лаура... Да что это? Сонъ?“

„Честное слово, я боюсь проснуться. Быть обреченнымъ на смерть, жениться съ отчаянія, оказаться живымъ, здоровымъ, любить и быть любимымъ,—такъ любимымъ. Я пошлю Джемсону 500 фунтовъ. Этотъ старый факельщикъ сдѣлалъ меня счастливымъ... Какъ это произошло? Я сидѣлъ и читалъ. Она, въ первый разъ, сама подошла ко мнѣ и поцѣловала. Я не могъ опомниться отъ удивленія. А она стояла передо мной, словно провинившаяся школьница: „Что же? Развѣ я не могу васъ и поцѣловать?“ Какъ растерянно она сказала это. Я кинулся къ ней и думалъ, что задушу въ объятіяхъ. Какъ она отвѣчала на мои поцѣлуи. Въ ней проснулась женщина. Женщина, которая дремала въ этой дѣвушкѣ. О, какъ мало мы знаемъ женщинъ, а дѣвушекъ такъ и не знаемъ совсѣмъ. Мнѣ казалось, что все это сонъ, что вотъ-вотъ я проснусь... Я спрашиваю ее, — да что же это? „Всѣ дѣвушки боятся, — я, быть-можетъ, больше, чѣмъ другія. Вотъ и все. Я боялась этихъ поцѣлуевъ. Не знаю почему, но я дрожала. Но вотъ уже нѣсколько времени, какъ я чувствую все сильнѣе и сильнѣе волненіе, думая о

васъ. Какъ часто мнѣ хотѣлось кинуться къ вамъ на шею. Но я не рѣшалась. И вотъ сегодня... О, мнѣ кажется, что передо мной открылся новый міръ“...

„О Боже! Какое опьянѣніе! Какое безуміе любви! Мы бѣжали изъ Каира на востокъ. Намъ не къ чему возвращаться домой. Мы хотимъ быть вдвоемъ. Этого для насъ достаточно. Моя голова горитъ, я самъ опьянѣлъ, глядя на эту опьянѣвшую отъ страсти женщину. Мы стали другими людьми“.

„Бомбей мнѣ вреденъ. Мой бронхитъ возобновился. Я снова кашляю кровью, чувствую прежнюю слабость, меня бьетъ лихорадка. Мы переѣхали въ Сингапуръ. Лаура мнѣ сказала: „Я хочу видѣть васъ здоровымъ, а счастливымъ вы будете, дѣлая счастливою меня. Поймите, что я жить не могу безъ вашихъ ласкъ. Вы виноваты сами, зачѣмъ ввели меня въ этотъ рай?“

„О небо! Если Джемсонъ не ошибался? Мою грудь словно разрываютъ на части. Когда у меня идетъ горломъ кровь, мнѣ кажется, что я истекаю кровью, и вотъ-вотъ упаду мертвый. А она смѣется: „Не надо только выходить вечеромъ на воздухъ, мы будемъ проводить вечера дома, вдвоемъ. Пустой бронхитъ! Нельзя быть такимъ трусишкой!“ Кто правъ? Она или Джемсонъ?“

„Я чувствую, что умираю... А она, она обезумѣла отъ любви. Она клянется, что не можетъ жить безъ моихъ ласкъ. О Боже! Что со мной! Когда она цѣлуетъ меня, мнѣ почему-то представляется индусъ, лежащій въ травѣ, умирающій, изъ котораго вампиръ высасываетъ кровь. Мы бѣжимъ съ мѣста на мѣсто, ища вѣчной весны. Я чувствую, что сгораю въ этомъ кислородѣ весны. А она говоритъ: „Докторъ, докторъ

такъ велѣлъ!“ И душитъ меня поцѣлуями. Она убьетъ меня ими. Я чувствую, какъ съ ними уходитъ моя жизнь. Опять, опять,—этотъ индусъ передъ глазами“...

„Какое подозрѣніе... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть“...

„Да, да! Это такъ... Это такъ... Это такъ. Несомнѣнно. Она убиваетъ меня. Наскучивъ ждать моей смерти, испугавшись, что я могу выздоровѣть. Она убиваетъ меня быстро, вѣрно“...

— Да, да! Это вѣрно! Вчера я сказалъ ей о моемъ индусѣ. Она поднялась, блѣдная какъ полотно, глядя на меня широко раскрытыми глазами, словно пойманная на мѣстѣ преступленія. Мнѣ казалось, что она готова была задушить меня отъ ужаса. Она повторяла: „Ты такъ думаешь? Ты такъ думаешь?“ И вдругъ кинулась ко мнѣ: „Это бредъ! это бредъ! Я заставлю забыть о немъ!“ И снова началось это безуміе. Я безумно любилъ и ненавидѣлъ ее, боялся и готовъ былъ убить. То забывалъ все, то вдругъ видѣлъ моего индуса,—онъ лежалъ около, на коврѣ... Я видѣлъ, какъ блѣднѣетъ его лицо, а гаснущій, полный ужаса, взглядъ смотритъ мнѣ прямо въ лицо... „Уйди! Уйди!“ шепталъ я, а она безумѣла отъ страсти. „Я заставлю тебя забыть объ этомъ страшномъ бредѣ“.

— Я гибну, гибну, — и она дѣлаетъ все, чтобы ускорить мою гибель. Каждое утро она пытливо вглядывается въ мое лицо, словно хочетъ спросить: „Долго ли еще тебѣ остается жить?“ И потомъ, словно испугавшись, что долго, спѣшитъ меня прикончить своими поцѣлуями. За этимъ взглядомъ любви и страсти, въ глубинѣ этихъ глазъ я читаю ненависть и нетерпѣніе: „Умри!“ Теперь она выдумала поѣздку въ Калифорнію. Вѣроятно, это меня убьетъ.

— О Боже! Я чувствую, что задыхаюсь въ соленомъ воздухѣ океана, въ этомъ зноѣ тропической весны. Я вижу недоумѣвающія лица пассажировъ, когда они смотрятъ на меня и мою жену. Я ясно читаю въ ихъ взглядахъ: „Какой контрастъ! Что это?“ Это убійство. И убійца около меня. Убиваетъ меня на глазахъ у всѣхъ. И убійство останется нераскрытымъ.

— О, если бъ я могъ бѣжать куда-нибудь съ этихъ Сандвичевыхъ острововъ,—отъ этого зноя, воздуха, ласкъ. Но у меня нѣтъ силъ. Я чувствую на своемъ лицѣ вѣяніе могилы, даже среди жары. Мнѣ трудно даже просыпаться. Могила тянетъ меня къ себѣ. Смерть неохотно даетъ пробуждаться и дать еще хоть одинъ день. Я безсиленъ бороться со сномъ, — гдѣ же мнѣ бороться со смертью? А она, она помогаетъ смерти.

— Кажется, русскій журналистъ, который ѣдетъ съ нами отъ Іокогамы, видѣлъ давеча эту сцену въ бесѣдкѣ изъ розъ? Думалъ ли онъ, что передъ нимъ совершается убійство!

Убиваютъ навѣрняка, зная, что это убійство останется неразгаданнымъ, неоткрытымъ... А что, если раскрыть это убійство?

Это было черезъ годъ, въ Ментонѣ.

Она увидѣла меня изъ садика, гдѣ сидѣла, обложенная подушками, укрытая пледами, кутаясь въ теплую накидку.

— Я васъ узнала сразу. А вы меня не узнали? Нѣтъ?

Я смотрѣлъ на эту блѣдную женщину, словно съ восковымъ лицомъ, и старался припомнить, гдѣ я видѣлъ эти глаза, похожее на это лицо.

— Меня трудно узнать. Помните путешествіе изъ Іокогамы въ Гонолулу? Двѣ недѣли на Сандвичевыхъ островахъ? Меня и моего покойнаго мужа?

— Вы?!

— Да, я.

Она закашлялась долгимъ, мучительнымъ кашлемъ, на платкѣ появилось алое пятно.

— Вотъ! То же, что у моего мужа...

— Онъ...

— Умеръ. И оставилъ мнѣ въ наслѣдство деньги и чахотку...

Ея глаза загорѣлись злымъ, бѣшенымъ огнемъ:

— Онъ заразилъ меня своими поцѣлуями. Онъ тянетъ теперь меня за собой въ могилу... Это его болѣзнь,—его призракъ... Онъ не отстаетъ отъ меня, не отстанетъ, пока не задушитъ... „А, ты мечтала о свободѣ, о богатствѣ“...

Она говорила, какъ въ бреду.

— Такъ мучайся теперь. Кто мучается больше?.. Одно, одно есть у меня... Я все-таки отомщена... Онъ догадывался, что значили эти поцѣлуи, онъ мучился передъ смертью... Онъ мучился... мучился...

И глаза ея горѣли тѣмъ злымъ взглядомъ, который бываетъ только у чахоточныхъ и у женщинъ.

— Мучился... мучился...

У нея хлынула горломъ кровь. Она захрипѣла.

Визитъ.

Визитъ.

(МАЛЕНЬКІЙ РАЗСКАЗЪ.)

Это было зимнею ночью. Въ стужу. Дулъ ледяной вѣтеръ.

Въ кабинетѣ,—роскошномъ кабинетѣ краснаго дерева,—было хорошо. Въ книжныхъ шкапахъ золотомъ сверкали великіе авторы въ великолѣпныхъ переплетахъ. Въ богатыхъ рамахъ висѣли картины лучшихъ мастеровъ.

Рубинами догорали угли въ каминѣ.

Иванъ Ивановичъ, старый литераторъ, редакторъ, сидѣлъ въ халатѣ и грѣлся у камина.

— На завтра номеръ будетъ недуренъ. Эта статья не понравится министру Иксъ, но придется по вкусу министру Игрекъ. Зато Иксъ получитъ компенсацію: ему понравится другая статья, которая не понравится Игреку. А публика скажетъ: какъ они смѣлы! Въ этомъ состоитъ газетное дѣло!

Иванъ Ивановичъ улыбнулся улыбкой философа или стараго плута.

Онъ всталъ, досталъ въ письменномъ столѣ ключъ, откинулъ пестрый восточный коверъ, висѣвшій въ простѣнкѣ между двумя книжными шкапами,—на одномъ стоялъ бюстъ Бѣлинскаго, на другомъ—Щедрина,—и отперъ вдѣланный въ стѣнѣ несгораемый шкапъ.

Онъ досталъ оттуда пачки акцій, облигацій, выигрышныхъ билетовъ, денегъ, вкладныхъ квитанцій и съ улыбкой понесъ на кресло передъ каминомъ.

Тихая, радостная минута, которую онъ доставлялъ себѣ время отъ времени.

Съ нѣжною улыбкой онъ перебиралъ, пересчитывалъ пестрые листы.

— И всѣмъ этимъ я обязанъ себѣ, — себѣ! Только своему таланту!

Гордость,—гордость рабочаго поднималась въ немъ.

И благоговѣніе охватывало его душу.

— Боже, благодарю Тебя за то, что Ты далъ мнѣ талантъ!

Позвонили.

Звонъ, протяжный, долгій, жутко прозвучалъ въ пустой квартирѣ.

Иванъ Ивановичъ торопливо спряталъ бумаги и деньги, заперъ шкапъ, задернулъ коверъ и бѣгомъ пробѣжалъ къ письменному столу, чтобы спрятать ключъ.

— Должно-быть, кто-нибудь заѣхалъ на огонекъ изъ театра или изъ клуба!

Снова задребезжалъ электрическій звонокъ.

Никто не отпиралъ.

— Василій или, по обыкновенію, спитъ, или, по обыкновенію, сидитъ въ кухнѣ у сосѣдской кухарки.

А отъ звонка одному ночью въ пустой квартирѣ становилось все жутче и жутче.

Звонили теперь сильно, отрывисто.

Такъ звонятъ къ доктору, котораго пришли звать къ умирающему.

— Отопру самъ!

Иванъ Ивановичъ запахнулъ мѣховой халатикъ, вышелъ въ переднюю и отперъ дверь, — тяжелую, рѣзную, дубовую дверь.

Черезъ порогъ шагнулъ молодой человѣкъ, посинѣлый, въ одномъ пиджакѣ, съ продранными локтями.

Шагнулъ и упалъ на высокій стулъ, стоявшій около двери.

Иванъ Ивановичъ затрясся.

Негодяй... Мерзавецъ... Задушитъ старика какъ котенка.

И даже не найдетъ въ стѣнѣ несгораемаго шкапа. Схватитъ мелочь со стола, какую-нибудь серебряную вещь и завтра же попадется... Мерзавецъ!

Иванъ Ивановичъ, едва держась на ногахъ, спросилъ:

— Что... что вамъ нужно?..

Молодой человѣкъ поднялъ на него глаза, страдальческіе и умоляющіе.

— Хоть я и голодный, — не бойтесь меня. Я не могу васъ задушить: у меня окоченѣли руки и ноги.

Иванъ Ивановичъ съ изумленіемъ, которое росло и росло, смотрѣлъ въ лицо молодому человѣку.

Гдѣ онъ видѣлъ это лицо?

А онъ знаетъ, знаетъ...

Эти въ лихорадочномъ жару и бреду горящіе глаза. Эти исхудалыя щеки. Заострившіяся черты. Бѣлокурые волосы, падающіе на лобъ. Жидкую, рѣденькую, только пробивающуюся бородку.

Даже пиджакъ...

— Кто вы? кто вы?

— Я не ѣлъ, у меня нѣтъ квартиры, я замерзаю. Я — литераторъ. Меня нигдѣ не печатаютъ, нигдѣ.

При словѣ „литераторъ“ бѣшенство поднялось у Ивана Ивановича.

Такъ бѣшенство замѣняетъ страхъ, когда мы разглядѣли таинственнаго врага, который казался страшнымъ, благодаря таинственности. Который оказался жалкимъ и ничтожнымъ.

— Литераторъ! Который врывается! По ночамъ!

Ивану Ивановичу захотѣлось наказать его. Заставить страдать такъ, какъ онъ самъ только что страдалъ.

— А-а! Страсть къ оригинальничанью! А-а! Желаете обратить на себя вниманіе оригинальной выходкой?? Да?

— Я не ѣлъ. Я замерзалъ.

— Литература не богадѣльня, милостивый государь! Не пріютъ для всѣхъ неудачниковъ! Не мѣсто кормежки! Не попечительство о неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій.

— Мнѣ это ужъ говорили... Мнѣ это ужъ говорили...

— А у васъ есть талантъ! Да, да? Не правда ли? Огромный, огромный талантъ? Непризнанный? Да? Неоцѣненный? И вы врываетесь по ночамъ и пугаете... Ну, да, пугаете! Ну, да, пугаете людей! Какъ разбойникъ...

— Если вы меня выгоните, я замерзну...

— Работать нужно, молодой человѣкъ! Работать, а не разбойничать! Какъ же! Таланту все позволительно! Не такъ ли?! Талантъ! Талантъ! Мы, мы работали, — работали, милостивый государь!

Иванъ Ивановичъ ударилъ себя въ грудь.

— Голодали, холодали! Но работали-съ! А не полагались на нашъ талантъ! Талантъ! Работой-съ, тру-

домъ-съ прокладывали себѣ путь, — работой-съ, трудомъ-съ добивались всего, что мы имѣемъ-съ. Надо дождаться, чтобъ напечатали,—идите пока мести мостовую, таскать кули. Работайте! И мы работали. И никогда, слышите ли, никогда...

Молодой человѣкъ поднялся. Глаза его горѣли мольбою и ужасомъ.

— Не гоните меня... Отогрѣйте... Вспомните... Не было ли съ вами... Когда вы были молоды... начинали... Вы были безъ квартиры и спали на улицѣ... зимой... на табуретахъ около воротъ... Дворники гоняли васъ съ мѣста на мѣсто... и только это спасало васъ отъ замерзанія, отъ смерти... Вы ждали, — въ утренній, предразсвѣтный часъ, морозъ крѣпчалъ, — когда гдѣ-нибудь зазвонятъ... Окоченѣлый вы бѣжали на звонъ, вмѣшивались въ толпу нищихъ, отогрѣвались и засыпали во время заутрени гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ церкви... А потомъ опять шли на трескучій морозъ... И вотъ однажды, не вытерпѣвъ, не выдержавъ, — не позвонились ли вы у подъѣзда извѣстнаго литератора? Позвонились потому только, что у него былъ огонь...

Иванъ Ивановичъ задрожалъ.

— Откуда... откуда... откуда... А!

Онъ узналъ это лицо.

— Да это мое лицо... Это я... Я самъ сорокъ лѣтъ назадъ... И тотъ... тотъ пиджакъ, который я потомъ продалъ татарину...

У него подкосились ноги. Онъ упалъ на стулъ.

А молодой человѣкъ, низко наклонившись къ нему, продолжалъ:

— Вы вошли тогда, какъ вошелъ я,—и испугали... Если бы онъ васъ выгналъ тогда, вы бы замерзли...

А онъ отогрѣлъ васъ... Вы помните, посадилъ къ камину... Вы весь дрожали... вы весь окоченѣли... Вы помните, какъ онъ пошелъ и самъ принесъ вамъ поѣсть... Вы помните его смѣхъ? „Ничего, молодой человѣкъ, то ли бываетъ?"... Вы помните, какъ вы чувствовали себя маленькимъ ребенкомъ, потеряннымъ и найденнымъ, прижатымъ къ груди матери... И какъ вы заснули въ креслѣ передъ каминомъ, съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ... Вы помните? Вы помните?.. Всѣмъ, — всѣмъ, что вы имѣете, вотъ этимъ всѣмъ и вашей жизнью вы обязаны ему! Вы замерзли бы, если бъ онъ васъ выгналъ тогда!

Въ голосѣ молодого человѣка зазвенѣли слезы, послышались всхлипыванія, рыданія.

Онъ стоялъ, облокотившись о притолоку, безсильный, готовый упасть, безпомощный, и рыдалъ.

— Во имя того... того вечера... Въ память того человѣка, сдѣлайте для меня...

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ мрачный, подавленный, угрюмый.

Онъ всталъ и подошелъ къ двери.

На лицѣ его было страданіе.

Онъ отперъ дверь и толкнулъ молодого человѣка.

— Идите!

Онъ толкнулъ его сильнѣе и вытолкнулъ:

— Идите и лучше замерзайте! А то...

Иванъ Ивановичъ, дрожа, захлопнулъ дверь, изъ которой несло ледянымъ вѣтромъ.

— Вы вырастете такимъ же, какъ я!

НОЧЬ.

Ночь.

Я не хочу лгать.

Я не стану проповѣдывать, какъ голодные моралисты, что въ этой „буржуазной“, сытой и довольной жизни нѣтъ ничего хорошаго. Я не буду увѣрять васъ, что задыхаюсь отъ дыма хорошей сигары, что старое вино, хорошія устрицы и свѣжая икра возбуждаютъ мое отвращеніе, что шелестъ шелка терзаетъ мой слухъ такъ же, какъ хорошая музыка, что мнѣ доставляетъ величайшее страданіе ступать по мягкому, бархатному ковру, и что я не знаю запаха ужаснѣе, чѣмъ запахъ духовъ! Нѣтъ, я отдался этой жизни со всѣмъ увлеченіемъ, котораго она заслуживаетъ. Я чувствовалъ себя отлично въ этой обезпеченной, довольной жизнью средѣ. Въ кабинетѣ хозяина, въ гостиной хозяйки, среди этихъ дамъ, выхоленныхъ, красивыхъ, прекрасно одѣтыхъ, думавшихъ только объ удовольствіяхъ. И мнѣ казалось бы ужаснымъ нарушить миръ и довольство этихъ милыхъ людей. Откровенно говоря, когда ко мнѣ являлась бѣднота и клянчила: „Напишите, чтобы пристыдить ихъ и напомнить о насъ“, меня брала злость И это казалось мнѣ огромной несправедливостью:

— Развѣ они виноваты въ томъ, что они богаты? Зачѣмъ же отравлять имъ существованіе?

И когда я писалъ, я думалъ о нихъ. Объ этихъ прекрасныхъ дамахъ, которыя завтра прочтутъ то, что я пишу. И я гналъ изъ моихъ писаній все, что могло бы навести ихъ на грустныя думы, отравить имъ ихъ спокойное наслажденіе жизнью. Зачѣмъ отравлять имъ жизнь? Я берегъ покой того кружка, принадлежать къ которому мнѣ доставляло столько удовольствія.

Это было въ рождественскую ночь. Быть-можетъ, по старой, еще съ дѣтства оставшейся привычкѣ, — въ эти ночи, ночь Рождества и ночь Пасхи, — чувствуешь какъ-то все особенно сильно.

Я ушелъ отъ моихъ знакомыхъ съ веселой, шумной елки рано, — около десяти часовъ. Мнѣ хотѣлось остаться одному. Вѣроятно, это подкрадывается старость. Старость, когда мы начинаемъ замѣчать то, чего не замѣчаютъ въ молодости, — одиночество. Съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ становится грустно смотрѣть на дѣтей. Мое сердце переполняется тихою грустью. Часто на улицѣ я долго смотрю вслѣдъ красивому нарядному ребенку. И если ребенокъ вышелъ встрѣчать отца, возвращающагося со службы, и съ крикомъ „папа“ кинется къ нему, — я чувствую какое-то страданіе въ душѣ, какую-то обиду и спѣшу уйти, потому что что-то мнѣ давитъ горло.

Я никогда не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ эту минуту, когда дѣти шумной, нарядной, веселой толпой съ криками окружили блестящую, сотнями огней горѣвшую елку. Слезы подступили мнѣ къ горлу, и я поспѣшилъ уйти, сославшись

на головную боль. Уйти, чтобъ не видѣть радостей, въ которыхъ мнѣ никогда не суждено принять участіе.

Я шелъ домой, нагруженный этими бездѣлушками, этими маленькими рождественскими подарками, ничего не стоящими, но трогательными, потому что они говорятъ о памяти и вниманіи. Мнѣ вспоминались веселыя лица, съ которыми хозяева праздника — дѣти дѣлали мнѣ эти крошечные подарки, у меня въ ушахъ звучали ихъ звонкіе голоса, и слезы подступали къ горлу все сильнѣе и сильнѣе.

Я никогда не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ этотъ вечеръ, входя въ свою комнату. Мнѣ показалось въ ней холодно и страшно.

— Одинъ!

И эта мысль почему-то испугала меня.

Я не зажегъ огня и ходилъ по комнатѣ, ярко освѣщенной блѣдно-голубымъ свѣтомъ луны, падавшимъ въ окно. Свѣтъ ли луны такъ дѣйствуетъ на нервы, но я чувствовалъ какое-то волненіе, робость, страхъ. Звуки моихъ шаговъ пугали меня.

— Состояніе, какое, вѣроятно, бываетъ передъ появленіемъ привидѣній!—хотѣлъ я улыбнуться про себя, но мнѣ стало еще страшнѣе при этой мысли.

Боже! Да что жъ это? Неужели я схожу съ ума? Мнѣ послышался тихій плачъ въ углу комнаты. Еще, еще... какой-то шопотъ... Я слышу ихъ голоса... Я различаю ихъ лица... Они наполняютъ мою комнату... Они ближе и ближе подступаютъ ко мнѣ... Я чувствую ужасъ отъ этой смрадной толпы дѣтей, стариковъ, одѣтыхъ въ рубища, женщинъ съ пьяными, испитыми лицами... Я хочу крикнуть, а они шепчутъ мнѣ:

— Молчи!..

И надвигаются все ближе.

Да, да, я узнаю ихъ. Моихъ старыхъ знакомыхъ. Падшихъ дѣтей, со скорбнымъ взглядомъ и циничной рѣчью на устахъ, грязныя, оборванныя привидѣнія ночлежныхъ домовъ... Вотъ эта женщина, прижимающая къ груди чахлаго ребенка... Истерзанная, растрепанная, окровавленная... Голова повязана мокрымъ платкомъ... Отъ нея пахнетъ виномъ... Она ушла промыслить ужинъ для своего ребенка и вернулась пьяная, но безъ денегъ: ее напоили, но не дали денегъ... Она клянетъ себя и ребенка, грозя сейчасъ расшибить ему голову о печку... Я знаю ее... А этотъ звонъ кандаловъ... А эти измученныя лица, горящія отчаяніемъ и злобой... И вся эта страшная толпа, отъ которой вѣетъ преступленіемъ и порокомъ, все ближе и ближе подходитъ ко мнѣ.

— Развѣ мы не отдали тебѣ часть своей жизни, откровенно довѣряя тебѣ наши тайны...

Развѣ я самъ не чувствовалъ, что ужъ принадлежу не себѣ одному, выходя изъ этихъ тюремъ, ночлежныхъ домовъ, притоновъ. Развѣ я не чувствовалъ, что части моего сердца принадлежатъ имъ.

— Развѣ мы не повѣрили тебѣ, какъ другу, когда ты приходилъ къ намъ? А ты... Развѣ ты не обманулъ нашего довѣрія? Развѣ ты не забылъ насъ, отдавшихъ тебѣ свое довѣріе, свою душу, среди людей, отдавшихъ тебѣ только свою любезность?.. Развѣ шелестъ шелка не заглушилъ нашихъ голосовъ, полныхъ скорби и муки, нашихъ стоновъ, нашихъ воплей, нашихъ криковъ отчаянія?.. Мы довѣрились тебѣ, а ты, ты обманулъ довѣріе гибнущихъ... Ты жаловался на одиночество, смотри,—нѣтъ, ты не одинокъ!..

Хохотъ послышался мнѣ въ этихъ словахъ. Внѣ себя отъ ужаса, расталкивая толпу, я кинулся изъ комнаты.

Я бѣжалъ по улицамъ, какъ бѣжитъ измѣнникъ, предатель. Я чувствовалъ, что „они“ правы, тысячу разъ правы...

Меня остановилъ какой-то женскій голосъ:

— Мужчинка, куда торопитесь? Захватите меня.

Вотъ она, эта нищета, съ такимъ довѣріемъ открывшая мнѣ свою душу.

Иззябшая, продрогшая, въ своей коротенькой кофточкѣ, дѣвушка силилась мнѣ улыбнуться въ то время, какъ голодъ свѣтился въ ея глазахъ.

Въ такую ночь...

— Идемъ! — сказалъ я ей.

Мы пошли. Какой-то не то стонъ, не то плачъ, не то завыванье послышалось намъ на одномъ изъ перекрестковъ.

На краю тротуара виднѣлся черный комокъ чего-то. Это былъ мальчикъ, издрогшій, полуприкрытый лохмотьями, замерзающій. Приставивъ свои холодные какъ ледышки кулачонки ко рту, онъ дулъ на нихъ, издавая не то стонъ, не то какое-то завыванье.

— У-у, у-у! — слышалось только.

Онъ вылъ не потому, что надѣялся, что его кто-нибудь услышитъ. Онъ потерялъ на это надежду. Онъ вылъ инстинктивно. Вѣдь не можетъ же человѣкъ умирать молча!

Мы съ женщиной хотѣли поставить его на ноги. Онъ падалъ. Замерзшія ноги его не держали.

Тогда я схватилъ его на руки и крикнулъ:

— Идемъ! Скорѣе!

Вѣдь долженъ гдѣ-нибудь быть открытъ какой-нибудь притонъ для тѣхъ, у кого нѣтъ угла въ такую ночь.

Вѣдь собираются же гдѣ-нибудь нищета, преступленіе и порокъ, чтобы сбиться въ кучу и согрѣть другъ друга въ такую холодную ночь.

— Я знаю такой трактиръ!— сказала мнѣ моя спутница.

И мы пошли, почти побѣжали. Я съ полуумирающимъ мальчишкой на рукахъ. Она—продрогшая, стуча на ходу зубами.

Мы бѣжали по пустымъ улицамъ города, уходя все дальше и дальше въ кварталы, населенные нищетой.

— Здѣсь! — сказала женщина.

Мы прошли черезъ вонючій, грязный дворъ и нащупали обитую рваной рогожею дверь.

Моя спутница стукнула три раза,—условнымъ стукомъ.

За дверью послышались шаги и голосъ:

— Кто тамъ?

— Сашка карманщица.

— Одна?

— Нѣ. Съ пассажиромъ.

— Съ пассажиромъ?

Дверь отворилась, пахнувъ на насъ клубомъ сырого, какого-то кислаго пара.

Пахло промозглымъ пивомъ, дымомъ скверныхъ папиросъ.

Это былъ трактиръ — притонъ, торгующій цѣлую ночь.

Пріютъ воровъ, падшихъ женщинъ, шулеровъ самаго низкаго разбора.

Полусонный хозяинъ стоялъ за стойкой. Нѣсколько пьяныхъ за столами, покрытыми грязными скатертями, кричали, ругались, хвастались другъ передъ другомъ тѣмъ, что лучше было бы скрывать.

— Тише, черти! — крикнулъ на нихъ половой въ опоркахъ на босу ногу.—Не видите, баринъ.

Пьяные попритихли, съ любопытствомъ глядя на меня, на женщину, на замерзшаго мальчишку.

— Давай всего, что только есть, и водки.

— Въ сей моментъ!—крикнулъ половой.

Хозяинъ засуетился.

Столъ уставляли закусками.

Мы съ женщиной принялись оттирать руки мальчишкѣ. Она залпомъ выпила три рюмки водки и начала понемножку согрѣваться.

Мальчишка пришелъ въ себя, жадными глазами смотрѣлъ нѣсколько минутъ на разставленную ѣду, затѣмъ схватилъ ножку заливного поросенка и кинулся было бѣжать.

Женщина поймала его за шиворотъ:

— Ѣшь тутъ, пострѣленокъ!

И, слегка опьянѣвшая, хохотала, глядя, какъ онъ рвалъ огромными кусками мясо поросенка и глоталъ, почти не жевавши, давясь.

— Хо-хо-хо! Боится, что вздуютъ! Ахъ, пострѣлъ!

Молодая еще дѣвушка, съ узкимъ лбомъ, низко, надъ бровями, растущими волосами,— настоящій типъ вырождающейся.

— Шишнадцать лѣтъ всего! — сказала она, замѣтивъ, что я смотрю на нее.

— А давно?

— Третій годъ.

— А, чортъ — тварь...— расхохоталась по ея адресу компанія за сосѣднимъ столомъ.

Мальчишка продолжалъ уплетать за обѣ щеки, съ опаской поглядывая на меня.

— Ѣшь! Ѣшь!..

— Какъ зовутъ? — спросила его „Сашка“.

— Петькой.

Они говорили, продолжая жевать, перебрасываясь фразами въ антрактахъ, когда брали руками заливного поросенка, рыбу, ветчину, вареное мясо.

— Родные есть? Тятька?

— Тятьки нѣтъ.

— А мамка?

— Мамка проситъ.

— Братья?

— Одинъ братъ. Въ новой тюрьмѣ сидитъ.

— Сестры?

— Двѣ. Одна ходитъ. Другая въ больницѣ лежитъ.

— Форточникъ, что ли?

— Нѣтъ, малъ больно. Подросту, въ форточники выйду. Покамѣстъ такъ, съ лотковъ гдѣ жрать таскаю...

— А ночуешь гдѣ? Въ ночлежномъ?

— Зачѣмъ?

— А гдѣ жъ?

— Вчерась — въ бульварномъ. Третьяго дня — въ Александровскомъ. Нынче опять въ Бульварный шелъ. Не дошелъ, зазябъ.

„Сашка“ кончила ѣсть и вытирала теперь руки о грязную скатерть. Она только пила, не закусывая. Я приказалъ подать вина.

— Вотъ это здорово! Совсѣмъ по-праздничному.

Мальчишка продолжалъ глотать съ такой же жадностью.

Въ дверь раздался сильный стукъ. Такъ стучитъ только отчаяніе.

Посѣтители вскочили съ испуганнымъ видомъ.

До меня донесся шопотъ: „полиція?“

Въ ихъ взглядахъ на меня я прочелъ подозрѣніе: ужъ не я ли привелъ за собой полицію?

Хозяинъ стоялъ около лампы-молніи, готовясь ее погасить въ нужный моментъ.

Растерявшійся половой побѣжалъ отворять дверь.

Донесся какой-то разговоръ, и въ комнату ворвался человѣкъ съ видомъ затравленнаго звѣря, котораго преслѣдуютъ по пятамъ.

— Ванька!—свободнѣе вздохнула компанія.—Напугалъ, чортъ!

Но хозяинъ преградилъ ему путь.

— Гонятъ?

— Гонятъ. Да мы бросились въ разныя стороны.

— Убирайся!

— Да за мной со слѣда сбились...

— Сей моментъ убирайся!..

Хозяинъ схватилъ его за шиворотъ. Половой подскочилъ, готовый къ услугамъ. Но я схватилъ хозяина за рукавъ:

— Стойте... Садись сюда. Если придетъ полиція, я покажу, что съ вечера сижу здѣсь съ нимъ. Что онъ никуда не отлучался. Садись!

„Ванька“ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, съ недовѣріемъ:

— Не сыщикъ ли?

— Садись, коли баринъ выправить обѣщаетъ!— улыбнулся хозяинъ.

И „Ванька“ робко сѣлъ на край стула. „Сашка“, принявшая на себя роль хозяйки, налила ему рюмку водки.

— Пей!

— Съ праздникомъ! Рождествомъ Христовымъ, — сказалъ Ванька.

— А вѣдь и впрямь! Съ праздникомъ, съ Рождествомъ!

Всѣ потянулись чокаться рюмками, стаканами пива, вина.

— Съ Рождествомъ!

— И васъ также!

— А ты, пострѣленокъ, чего хочешь?—обратилась къ мальчишкѣ „Сашка“.

— Красной водки, которая сладкая!

— Дать ему красной водки, которая сладкая!

— А чего жъ не жрешь, анаѳема?

— Усталъ!

Онъ сидѣлъ теперь пыхтя и отдуваясь, словно послѣ тяжелой работы.

— Дозволите?—спрашивалъ Ванька, нерѣшительно протягивая руку къ остаткамъ ѣды.

— Ѣшь, ѣшь! Все, что хочешь, ѣшь!—хозяйничала Сашка.—Разговляйся!

И налила Ванькѣ водки. Онъ каждый разъ произносилъ все веселѣе и веселѣе:

— Съ праздникомъ всю честную компанію!

И всѣ, веселѣя и веселѣя, чокались. Мальчишка не отставалъ отъ другихъ, потягивалъ наливку,—теперь онъ весь раскраснѣлся, согрѣлся совсѣмъ, весело

поглядывалъ кругомъ и вдругъ неожиданно заоралъ, указывая на „Ваньку“:

— А онъ жуликъ! Я его знаю, онъ жуликъ!

— Не осуждай, подлецъ, въ такой великій праздникъ! — наставительно отвѣчалъ ему хмелѣвшій „Ванька“, а „Сашка - карманщица“, совсѣмъ пьяная, вдругъ вскочила и заорала безъ-толку, безъ смысла, жестикулируя руками:

— Что жъ это такое? Зазвали и вдругъ рядомъ съ жуликомъ посадили. Гдѣ жъ это видано?

— Молчи, ты...

И онъ крикнулъ ей слово, отъ котораго она схватилась за бутылку. „Ванька“ тоже угрожающе поднялся съ мѣста. Мальчишка полѣзъ подъ столъ, крича:

— Жуликъ! Жуликъ! Убьетъ!

Они кричали другъ на друга, обдавая другъ друга потоками презрительной, самой обидной брани. Эти подонки старались втоптать другъ друга въ грязь какъ можно глубже.

Но я изо всей силы стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что мальчишка съ любопытствомъ выглянулъ изъ-подъ стола, и крикнулъ:

— Баста! Ни слова больше! Нѣтъ никого здѣсь, кромѣ братьевъ. Веселитесь во имя Бога, братства и любви. Бога, пришедшаго въ міръ съ душой незлобивой, какъ душа младенца!

И я чокнулся со своими собесѣдниками.

Мы продолжали веселиться, чокаться и шумѣть, поздравляя съ праздникомъ другъ друга.

Меркли звѣзды одна за другой, гдѣ-то звонили къ заутренѣ, когда я вышелъ изъ трактира.

Вышелъ, оставивъ совсѣмъ пьяную Сашку, еле бормотавшую какія-то несвязныя слова, „Ваньку", который почему-то плакалъ, билъ себя въ грудь и говорилъ:

— Сказывалъ, надоть ключъ подобрать... Нѣтъ, они замки ломать, дьяволы!..

Осовѣлый отъ красной водочки мальчишка залѣзъ спать подъ столъ.

Гости за сосѣднимъ столомъ спали, кто положивъ голову на руки, кто откинувшись на стулъ и храпя во все горло.

И я съ удовольствіемъ вспоминалъ эту картину: всякій встрѣтилъ праздникъ какъ хотѣлъ. Да и я встрѣтилъ праздникъ не одинъ.

— А на слѣдующій день мой добрый старый другъ, зашедшій поздравить меня съ праздникомъ, который,— онъ знаетъ,—я такъ люблю, добрый другъ, умѣющій читать на моемъ лицѣ, спросилъ:

— Ого! Какое у насъ лицо. Опять кутежъ?

Я улыбнулся.

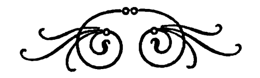
— Небольшой.

— Опять шампанское? Женщины?

— Немного.

Онъ грустно покачалъ головой:

— Ты губишь себя, милый мой.

ТѢНЬ.

Тѣнь.

Насъ двое въ комнатѣ: я и моя тѣнь.

Свѣтъ брезжитъ гдѣ-то сзади. Я сижу верхомъ на стулѣ и смотрю на нее.

Она стелется по полу, вползаетъ на стѣну и оттуда киваетъ мнѣ своею огромною, безобразною головой.

Когда я поднимаю голову, она моментально вползаетъ еще выше, растетъ и пухнетъ,—этотъ черный, отвратительный призракъ.

Она слѣдитъ за мной, повторяетъ каждое мое движеніе, издѣвается надо мной, и я въ безсильной ярости сжимаю кулаки.

Мнѣ никуда не уйти отъ нея!

Когда я, обезумѣвъ отъ бѣшенства, кидаюсь на нее, она моментально исчезаетъ, свертывается клубкомъ у моихъ ногъ, ползаетъ около нихъ, словно хочетъ схватить меня за ноги и повалить.

Когда я начинаю метаться по комнатѣ, она огромными шагами перескакиваетъ черезъ всю комнату, словно чудовище, которое сторожитъ каждый мой шагъ и каждую минуту преграждаетъ мнѣ дорогу.

Она вездѣ. Она появляется на двери, около окна на стѣнахъ, въ углахъ, нагибается надо мной, перетягиваясь черезъ потолокъ.

Я не могу сдѣлать движенія рукой. Ея огромныя, безобразныя, цѣпкія лапы ползутъ по стѣнамъ, ежеминутно готовыя схватить меня и задушить какъ щенка.

Окаменѣлый отъ ужаса, я стою передъ нею, боясь пошевелить рукой и ногой, и смотрю, какъ она покачиваетъ головой при каждомъ колебаніи пламени тусклой лампочки, горящей въ фонарѣ.

Я не могу, не могу отвернуться отъ нея.

Мнѣ страшно. Я чувствую, что она стоитъ за спиной у меня, и мнѣ неудержимо хочется оглянуться!

Я помню, какъ увидалъ ее въ первый разъ,—этого проклятаго двойника, который знаетъ всю мою жизнь, который не оставлялъ меня ни на минуту ни на секунду.

Даже тогда, когда я думалъ, что я одинъ, онъ былъ здѣсь,—этотъ двойникъ,—все видѣлъ, все подсматривалъ и издѣвался надо мной, передразнивая каждое мое движеніе.

Тогда я тоже думалъ, что я одинъ.

Жена лежала въ забытьѣ, прикрытая атласнымъ стеганымъ одѣяломъ. На его свѣтломъ фонѣ, около самой ея головы, виднѣлось большое пятно отъ какого-то пролитаго лѣкарства.

Мнѣ были противны и это грязное пятно и это красное отъ жара лицо, съ запекшимися губами, закрытыми глазами, посинѣвшими, распухшими вѣками, косичками мокрыхъ волосъ, приставшихъ къ потному лбу.

Изрѣдка она тихо стонала, и я брезгливо подавалъ ей ложку какого-то питья, съ отвращеніемъ приподнимая другою рукой потную, мокрую голову.

Когда она шевелилась подъ одѣяломъ, ея тѣло казалось мнѣ какимъ-то огромнымъ червякомъ, котораго мнѣ хотѣлось раздавить.

Она возбуждала во мнѣ гадливость и ненависть,—эта женщина, допившаяся до горячки.

Если я не душилъ ея, то только потому, что безъ отвращенія не могъ подумать, какъ я коснусь руками ея жирной, влажной, горячей шеи съ надувшимися жилами.

Взять подушку и задавить ее.

Когда эта мысль пришла мнѣ въ голову, меня неудержимо потянуло къ постели.

Схватить подушку, кинуть ей на голову, нажать колѣнкой разъ, два, подержать такъ минутъ пять или десять,—и все кончено, это большое, расплывшееся тѣло перестанетъ хрипѣть, сопѣть, дышать съ какимъ-то отвратительнымъ присвистомъ, каждымъ стономъ, каждымъ вздохомъ заставляя меня передергиваться съ ногъ до головы.

Я то готовъ былъ кинуться на нее, чтобъ кончить все сразу, то тихо подбирался къ кровати, осторожно протягивая руку къ постели, боясь, чтобъ жена не очнулась и не закричала.

Но что-то удерживало меня. Что именно — не знаю.

Что-то...

Напрасно я призывалъ на помощь весь свой умъ, всю свою логику.

Вѣдь я же умный человѣкъ. Я понимаю, что все равно,—теперь, черезъ полгода, черезъ годъ, черезъ

два. Ну, она выздоровѣетъ. Снова начнется безпробудное пьянство, дикія, безобразныя, отвратительныя сцены. Вѣдь она не можетъ не пить. У нея алкоголизмъ. Зачѣмъ же я-то, я-то еще полгода, годъ, быть-можетъ, цѣлыхъ два долженъ выносить все это? .

Два года...

Въ ужасѣ я даже закрылъ глаза. Мнѣ такъ и представилось это пьяное лицо, съ безсмысленными оловянными глазами, перекосившимися блѣдными губами, безсильно отвисшими одутловатыми щеками.

О, какъ я ненавидѣлъ это лицо, эту женщину въ эти минуты!

А что-то мѣшало мнѣ сдѣлать шагъ и взять подушку.

Что-то крѣпко держало меня словно прикованнымъ на мѣстѣ, не давало поднять руки.

Да вѣдь не мальчикъ я на самомъ дѣлѣ. Вѣдь не вѣрю же я въ эту „совѣсть“, которую выдумали для того, чтобъ пугать дураковъ и слабонервныхъ людей.

Вѣдь сколько разъ я думалъ задушить ее, когда она, пьяная, безобразная, пахнувшая алкоголемъ, храпѣла около меня. И каждый разъ я думалъ объ этомъ спокойно, холодно, не чувствуя сожалѣнія къ этой женщинѣ - полуживотному, отравившей, исковеркавшей, изломавшей всю мою жизнь.

Ее слѣдовало задушить прямо-таки изъ сожалѣнія и къ ней и къ самому себѣ. Что это за жизнь? И за что долженъ мучиться я?

Если что меня останавливало тогда, такъ это боязнь отвѣтственности, боязнь погубить себя изъ-за этого полутрупа, который и безъ того уже разлагается.

И вотъ сегодня... Сегодня случай прекратить эту мучительную, ужасную, безобразную агонію, которая можетъ протянуться еще года два.

Сегодня докторъ, уѣзжая, сказалъ:

— Боюсь, чтобъ съ ней не случилось апоплектическаго удара.

Онъ можетъ случиться.

Отчего же не заставить его случиться?

Сегодня или никогда. Здѣсь нѣтъ даже преступленія. Здѣсь просто отвращеніе и жалость. Неужели какое-то неизвѣстное „что-то“ можетъ пересилить всѣ доводы разума, логики, можетъ помѣшать сдѣлать мнѣ то, что я передумалъ, перечувствовалъ, давно уже перестрадалъ? Неужели я не могу?

Не знаю, сколько времени я думалъ и боролся самъ съ собой, но я вздрогнулъ и очнулся подъ ея пристальнымъ взглядомъ.

Въ двухъ шагахъ она, очнувшись, смотрѣла на меня широко раскрытыми отъ ужаса глазами, словно читая на моемъ лицѣ мои мысли. Она приподняла голову и шевелила губами, тщетно стараясь крикнуть.

Въ ея глазахъ было столько мерзкаго, животнаго ужаса, что у меня пробѣжали какія-то противныя мурашки по всему тѣлу и во мнѣ проснулось бѣшеное желаніе задавить это противное, мерзкое животное, дѣлавшее судорожныя движенія.

Я кинулся на нее и, придавивъ подушкой ея лицо, навалился на подушку всею тяжестью своего тѣла.

Два-три конвульсивныхъ движенія ея тѣла заставили меня еще сильнѣе съ отвращеніемъ нажать подушку.

Затѣмъ все какъ-то кругомъ пошло у меня въ головѣ, я вдругъ почувствовалъ страшную усталость и впалъ въ какое-то забытье.

Не помню, сколько времени оно продолжалось, но я очнулся съ мыслью:

— Не видалъ ли меня кто-нибудь?

Кругомъ было тихо. Я, на всякій случай, оглянулся. Никого.

Какъ вдругъ я вскрикнулъ.

Напротивъ, на стѣнѣ, навалившись на что-то всею своею массой, лежало черное чудовище, медленно поворачивая свою огромную голову.

Я закричалъ, кинулся съ подушкой въ рукѣ къ двери, но оно, тоже схвативъ что-то огромное черное, однимъ шагомъ перешагнуло черезъ всю комнату и стало прямо предо мною, загородивъ дорогу.

Тогда я закричалъ отъ ужаса и упалъ безъ памяти.

Сбѣжавшаяся прислуга нашла меня около двери лежащимъ безъ чувствъ, съ крѣпко зажатою подушкой въ рукѣ. Трупъ жены уже холодѣлъ. Доктора нашли, что она умерла отъ апоплектическаго удара, и утѣшали меня въ моемъ „горѣ“, говоря:

— Этого и слѣдовало ждать.

Я, впрочемъ, не помню, что именно говорилось, что дѣлалось вокругъ въ теченіе этихъ трехъ дней. Я былъ занятъ своими мыслями. Ночная сцена не вызывала во мнѣ ни ужаса ни отвращенія,—я просто старался не думать о ней, и это мнѣ удавалось. Въ общемъ я чувствовалъ себя спокойнымъ и какъ-то равнодушнымъ ко всему.

Такъ шло до самыхъ похоронъ.

Я стоялъ около могилы, гдѣ-то въ толпѣ, когда всѣ разступились, чтобъ пропустить меня бросить первую горсть земли.

Что-то пѣли. Кто-то плакалъ.

Я спокойно сдѣлалъ два шага къ желтой кучѣ песку, которая возвышалась на краю могилы, и вдругъ передо мной скользнула по землѣ и потянулась въ могилу она, моя тѣнь.

Она, та самая, которая видѣла все, она снова появилась передо мной, чтобъ повторить мнѣ все, и тянула меня за собой въ могилу.

Говорятъ, я страшно закричалъ.

Но я помню только, что услышалъ словно какой-то чужой, страшный, раздирающій душу вопль и кинулся впередъ, чтобъ задушить „ее"...

Не помню, что я потомъ говорилъ, кричалъ, дѣлалъ, что со мной было,—когда я очнулся, я сидѣлъ на какомъ-то могильномъ памятникѣ, окруженный толпою провожатыхъ, кто-то подавалъ мнѣ воды, кто-то совѣтовалъ прійти въ себя.

Мнѣ сразу бросились въ глаза изумленныя лица, послышались разговоры, восклицанія:

— Этого не можетъ быть!

— Онъ просто помѣшался!

— Однако!

— Невозможно!.. Онъ такъ терпѣливо сносилъ!..

— Бываетъ, что убійцы въ такія минуты...

— Просто бредъ!

— Тсъ. Онъ очнулся!

Я понялъ, что, вѣроятно, что-нибудь сказалъ, тревожнымъ взглядомъ оглянулъ всѣхъ, поднялся, чтобы что-то сказать,—и вдругъ увидѣлъ, какъ какое-то

темное пятно скользнуло по памятнику. У меня остановилось сердце: черезъ памятникъ переползла моя тѣнь, ея голова виднѣлась на пальто моего знакомаго, словно она добиралась, чтобъ сказать ему на ухо мою тайну.

Я снова закричалъ отъ ужаса, кинулся на моего знакомаго, увидѣлъ, какъ тѣнь, вдругъ спрыгнувъ съ него, шаромъ подкатилась мнѣ подъ ноги, и упалъ...

Когда я очнулся на этотъ разъ, я лежалъ въ своемъ кабинетѣ. Пахло лѣкарствами. Въ окна билъ ослѣпительный солнечный свѣтъ.

У стола моя дальняя тетка мастерила какое-то питье. Около меня была сидѣлка.

Сначала я никакъ не могъ сообразить, что произошло, но сидѣлка начала поправлять подушки, и мнѣ сразу вспомнилось все. И вдругъ я лежу на той самой подушкѣ...

— Тетя... тетя...—крикнулъ я, вскакивая на постели,—это не та самая подушка?.. Не та?..

А по стѣнѣ выросла черная, безобразная тѣнь и чутко прислушивалась, та ли это самая подушка, или нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ „она" не даетъ мнѣ покоя.

Я разговаривалъ со слѣдователемъ и чувствовалъ, что она стоитъ у меня за спиной и внимательно слушаетъ, все ли и такъ ли я разсказываю.

Когда слѣдователь покачивалъ головой, я приходилъ въ бѣшенство. Развѣ я могъ бы, развѣ я смѣлъ бы врать въ ея присутствіи?

Я кричалъ:

— Спросите у нея! Она все видѣла! Все знаетъ!

Я оглядывался на тѣнь, она кривлялась, безобразно махала руками, передразнивая меня, издѣваясь надо мной, надъ тѣмъ, что мнѣ не вѣрятъ.

Когда меня осматривали какіе-то доктора, я умолялъ только, чтобъ они осматривали меня въ темной комнатѣ.

Да нѣтъ! И въ темнотѣ мнѣ нѣтъ отъ нея спасенія.

Я чувствую ея присутствіе здѣсь, около, чувствую, что достаточно одного луча свѣта, и она снова появится передо мной, начнетъ издѣваться, насмѣхаться надо мной.

Она знаетъ все, видѣла всѣ минуты моей жизни,— минуты, которыхъ я стыжусь, минуты, о которыхъ боюсь вспомнить.

Она исчезнетъ только вмѣстѣ со мной.

Вмѣстѣ со мной...

Когда ее положатъ вмѣстѣ со мной въ гробъ, тамъ ужъ никогда не будетъ свѣта. Она умретъ.

Какая идея! Удариться со всего разбѣга головой объ стѣну?..

Записки эти найдены въ камерѣ паціента лѣчебницы для душевно-больныхъ. Несчастный покончилъ жизнь самоубійствомъ, разбивъ себѣ голову о притолоку двери. Ударъ былъ такъ силенъ, что черепъ раскроился пополамъ.

Въ послѣдній часъ.

Въ послѣдній часъ.

Луна дрожащимъ свѣтомъ серебрила каналъ. На темномъ бархатномъ небѣ брильянтами сверкали звѣзды. Откуда-то неслась пѣснь гондольера. Ей аккомпанировали мелкія волны, плескавшіяся о мраморныя ступени дворцовъ.

Никогда Венеція не была такъ прекрасна, какъ въ эту минуту.

Гдѣ-то пѣлъ гондольеръ, пѣли волны, пѣлъ голубой лунный свѣтъ, обливая бѣлыя стѣны молчаливыхъ, суровыхъ палаццо.

Пѣло все, — воздухъ, и море, и свѣтъ. Эта чудная пѣснь звучала сильнѣе, сильнѣе, сильнѣе... и онъ очнулся.

Пахло и больницей и казармой. На стѣнѣ за проволочною сѣткой коптился ночникъ. Въ окна глядѣлъ кусочекъ бѣлаго, безцвѣтнаго лѣтняго ночного неба, изрѣзанный переплетомъ желѣзной тюремной рѣшетки.

На другой койкѣ, стоявшей въ палатѣ, метался въ бреду какой-то человѣкъ.

Онъ то старался подняться, то снова падалъ на подушки и бормоталъ, безсильно махая руками:

— Вонъ... вонъ изба... Видишь, безъ крыши... Пріѣли солому-то... Рубили и ѣли... Жрать... жрать было нечего... Жрать... Вонъ она... вонъ изба-то...

Лавину становилось страшно.

Гдѣ онъ, что съ нимъ было и какъ онъ попалъ сюда?

Мысли плохо вязались въ головѣ, какой-то шумъ мѣшалъ думать, но онъ старался припомнить.

Его повели къ слѣдователю для допроса. Весь этотъ день ему чувствовалось какъ-то не по себѣ. Какая-то слабость, какой-то шумъ въ головѣ, какія-то несвязныя мысли. Онъ сидѣлъ въ коридорѣ на скамейкѣ, и вдругъ ему начало казаться, что двое солдатъ, стоявшихъ по бокамъ съ ружьями, стали расти, расти, превратились въ какихъ-то великановъ, заслонившихъ собою все. Такъ что, когда чей-то голосъ выкрикнулъ: „Арестованный Лавинъ, къ слѣдователю!“ —онъ, поднявшись, даже съ удивленіемъ увидѣлъ, вмѣсто великановъ, двухъ маленькихъ гарнизонныхъ солдатъ-замухрыгъ.

Онъ постарался подбодриться и войти къ слѣдователю съ обычнымъ смѣлымъ, гордымъ, спокойнымъ видомъ.

Много онъ ихъ видѣлъ на своемъ вѣку!

Онъ твердо подошелъ къ столу со своею обычною осанкой, но тутъ почувствовалъ, что ноги у него подкашиваются, и безсильно опустился на стулъ въ ту самую минуту, когда слѣдователь только еще говорилъ:

— Садитесь!

Въ головѣ шумѣло все сильнѣе и сильнѣе, и невыносимо тянулись эти минуты, пока слѣдователь съ утрированно-дѣловымъ видомъ рылся въ какихъ-то бумагахъ.

— Вы, г. Лавинъ, обвиняетесь въ побѣгѣ на пути слѣдованія въ ссылку и проживательствѣ по чужому

виду, — наконецъ проговорилъ слѣдователь, все еще перелистывая какія-то бумаги и не глядя на него. — Что вамъ будетъ угодно сказать по этому дѣлу?

Онъ хотѣлъ было отвѣтить по обыкновенію какою-нибудь бравадой, но почувствовалъ, что голова становится тяжела какъ свинецъ, схватился за столъ и прислонился къ нему грудью... Голова безсильно опустилась, онъ чувствовалъ, что еще минута, и онъ упадетъ.

— Что съ вами?.. Вы больны? — спросилъ слѣдователь, взглянувъ на него и вскакивая съ мѣста.

Онъ едва могъ прошептать:

— Да... мнѣ скверно...

Онъ слышалъ, какъ слѣдователь кому-то кричалъ: „Скорѣе доктора!" какъ кто-то бѣгалъ, суетился, какъ отворялась и затворялась дверь, какъ, наконецъ, вбѣжалъ какой-то господинъ, какъ онъ шопотомъ спросилъ у слѣдователя: „Лавинъ? Тотъ самый?" помнитъ, что этотъ господинъ щупалъ у него пульсъ, велѣлъ показать языкъ, просилъ зачѣмъ-то привстать, снять сюртукъ. Онъ повиновался молча, машинально. Онъ слышалъ затѣмъ, какъ докторъ сказалъ слѣдователю: „Тифозная горячка", — и вдругъ ему показалось, что докторъ превращается въ кондуктора желѣзной дороги.

Да, да! Онъ запомнилъ это лицо кондуктора одной изъ швейцарскихъ дорогъ. Онъ вздрогнулъ и сталъ всматриваться пристальнѣе.

Да, да! Это вагонъ, кругомъ пассажиры. Въ ушахъ ясно слышенъ адскій грохотъ быстро летящаго поѣзда. Только почему это въ вагонъ все входятъ и выходятъ?

Ага! Въ отворенную дверь онъ увидѣлъ двоихъ солдатъ съ ружьями. За нимъ погоня. Онъ попался. Его сейчасъ арестуютъ. Надо выпрыгнуть въ окно.

Онъ отлично помнитъ, какъ вскочилъ съ мѣста и съ крикомъ кинулся къ окну. Но его кто-то схватилъ... Дальше все какъ въ туманѣ. Онъ помнитъ только, что отбивался, что ударилъ кого-то головой въ животъ, — страшный матросскій ударъ, который онъ видѣлъ когда-то въ Александріи и который почему-то ему вспомнился въ эту минуту,—что кто-то закричалъ страшнымъ голосомъ, что какіе-то люди кинулись на него и начали его валить. Дальше онъ не помнилъ ничего.

-- Вонъ... вонъ изба, которая безъ крыши... Безъ крыши которая,—хрипѣлъ на сосѣдней койкѣ больной, метаясь по постели и размахивая руками.

Лавину становилось все страшнѣе и страшнѣе.

Что-то сѣрое, безцвѣтное, бѣлесоватое ползло, проползало сквозь рѣшетку окна, тянулось къ нему и къ его сосѣду... Неужели это была смерть?

Лавинъ не былъ трусомъ. Въ своихъ авантюрахъ, изумлявшихъ цѣлую Европу, онъ не разъ видалъ смерть лицомъ къ лицу. И не боялся. Она огромнымъ чернымъ призракомъ вставала въ минуту опасности, и этотъ призракъ его не пугалъ.

Вотъ хоть бы этотъ побѣгъ въ Швейцаріи. Поѣздъ съ головоломною быстротой летѣлъ сквозь туннели, по гигантскимъ мостамъ, переброшеннымъ черезъ страшныя пропасти, то мчался по самому краю бездоннаго обрыва, то словно слеталъ на самое дно цвѣтущихъ долинъ. Горы то громоздились надъ нимъ, то толпились подъ нимъ.

Лавинъ зналъ, что въ сосѣднемъ вагонѣ сидятъ переодѣтые полицейскіе, чтобъ арестовать его на слѣдующей станціи. И въ немъ проснулась страстная, неудержимая жажда свободы. Былъ только одинъ способъ къ спасенію: пользуясь темнотою ночи, спрыгнуть на всемъ ходу съ поѣзда. Сумасшедшій скачокъ на тотъ свѣтъ. Но онъ не колебался. Покуривая сигару, онъ вышелъ на площадку вагона.

Поѣздъ летѣлъ съ быстротой 80 верстъ въ часъ. Огненными полосками мелькали мимо сигнальные фонари. Страшный шумъ, словно все рушилось кругомъ, оглушалъ Лавина, когда поѣздъ мчался черезъ туннель... Второй туннель, третій... Поѣздъ спустился въ долину... Черезъ четверть часа станція... Передъ глазами ровная лужайка... Въ темнотѣ ночи словно мелькнулъ какой-то огромный черный силуэтъ, и Лавинъ кинулся къ нему навстрѣчу, изо всей силы оттолкнувшись ногами отъ подножки и дѣлая скачокъ впередъ. Онъ очнулся, когда уже отъ поѣзда остался только маленькій красный огонекъ, быстро исчезавшій вдали. Кругомъ было темно, тихо и спокойно. Въ этой темнотѣ, этой тишинѣ, этомъ теплѣ и покоѣ чернаго огромнаго призрака больше уже не было. Онъ былъ страшенъ, но съ нимъ хотѣлось вступить въ бой, въ единоборство, побѣдить или погибнуть. Въ немъ не было ничего мерзкаго, отвратительнаго, какъ въ этомъ сѣромъ, бѣлесоватомъ, безформенномъ призракѣ, который вползалъ теперь сквозь рѣшетку окна. Лежать тутъ и широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣть, какъ онъ ползетъ, подбирается все ближе и ближе... Не быть въ силахъ бороться, защищаться, дѣлать движеніе, лежать и ждать, когда онъ под-

берется, подползетъ, всего покроетъ своимъ сырымъ холоднымъ, противнымъ, сѣроватымъ, безформеннымъ тѣломъ и медленно, медленно задушитъ...

Какое-то щемящее чувство тоски и отвращенія ныло въ груди. Онъ знаетъ это щемящее чувство. Онъ видѣлъ смерть, медленно, тихо, но неизбѣжно подкрадывавшуюся къ нему. И тогда онъ не могъ сдѣлать движенія, жеста, чтобъ оттолкнуться. И тогда щемило у него въ груди, но все-таки не такъ, все-таки это было не то.

Онъ долженъ былъ драться на дуэли утромъ, а вечеромъ къ нему явилась любовница его противника умолять, чтобъ онъ не убивалъ того, кто былъ ей дороже всего въ жизни, составлялъ собою все, что было хорошаго, дорогого, свѣтлаго въ мірѣ. Передъ нимъ, бреттеромъ, уже нѣсколько человѣкъ отправившимъ на тотъ свѣтъ, передъ стрѣлкомъ, попадавшимъ съ двадцати шаговъ въ бубноваго туза, эта женщина упала на колѣни, умоляя пощадить любимаго человѣка. Она была такъ хороша въ эти минуты, когда, рыдая, билась словно въ предсмертной тоскѣ у его ногъ, что у него явилось безумное желаніе обладать этою женщиной. Пусть будетъ такъ. Онъ продастъ свой выстрѣлъ, — и онъ сказалъ ей цѣну...

Этотъ полубезумный взглядъ. Эта минута колебанія. И это твердо и рѣшительно сказанное:

— Хорошо.

На утро они стрѣлялись. По жребію ему достался первый выстрѣлъ. Онъ съ улыбкой выстрѣлилъ куда-то въ воздухъ. Наступила очередь противника. Онъ медленно подходилъ къ барьеру.

„Негодяй... онъ цѣлитъ въ животъ! — думалъ Лавинъ, какъ загипнотизированный, не имѣя силъ отвести взглядъ отъ маленькаго, черненькаго кружка“.

Секунды казались часами, тянулись безъ конца. Какое-то щемящее чувство тоски сжимало сердце. Смерть подходила медленно, но неизбѣжно.

И вдругъ въ эту минуту вспомнилась женщина, которую онъ купилъ этою цѣной. Былъ моментъ, когда она подъ его ласками, кажется, забыла, что передъ нею врагъ... И онъ улыбнулся, вспомнивъ объ этомъ моментѣ.

Быть-можетъ, эта улыбка заставила дрогнуть руку противника. Онъ почувствовалъ только какой-то страшный шумъ и сильный ударъ по плечу. Рана оказалась пустяшной и не задѣла даже кости. Страшный призракъ, медленно приближавшійся, вдругъ быстро пролетѣлъ мимо, едва дотронувшись до него крыломъ.

Это были страшныя минуты, когда вся жизнь, весь міръ—все сосредоточилось только въ маленькомъ черномъ кружкѣ, пристально смотрѣвшемъ на него.

Но этотъ призракъ не былъ тою сѣрою, холодною, скользкою жабой, которая проползала теперь своимъ мягкимъ, студенистымъ тѣломъ сквозь рѣшетку.

И лишь только это сравненіе сквозь страшный шумъ мелькнуло у него въ головѣ, онъ вздрогнулъ и заметался; ея холодныя мягкія лапы хватали его уже за ноги, тянули къ себѣ. У него холодѣли ноги, и онъ чувствовалъ, какъ холодѣетъ сердце.

Человѣкъ на сосѣдней койкѣ заметался сильнѣе. Очевидно, онъ тоже чувствовалъ близость „ея“, старался вырваться, выкарабкаться изъ ея лапъ и хрипѣлъ, отмахиваясь руками:

— Испить... испить...

— Помогите! — хотѣлось крикнуть Лавину, но изъ горла вылетало только какое-то беззвучное дыханіе. А холодныя, сырыя, какъ туманъ, скользкія лапы ползли и ползли по его тѣлу, подбирались къ горлу.

Его охватилъ безумный ужасъ. Откуда-то явились силы, Лавинъ вскочилъ и кинулся къ постели сосѣда. Хоть на минуту ускользнуть изъ-подъ ея лапъ, и пусть она душитъ ихъ вмѣстѣ.

Но „она“ схватила его за ноги, спутала ихъ одѣяломъ, и онъ упалъ на колѣни около самой койки сосѣда, судорожно обхвативъ руками его горячее тѣло.

Вдвоемъ было не такъ страшно.

Все-таки подъ руками было что-то горячее, живое, и онъ чувствовалъ, какъ теплота этого тѣла переливается въ его остывающую кровь.

Сосѣдъ заметался еще сильнѣе, словно стараясь выкарабкаться изъ его судорожныхъ объятій, наконецъ, приподнялся на локтѣ и съ ужасомъ уставился на него широко раскрытыми, красными, воспаленными глазами.

Лавинъ почувствовалъ ужасъ передъ этимъ краснымъ, налитымъ кровью лицомъ, съ рыжею, перепутанною бородой, съ прядями волосъ, прилипшими къ потному лбу. А онъ шепталъ, не сводя съ него полнаго ужаса взгляда, своими пересохшими губами:

— Испить... Испить... Умираю...

Ужасъ охватывалъ Лавина все сильнѣе и сильнѣе. Сейчасъ, сейчасъ „она“ задушитъ этого и примется за него. Отдалить, отдалить эту минуту!

А умирающій снова безсильно упалъ на подушку и хрипѣлъ, теребя Лавина судорожно сжатою рукой за воротъ рубашки.

— Испить... Испить... Умираю...

Лавинъ безпомощнымъ взоромъ оглянулся кругомъ.

Тамъ на столѣ должна быть вода. Онъ собралъ всѣ силы, оттолкнулъ руку, схватившуюся за его рубашку, руку умирающаго, и, цѣпляясь за кровать, сталъ подниматься. Умирающій снова приподнялся и старался схватить его рукою, хрипя:

— Испить... испить...

Эта судорожно протянутая рука возбуждала въ немъ ужасъ; онъ отшатнулся и, поднявшись на ноги, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но тутъ же упалъ...

Сѣрая жаба расползалась по комнатѣ. Она душила больного, и Лавинъ слышалъ, какъ онъ хрипѣлъ и и метался. Сейчасъ, сейчасъ покончитъ съ однимъ и примется за другого.

Лавинъ въ смертельномъ страхѣ поползъ за водою. Вотъ столъ... Вотъ подъ руку попадается какая-то склянка... Можетъ-быть, это не вода... Можетъ-быть, это лѣкарство... Нѣтъ, кажется, это графинъ...

Онъ застучалъ о другія склянки...

Умирающій приподнялся на койкѣ; онъ съ особенною силой хрипѣлъ теперь:

— Испить...

И Лавину казалось, что цѣлая безконечность отдѣляетъ его отъ сосѣда, что онъ никогда не доползетъ до него, чтобъ дать воды, что жаба задушитъ ихъ въ разныхъ углахъ комнаты, и онъ съ отчаяніемъ началъ на колѣняхъ карабкаться по полу, не выпуская графина изъ рукъ.

Вотъ онъ ближе... ближе... Вотъ койка... Онъ чувствуетъ этотъ жаръ, который такъ и пышетъ отъ

больного... Онъ поднесъ къ его запекшимся губамъ графинъ и съ отчаяніемъ зашепталъ:

— Да пей же... пей... пей...

Умирающій сдѣлалъ два глотка и, захлебнувшись, упалъ на подушки.

Теперь, выпивъ воды, онъ сталъ спокойнѣе и пересталъ метаться.

Силы окончательно оставили Лавина; онъ упалъ на полъ тутъ же, рядомъ съ койкой. Около валялся графинъ. Рука Лавина нащупывала лужицу пролившейся воды, и у него тоже просыпалась жажда. Ощущеніе холода и сырости смѣнилось ощущеніемъ какого-то палящаго зноя. Онъ кое-какъ дотянулся и приникъ губами къ лужицѣ воды. Нѣсколько капель какъ будто успокоили и его.

Онъ чувствовалъ только страшную слабость.

„Неужели это смерть?“ теперь ужъ съ какимъ-то спокойствіемъ подумалъ онъ.

Передъ нимъ почему-то пронеслось нѣсколько знакомыхъ лицъ, картинъ, событій... Вдругъ вспомнился почему-то Донъ-Карлосъ, этотъ неудачный претендентъ, похоронившій себя въ Венеціи, въ своемъ родовомъ палаццо, въ обществѣ художниковъ, артистовъ и куртизанокъ. Онъ разсказываетъ смѣлые, грандіозные замыслы о захватѣ престола одного изъ Балканскихъ государствъ. Потухшіе глаза стараго политическаго авантюриста загораются прежнимъ огонькомъ. Въ Донъ-Карлосѣ, отжившемъ, позабывшемъ свои мечты, просыпается прежній смѣлый, честолюбивый претендентъ. Эта смѣлая, безумная авантюра дѣйствуетъ на него, какъ призывный звукъ трубы на старую кавалерійскую лошадь, онъ готовъ всѣми силами содѣйствовать осу-

ществленію идеи, такой же грандіозной, какими были когда-то и его собственныя. Онъ даетъ денегъ, много денегъ... эти деньги запестрѣли въ глазахъ Лавина какимъ-то каскадомъ и вдругъ смѣнились засаленными, истрепанными серіями, сторублевками, и Донъ-Карлоса замѣнилъ какой-то старичокъ, который шамкаетъ беззубымъ ртомъ:

— Это всѣ мои сбереженія. Но я даю ихъ вашему сіятельству какъ залогъ, потому что вполнѣ вѣрю вашему сіятельству.

Потомъ мелькнули какія-то знакомыя улицы. Кажется, это Парижъ. Да, разумѣется, Парижъ. Но зачѣмъ здѣсь этотъ бульваръ? Нѣтъ, это вовсе не Парижъ, это „Unter den Linden“, Берлинъ, и даже не Берлинъ, а Вѣна, потому что вотъ Дунай, какъ будто даже это скорѣе похоже на Лондонъ... И вдругъ все это исчезло, куда-то скрылось, и на ярко-красномъ фонѣ, который положительно ослѣпляетъ Лавина, появилось знакомое лицо... Гдѣ онъ видалъ это лицо? Ахъ, да, это прокуроръ. „Одинъ изъ прокуроровъ“, съ улыбкой подумалъ онъ и хотѣлъ было сказать что-то очень дерзкое, очень смѣшное, очень остроумное, и сказалъ бы, если бъ прокуроръ не превратился вдругъ въ маленькую, хорошенькую женщину, которая, ломая руки, смотрѣла на него глазами, полными слезъ, и твердила:

— Зачѣмъ ты дѣлаешь все это? Зачѣмъ?

— Я жить хочу... Понимаешь ли ты? Жить, жить, жить, а не прозябать! — хотѣлъ было крикнуть ей въ отвѣтъ Лавинъ, но надъ нимъ кто-то прохрипѣлъ:

— Священника бы... Безъ покаянія...

Свѣсившись съ койки, на него глядѣлъ рыжій сосѣдъ глазами, полными тоски и страха:

— Священника... безъ покаянія... безъ покаянія...

Лавинъ почувствовалъ, какъ снова холодъ поползъ по его тѣлу.

— Священника?.. Неужели конецъ?.. Конецъ?..

Подъ рукою было что-то скользкое, холодное, мокрое. Жаба... Она?

Его снова охватилъ ужасъ, и онъ, приподнявшись, обхватилъ руками тѣло сосѣда, стараясь всползти на койку.

А тотъ метался и съ какою-то смертельною тоскою повторялъ:

— Священника... священника...

— Не надо... не надо...—шепталъ Лавинъ.

— Покаяться... покаяться... Грѣшенъ... Кралъ...

И вдругъ, заметавшись, умирающій приподнялся, крѣпко схватилъ Лавина за плечи и, глядя въ упоръ широко раскрытыми глазами все съ тѣмъ же выраженіемъ ужаса, прохрипѣлъ:

— Да вѣдь съ голоду, ваше высокородіе, съ голоду... Вѣдь жрать хотѣлось, жрать... жрать...

И онъ, не выпуская изъ судорожно сжатыхъ пальцевъ рубашки Лавина, навзничь опрокинулся на подушки, въ груди у него что-то захрипѣло, заклокотало, взглядъ сталъ стекляннымъ, онъ вытянулся и замолкъ, только въ груди что-то продолжало клокотать, все тише, тише, слабѣе, слабѣе...

Лавинъ дѣлалъ всѣ усилія подняться и не могъ: руки крѣпко держали его за воротникъ. Онъ чувствовалъ, какъ онѣ все холодѣютъ и холодѣютъ около его горла... Сѣрая жаба ползла по нимъ и впол-

зала на его тѣло. Волосы зашевелились у него на головѣ.

И вдругъ ему сдѣлалось все равно. Въ головѣ поднялся какой-то шумъ, потомъ сталъ стихать и превратился въ какую-то пѣсню.

Гдѣ-то пѣлъ гондольеръ. Ему аккомпанировали волны, тихо плескавшіяся о мраморныя ступени дворцовъ. На черномъ бархатномъ небѣ брильянтами сверкали звѣзды. Луна дрожащимъ свѣтомъ посеребрила каналъ.

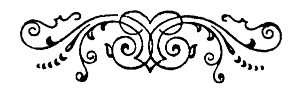
Венеція никогда не была такъ хороша, какъ въ эту минуту.

Пѣло все: гдѣ-то пѣлъ гондольеръ, пѣли звѣзды, пѣло море, пѣлъ воздухъ, пѣлъ голубой лунный свѣтъ, лаская мраморные дворцы.

И эта чудная пѣсня звучала все тише, нѣжнѣе...

Тише и тише...

Все смолкло.

Зритель.

Зритель.

Это былъ старый, скверный вагонъ, какіе во всемъ мірѣ сохранились только на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Крошечное отдѣленіе на троихъ. Два мѣста рядомъ, одно напротивъ.

Если я останусь одинъ, можно какъ-нибудь расположиться и заснуть. Но если явится еще пассажиръ...

И онъ явился.

Это былъ маленькій, щупленькій человѣкъ. Съ наружностью—какъ будто онъ страдалъ болѣзнью или, скорѣе, порокомъ, тайнымъ, сквернымъ и неизлѣчимымъ.

Съ погасшими глазами, страдальческимъ, испитымъ лицомъ, нервный дрожащій, подергивающійся.

Я поднялся.

Онъ воскликнулъ испуганно:

— Не безпокойтесь! Не безпокойтесь! Я помѣщусь вотъ здѣсь! Вотъ здѣсь!

Откинулъ скамеечку и сѣлъ въ уголкѣ напротивъ меня.

— Вы не далеко ѣдете?—спросилъ я.

— Я ѣду до...

Онъ назвалъ станцію, куда поѣздъ приходитъ въ половинѣ седьмого утра.

— Но вамъ придется цѣлую ночь! Садитесь рядомъ со мной!

Онъ снова заговорилъ торопливо, испуганно:

— Лежите! Лежите! Не безпокойтесь. Я все равно не сплю.

Я улыбнулся.

— Никогда?

Онъ улыбнулся въ отвѣтъ улыбкой, полной грусти и страданья.

— Никогда!

— Виноватъ... Что жъ это? Болѣзнь?

Онъ вздохнулъ очень тяжело:

— Кажется, неизлѣчимая.

— Простите мое любопытство... Но мнѣ никогда не приходилось слышать... Давно вы страдаете?

— Я не сплю уже два года.

— Этого не можетъ быть!

Онъ пожалъ плечами.

— Я сплю, если это можно назвать сномъ, когда я истомленъ окончательно, я принимаю что-нибудь наркотическое. И лежу нѣсколько часовъ въ оцѣпенѣніи, съ головой, словно налитой свинцомъ. Какой-то полусонъ, полубодрствованіе. Такъ, вѣроятно, лежатъ въ летаргическомъ снѣ... Ахъ, если бы это когда-нибудь перешло въ летаргію и меня похоронили!

— Живымъ?

— Это лучше жизни! Задохнуться въ могилѣ, быть задушеннымъ гробомъ—это лучше, чѣмъ жить такъ, какъ я живу. Я иногда ночью мечтаю о томъ, что меня похоронили живымъ, въ летаргіи. Земля сыплется

на гробъ. Доски гроба трещать, ломаются, давятъ мнѣ на грудь, душатъ меня. Я задыхаюсь... Я мечтаю объ этомъ.

— Но что за причина такой странной болѣзни?

Онъ посмотрѣлъ на меня страдальческими глазами.

— Любопытство.

Затѣмъ онъ словно спохватился:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Объ этомъ не надо разсказывать... Вы... Я боюсь, что вы не захотите оставаться со мною въ купэ, уйдете... и мнѣ начнетъ представляться...

— Ради Бога... Что вы говорите? Что представляться?

— Не считайте меня сумасшедшимъ... Не уходите...

Онъ говорилъ съ ужасомъ.

— Не бойтесь оставаться со мной... Я не безумный... Я только не могу спать... Э! Зачѣмъ я проговорился!

— Но говорите до конца, и я даю слово, что ни въ коемъ случаѣ не уйду, кто бы вы ни были...

Я разсмѣялся.

— Хоть палачъ?

Онъ весь задрожалъ и посмотрѣлъ на меня съ ужасомъ.

— Что вы сказали?

— Я сказалъ... я сказалъ—„палачъ"...

— Нѣтъ! Я не палачъ!.. Я не палачъ!.. Я только любопытный...

Онъ сидѣлъ, весь съежившись, несчастный, пришибленный.

— Если вы требуете... если вы хотите... я скажу... Видите ли, два года тому назадъ со мной случилось несчастье: я пошелъ смотрѣть смертную казнь. За-

чѣмъ? Это всегда любопытно. Мы сидѣли въ ресторанѣ, въ Парижѣ, ужинали. Тутъ былъ одинъ журналистъ. Онъ сказалъ, что сегодня рано утромъ онъ идетъ на смертную казнь. Гильотинируютъ одного убійцу, зарѣзавшаго съ цѣлью грабежа. Я сказалъ: „Вотъ бы интересно посмотрѣть!“ Журналистъ предложилъ: „угодно?“ Я былъ радъ и воспользовался.

Онъ засмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— Мы шли быстро, боясь опоздать!.. Журналисту ужасно хотѣлось показать передъ постороннимъ, какой онъ вліятельный человѣкъ,—онъ поставилъ меня такъ близко къ гильотинѣ, что когда кровь, словно изъ спринцовокъ, брызнула двумя струями изъ перерѣзанныхъ сонныхъ артерій,—нѣсколько капель попало мнѣ въ лицо... и обожгли... такая кровь была горячая... мнѣ кажется, что она и сейчасъ еще жжетъ...

Онъ провелъ дрожащими пальцами по щекѣ.

— Вотъ здѣсь...

И онъ посмотрѣлъ на свои пальцы, словно желая убѣдиться, что на нихъ нѣтъ крови.

— Это было сѣрымъ, пасмурнымъ, мрачнымъ утромъ... Я стоялъ, волновался, ждалъ... И вдругъ ворота тюрьмы отворились... И я увидѣлъ, какъ сторожа и люди въ цилиндрахъ тащатъ дрожащаго, бьющагося, упирающагося человѣка, съ голой шеей... Онъ широко раскрытыми глазами глядѣлъ на гильотину... Ахъ, какой ужасъ былъ въ этомъ взглядѣ! Мы всѣ, здоровые, сильные, упитанные, убивали этого жалкаго, несчастнаго, дрожащаго человѣка. Тащили на убой. Я бы кинулся бѣжать,—если бы не стыдъ: „убѣжалъ!“ Его толкнули, онъ упалъ,—я видѣлъ какъ ножъ рѣзанулъ по шеѣ. Двѣ тонкія струи крови вы-

летѣли изъ перерѣзанной шеи,—и передъ моими глазами, въ корзинѣ съ опилками, нѣсколько разъ перекувырнулась голова. Ея глаза моргали. Я видѣлъ, я видѣлъ...

Онъ зажмурился, вытянулъ дрожащія руки, защищаясь отъ чего-то, и повторялъ:

— Я видѣлъ... я видѣлъ... Если вамъ скажутъ, что голова не живетъ нѣсколько моментовъ послѣ смерти, не вѣрьте, не вѣрьте... Этого не знаетъ никто!

И, немного успокоившись, онъ продолжалъ:

— Когда я пришелъ въ себя, я былъ на другомъ концѣ Парижа. Какъ я зашелъ туда,—не знаю. Вокругъ сновали люди,—и, вы знаете, я съ ужасомъ смотрѣлъ на нихъ. Когда ко мнѣ приближался человѣкъ, мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ его голова отлетитъ и покатится, моргая, крутясь въ крови... И что всѣ, всѣ головы сейчасъ полетятъ, закрутятся, заморгаютъ, покатятся мнѣ подъ ноги... Я смотрѣлъ на шеи мужчинъ, женщинъ, и мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ, сейчасъ ударитъ гильотина... Когда я легъ, передо мной была голова, моргавшая, въ крови... Это была моя первая безсонная ночь.

Онъ помолчалъ.

— Я думалъ, конечно, что это пройдетъ... Но день за днемъ, ночь за ночью это было все то же. Днемъ я не могъ видѣть человѣка, безъ того, чтобъ не представлять себѣ, какъ толкаютъ его шею въ отверстіе гильотины. Ночью я не видѣлъ ничего, кромѣ отрубленной головы, близко отъ моего лица,—отъ нея дышало мнѣ въ лицо теплотой крови. И она, часто-часто моргая, смотрѣла мнѣ прямо, прямо въ глаза... Я сказалъ себѣ: „Это оттого, что въ первый разъ“. Надо

увидѣть еще,—и впечатлѣніе ослабнетъ. Въ первый разъ мнѣ померещилось черезчуръ много ужаса, во второй это покажется проще“. Во Франціи...

Онъ снова улыбнулся горькой и страдальческой улыбкой.

— На мое несчастье, казни не было. Я прочелъ въ газетахъ, что предстоитъ въ Лондонѣ,—и поѣхалъ. Черезъ знакомыхъ я добился разрѣшенія присутствовать при казни въ качествѣ журналиста. Вы бывали въ Лондонѣ? Мнѣ часто приходилось бывать по дѣламъ. Я проходилъ мимо дверей Ньюгетской тюрмы,— не подозрѣвая даже, что это тюрьма. Господи! Да она такъ стиснута добрыми, честными, обыкновенными домами,—даже дворъ не отдѣляетъ ее отъ сосѣдей. Стѣна объ стѣну. Въ то время, когда въ этой комнатѣ вѣшаютъ, и человѣкъ корчится въ послѣднихъ мукахъ,— за стѣной, быть-можетъ, мать качаетъ ребенка. Кто жъ подумаетъ, что это тюрьма, устроенная спеціально для вѣшанья? Я проходилъ часто мимо этихъ дверей, ничего не подозрѣвая. Надъ ними торчитъ шестъ,—иногда пустой, иногда на немъ висѣлъ черный флагъ. Почемъ я зналъ, что это? У англичанъ такъ много странныхъ обычаевъ. Кто жъ могъ думать, что этотъ выкинутый черный флагъ означаетъ, что минуту тому назадъ за этими дверями повѣсили человѣка? Приговоренный входитъ въ эти двери и идетъ узенькимъ коридорчикомъ. Направо, налѣво по стѣнамъ квадраты съ номерами,—это задѣланы трупы его предшественниковъ. Крошечный дворикъ,—и нѣсколько дверей. Однажды, послѣ прогулки, его вводятъ не въ ту дверь, въ которую его вводили всегда въ его камеру. И тогда надъ главными дверями Ньюгетской тюрьмы появляется

черный флагъ. Нѣсколько чиновниковъ, докторъ, палачъ, я, пасторъ, смотритель тюрьмы,—мы забрались въ эту страшную комнату за полчаса.

Осужденный гулялъ на дворѣ. Мы сидѣли и молчали. Какъ вдругъ внизу хлопнула дверь, послышался топотъ шаговъ по лѣстницѣ. И меня охватилъ ужасъ, когда всѣ начали подниматься со стульевъ. Когда осужденнаго ввели, и онъ насъ увидалъ, онъ сталъ не блѣднымъ,—нѣтъ,—бѣлымъ. Какъ будто его ввели въ клѣтку къ дикимъ звѣрямъ. Мнѣ показалось, что я вижу, какъ зашевелились волосы у него на головѣ. Ни онъ ни я не слышали, что говорили эти люди. Какъ вдругъ это страшное лицо мелькнуло передо мной въ послѣдній разъ. На него накинули саванъ. Теперь это былъ не человѣкъ, а какой-то бѣлый мѣшокъ, который шевелился. Привидѣніе! Это привидѣніе отвели на нѣсколько шаговъ. Оно стояло, шаталось, шевелилось. Накинули веревку. Загремѣло. Западня упала. И привидѣніе, по колѣно провалившись подъ полъ, быстро-быстро завертѣлось, закрутилось. Онъ трепыхалъ руками, словно стараясь поднять ихъ къ шеѣ и сорвать петлю. Видно было, какъ онъ часто-часто перебираетъ ногами, весь дергается. Пока, наконецъ, не повисъ, вытянувшись, дрогнувъ нѣсколько разъ. И все еще крутясь. Крутился въ одну сторону, тише, тише,—на секунду останавливался и начиналъ крутиться въ другую, сначала медленно, потомъ все быстрѣе, быстрѣе, потомъ опять стихая, стихая,—до полной остановки. Съ каждымъ разомъ онъ дѣлалъ все меньше и меньше поворотовъ, словно успокоивался. Наконецъ веревка перестала крутиться, и покойникъ въ длинномъ бѣломъ саванѣ повисъ почти непо-

движно, дѣлая медленные повороты то въ ту, то въ другую сторону, словно желая насъ оглядѣть всѣхъ еще разъ. Оглядѣть теперь спокойно тѣхъ, на кого онъ нѣсколько минутъ тому назадъ смотрѣлъ съ ужасомъ, какъ на звѣрей, которые вотъ кинутся и растерзаютъ... Съ этой минуты я не могу оставаться одинъ. Мнѣ кажется, что передо мной виситъ длинный бѣлый мѣшокъ и медленно поворачивается въ мою сторону... Я не могу видѣть, когда человѣкъ двигаетъ руками,—мнѣ кажется, что это онъ хочетъ сорвать петлю со своей шеи... Это ужасно. Страшнѣе этого только гаротта...

— Вы видѣли и гаротту?

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, и отвѣчалъ тономъ человѣка, который признается въ преступленіи.

— Я видѣлъ все. Безсонница меня измучила. Я рѣшилъ: „надо привыкнуть. Нѣтъ ничего, къ чему бы человѣкъ не привыкъ! Надо видѣть десять разъ, сто, тысячу,—чтобы привыкнуть, привыкнуть,—и я буду спать!“ Я видѣлъ все... Я ѣздилъ въ Америку смотрѣть, какъ казнятъ электричествомъ. Говорятъ, что человѣкъ умираетъ сразу. Можетъ-быть, можетъ-быть... Навѣрное... Можетъ-быть... Но это страшно, когда человѣкъ четверть часа, сидя въ креслѣ, стучитъ зубами, корчится въ судорогахъ, синѣетъ, чернѣетъ на вашихъ глазахъ. Мертвый? Можетъ-быть... Навѣрное... Можетъ-быть... Но онъ бьется какъ живой... И вамъ все время кажется, что онъ живъ, мучится, борется, старается вырваться изъ ремней, которыми пристегнутъ къ креслу, старается сбросить съ головы страшную мѣдную каску. Вамъ кажется, что его сжигаютъ передъ вами живымъ. И что живой, двигающійся человѣкъ

обугливается на вашихъ глазахъ... Нѣтъ, изъ Америки я вернулся еще въ большемъ ужасѣ. И вся моя надежда, вся была на то, что я привыкну. Привыкну, наконецъ! Я почти на колѣняхъ стоялъ, умоляя офицера въ Алжирѣ, умоляя хоть изъ-за дерева, спрятавшись, посмотрѣть, какъ будутъ разстрѣливать солдата. Я слышу этотъ трескъ, вижу, какъ вдругъ пошла вся красными пятнами бѣлая рубаха, передо мной, вотъ здѣсь, на полу, вездѣ, всегда лежитъ залитый кровью человѣкъ, дергаясь, трепеща кистями рукъ, шевеля ступнями... Я не видѣлъ лицъ тѣхъ, которые убили. Они были закутаны дымомъ. Но солдаты затѣмъ проходили передъ трупомъ, беря на караулъ передъ смертью. Шли стройно, ровно, спокойно, какъ всегда. Только глаза! Одни смотрѣли въ другую сторону, другіе зажмуривались, проходя мимо, блѣдные, готовые, кажется, упасть, третьи въ ужасѣ смотрѣли на трупъ, какъ смотритъ человѣкъ въ пропасть, отъ которой не въ силахъ оторвать глазъ... Но страшнѣе всего все-таки гаротта. Я видѣлъ въ Испаніи. Вы знаете, что такое гаротта? Металлическій обручъ, привинченный къ столбу. Палачъ закручиваетъ винтъ,— и съ каждымъ поворотомъ обручъ все туже притискиваетъ шею къ столбу,—давитъ все сильнѣе. Глаза вылѣзаютъ изъ орбитъ. Длинный - длинный языкъ лѣзетъ изо рта. Словно съ каждымъ поворотомъ все выдавливаютъ изъ человѣка. Трепещущія руки вытягиваются, корчащіяся ноги становятся необычайно длинными. Словно все это вылѣзаетъ изъ туловища. И когда я вижу человѣка, я представляю себѣ: этого, какъ летитъ его голова, этого съ высунутымъ чернымъ языкомъ и вылѣзшими изъ орбитъ глазами, того, какъ

онъ перебираетъ ногами и крутится на веревкѣ, того, какъ онъ щелкаетъ зубами и чернѣетъ, стараясь сбросить съ головы мѣдную каску, которая его давитъ, того, какъ онъ лежитъ на землѣ и дергается, залитый кровью. Люди для меня—страшные призраки. Я вижу ихъ всѣхъ-всѣхъ казненными. А ночью меня окружаютъ всѣ обезображенные трупы, которые я видѣлъ, обезображенные, оскверненные казнью! И я боюсь, боюсь сойти съ ума. Если эти образы останутся въ моемъ мозгу и въ больномъ воображеніи примутъ еще болѣе реальную форму?! И жить съ ними, съ ними, ихъ чувствовать, видѣть, осязать ихъ холодъ и липкую густую влагу крови. Нѣтъ! Мнѣ страшно, мнѣ страшно сойти съ ума. Лучше пусть меня похоронятъ живымъ, и меня задушитъ крышка гроба, треснувшая, сломанная надавившей землей. Это вѣдь будетъ длиться только нѣсколько минутъ... Скажите, какъ можетъ спать палачъ! Его совѣсть спокойна,—какъ совѣсть тюремщика, какъ совѣсть судьи. Слѣдователь, прокуроръ, судья, тюремщикъ, палачъ—все это звенья одной и той же цѣпи, которая называется правосудіемъ. И палачъ можетъ спать, совѣсть не подпуститъ къ нему ни одного призрака. Онъ исполнилъ велѣніе закона, онъ совершилъ актъ правосудія. Какъ задушить совѣсть? И за что она меня мучитъ? За то, что я смотрѣлъ, какъ убиваютъ, изъ любопытства. Если это будетъ моею обязанностью? Если я буду исполнять свой долгъ? Палачи спятъ. Я буду, буду тогда спать. И, узнавъ, что въ Англію требуется палачъ, я подалъ заявленіе, что хочу занять эту должность.

— Вамъ не удалось?

Онъ покачалъ головой.

— Въ наше время борьба за существованіе такъ сильна. Оказалось, что раньше меня ужъ записалось три кандидата. Одинъ врачъ, хирургъ безъ практики. У него большая семья. Одинъ поэтъ-декадентъ, ищущій сверхъ-человѣческихъ ощущеній. И журналистъ. По порученію редакціи, онъ леталъ на воздушномъ шарѣ, взвелъ на себя небывалое преступленіе и пробылъ два года на каторгѣ, теперь ищетъ мѣста палача, чтобы снова описать читателямъ свои впечатлѣнія. Конкуренція между газетами велика, какъ и вездѣ.

— И вы?

— Мнѣ остается одно: смотрѣть, смотрѣть и ждать, когда же,—на сотомъ, на двухсотомъ трупѣ,—я привыкну. Я ищу свой сонъ. Я мечусь по всѣмъ странамъ. Съ эшафота на эшафотъ. Гдѣ я,—тамъ, значитъ, предстоитъ казнь.

— Вы ѣдете въ...

— Поѣздъ приходитъ туда въ половинѣ седьмого, а гильотинированье назначено въ семь. Я боюсь, чтобы поѣздъ не опоздалъ. Казни теперь все рѣже и рѣже...

Онъ умолкъ и сидѣлъ въ углу, тщедушный, жалкій,—словно огромная, голодная хищная птица, ожидающая падали.

Стукъ колесъ и покачиваніе поѣзда усыпили меня.

Когда я проснулся, поѣздъ стоялъ въ...

Это крошечная станційка въ полуверстѣ отъ города. Вставало сѣрое, пасмурное утро.

За низенькой изгородью изъ кустарника, въ двухъ шагахъ отъ поѣзда, мой спутникъ нанималъ таратайку, съ отчаяніемъ жестикулируя и что-то объясняя извозчику.

Поѣздъ тронулся.

Я видѣлъ, какъ мой ночной спутникъ вскочилъ въ таратайку, и какъ она, поднимая облака пыли, вскачь поскакала по направленію къ маленькому городку.

И среди этой пыли чернѣла сгорбившаяся спина человѣка, боявшагося опоздать на казнь.

Словно онъ сгорбился, чтобы удобнѣе все время смотрѣть на часы.

И при мысли о томъ, что гдѣ-то тамъ, какому-то неизвѣстному мнѣ человѣку съ каждой секундой все меньше остается жить,—мнѣ стало страшно одному въ купэ.

Я вынулъ часы и съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ стрѣлка приближалась, приближалась, приближалась къ семи.

Какъ быстро она шла.

И мнѣ хотѣлось крикнуть ей:

— Стой!

И я чувствовалъ безпомощность, страшную безпомощность, которая меня разбивала.

СЛУЧАЙ.

Случай.

Я проснулся въ ужасѣ.

Въ безотчетномъ ужасѣ, который иногда почему-то охватываетъ васъ ночью, и вы, какъ ребенокъ, дрожите въ темнотѣ.

Мнѣ снился сонъ.

Женщина переходила черезъ улицу. Какъ вдругъ камни мостовой провалились подъ ея ногами, и земля быстро начала засасывать женщину.

Женщина страшно крикнула. Разъ, два...

И я въ ужасѣ проснулся.

Что это? Слышалъ я во снѣ или, дѣйствительно, меня разбудилъ женскій крикъ?

Я вскочилъ, отперъ дверь и выглянулъ въ освѣщенный коридоръ.

Черезъ номеръ отъ меня дверь тоже отворилась, и выглянулъ жилецъ, въ одномъ бѣльѣ, съ перепуганнымъ лицомъ.

Значитъ, мнѣ не приснилось! Онъ тоже слышалъ! Кругомъ было тихо.

Мы на цыпочкахъ подошли къ двери средняго номера и, затаивъ дыханіе, прислушались.

Изъ номера послышался поцѣлуй. Звонкій, вкусный.

Мы оба плюнули.

Разсмѣялись безъ звука, кивкомъ головы пожелали другъ другу покойной ночи и тихонько, на цыпочкахъ, разошлись, улыбаясь и покачивая головой, по своимъ комнатамъ.

Но мнѣ не спалось.

Какая безпокойная ночь!

Когда я засыпалъ, мнѣ показалось, что кто-то пробуетъ отворить дверь.

И вотъ теперь...

Я чиркнулъ спичкой и закурилъ папиросу.

Словно въ отвѣтъ на шумъ, за стѣной опять раздался поцѣлуй. Еще и еще.

Безъ конца!

Въ нихъ слышались то страсть и зной, то тихо звучала нѣжность, то говорила благодарность.

Это меня забавляло. Мнѣ хотѣлось бы смѣяться.

Но странно!

Что-то гнетущее было разлито въ воздухѣ. Темнота словно была наполнена тяжелыми предчувствіями.

За стѣной раздался разговоръ.

Собственно, не разговоръ. Говорилъ только мужчина. Женскаго голоса я не слышалъ.

Мужской голосъ говорилъ:

— Да говори громче! Я ничего не слышу!

И послѣ паузы:

— Увѣряю тебя, они ничего не слышатъ. Они спятъ.

Опять поцѣлуй.

Затѣмъ — шаги.

— А? Что? Достать тебѣ платокъ? Сейчасъ поищу. Гдѣ онъ? Здѣсь? Здѣсь нѣтъ. Въ этомъ чемоданѣ?

Замки щелкали. Слышалось шуршанье.

— И здѣсь нѣтъ. Въ этомъ?.. И здѣсь нѣтъ. Но гдѣ же? Гдѣ же? Гдѣ же?

Въ голосѣ слышалось сильное раздраженіе.

— Въ большомъ сундукѣ? Но гдѣ же ключи?.. Ахъ, Боже мой,—ну, гдѣ же ключи?.. Ты хочешь, чтобъ я сломалъ замокъ?

Маленькая пауза.

— Изволь. Если ты такъ хочешь.

Раздался легкій трескъ, стукъ ящиковъ, которые спѣшно вынимали, шуршанье, — словно все выкидывали на полъ. Потомъ радостный возгласъ, почти крикъ:

— А! Вотъ!

Опять поцѣлуй.

И все затихло.

Тишина стала еще болѣе гнетущей.

Не знаю почему, но я былъ такъ взволнованъ, что слышалъ удары своего пульса.

Мужской голосъ заговорилъ снова.

— Воды? — спросилъ онъ. — Сейчасъ я тебѣ дамъ воды... Представь, моя крошка,—въ графинѣ ни капли. Дура горничная позабыла налить! Прислуга въ этихъ отеляхъ!.. Что? Очень хочется пить? Хорошо! Я схожу поищу, гдѣ у нихъ тутъ вода...

Хлопнула дверь.

Не знаю почему, движимый какимъ-то смѣшнымъ, дѣтскимъ любопытствомъ, я вскочилъ, тихонько пріотворилъ чуть-чуть свою дверь и въ щелочку выглянулъ въ коридоръ.

Я видѣлъ только вслѣдъ быстро удалявшагося мужчину въ шляпѣ, сдвинутой на лобъ, съ подня-

тымъ воротникомъ пальто, сгорбившагося, съежившагося.

Видно, его пробиралъ предутренній холодъ.

И затѣмъ все снова стало тихо.

Прошло десять минутъ, прошло двадцать. Мужчина съ водой не возвращался.

Въ сосѣднемъ номерѣ было тихо-тихо.

Прошло полчаса. Три четверти.

Я лежалъ на кровати, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Страхъ росъ, росъ во мнѣ.

Кругомъ ни звука. Словно всѣ въ этомъ домѣ умерли.

Страхъ мало-по-малу переходилъ въ ужасъ. Меня колотила лихорадка. Зубы стучали.

Мнѣ хотѣлось крикнуть дикимъ голосомъ, выбѣжать въ коридоръ, созвать прислугу, разбудить жильцовъ.

Зачѣмъ?

Что я имъ скажу?

Что какой - то господинъ долго ходитъ за водой? Что я боюсь одинъ въ комнатѣ?

Боязнь показаться смѣшнымъ, показаться глупымъ показаться сумасшедшимъ удерживала меня, и я лежалъ, словно прибитый гвоздями къ постели, прикованный ужасомъ,—не смѣя пошевелиться.

А время тянулось медленно-медленно.

И мужчина не возвращался.

И все было тихо въ этомъ словно вымершемъ домѣ.

Засѣрѣлъ разсвѣтъ.

Свѣтъ какой-то сѣрый и мрачный, и грязный, ползъ въ окна и наполнялъ комнату.

А онъ все не возвращался.

И кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ.

„Скорѣй бы день! Скорѣй бы день!“ съ тоской думалъ я, чувствуя, что мой ужасъ все растетъ и растетъ.

Первый звукъ, раздавшійся въ домѣ,—гдѣ-то хлопнули дверью,—оживилъ меня.

Я вскочилъ, какъ безумный, и позвонилъ долго, настойчиво, тревожно.

Нѣсколько минутъ молчанія, и раздалось шлепанье туфель.

Я слышалъ, какъ коридорный щелкнулъ номераторомъ электрическаго звонка, какъ что-то пробормоталъ, зѣвнулъ и медленно, нехотя шелъ къ моей двери.

Вотъ когда секунды казались вѣчностью. Скоро ли онъ дойдетъ?

И едва дверь отворилась, я встрѣтилъ его лицомъ къ лицу въ дверяхъ, такъ что онъ даже пошатнулся.

— Что угодно, monsieur?

— Кто живетъ въ сосѣднемъ номерѣ? Вотъ здѣсь!

Заспанный лакей посмотрѣлъ на меня удивленно и злобно.

— Какая-то англичанка. Пріѣхала вчера. Что угодно, monsieur?

— Она замужемъ? Скажите, она замужемъ?

Лакей смотрѣлъ на меня все изумленнѣе и изумленнѣе.

— Почемъ же мнѣ знать, monsieur? Monsieur задаетъ такіе странные вопросы! Въ шестомъ часу утра! Изволите безпокоить...

— Я васъ спрашиваю!..

— Пріѣхала одна!

— У нея былъ сегодня ночью мужчина!

Лакей посмотрѣлъ на меня, какъ на сумасшедшаго, пожалъ плечами и повернулся:

— У нея? Старуха, лѣтъ семидесяти!

— Въ такомъ случаѣ...

Я схватилъ его за рукавъ.

— Въ такомъ случаѣ, сейчасъ же войдите въ этотъ номеръ!.. Тамъ что-то странное... Я не знаю... Тамъ что-то произошло...

У меня зубъ не попадалъ на зубъ.

Лакей старался освободить свою руку. Онъ былъ окончательно золъ.

— Но какъ я смѣю, monsieur? Итти къ дамѣ, когда она спитъ!

Но я не отпускалъ его. Я наступалъ:

Идите... Я отвѣчаю... Я вамъ говорю, тамъ... тамъ что-то странное.

Моя тревога мало-по-малу передавалась и ему. Но онъ все еще пожималъ плечами.

— Какъ я могу?.. Какой вы странный, monsieur... Да и дверь, вѣроятно...

Онъ тронулъ дверь. Она отворилась.

Лакей нѣсколько моментовъ въ сомнѣніи постоялъ на порогѣ. Потомъ тихонько вошелъ.

Прошла секунда, другая — и изъ номера раздался крикъ, полный ужаса.

— Ай!

Лакей вылетѣлъ въ коридоръ, трясущійся, блѣдный, какъ полотно, съ искаженнымъ лицомъ.

— Тамъ... Она... Ай!.. Полицію... Управляющаго...

Онъ кинулся за управляющимъ.

Словно какая-то неудержимая сила меня тянула Я пошелъ въ номеръ. Полъ былъ заваленъ раскры-

тыми чемоданами, выброшенными вещами. Я споткнулся обо что-то, падая, схватился за кровать и очутился лицомъ къ лицу...

Я закричалъ дикимъ голосомъ, зашатался, меня словно выбросили изъ комнаты.

На кровати лежала желтая, словно восковая, фигура съ широко раскрытыми стеклянными глазами,—старуха съ перерѣзаннымъ горломъ.

Кровь темнымъ,—мнѣ показалось, чернымъ,—пятномъ покрывала край простыни.

Лужа крови чернѣла на коврѣ около кровати.

Двери хлопали.

Разбуженные моимъ крикомъ, неодѣтые жильцы съ испуганными лицами выглядывали изъ дверей.

— Что случилось?.. Что случилось?..

Я очнулся,—меня трясъ за руку сосѣдъ, съ которымъ мы ночью подслушивали и смѣялись около двери.

Онъ тоже заглянулъ въ номеръ старухи и тоже вылетѣлъ оттуда въ ужасѣ.

Онъ трясъ меня за рукавъ, широко, въ ужасѣ, безсмысленно раскрывъ глаза, и, не попадая зубъ на зубъ, повторялъ:

— Я тоже не спалъ всю ночь... Я тоже не спалъ всю ночь...

Сбѣжалась вся гостиница.

Явилась полиція.

Швейцаръ слышалъ только, что ночью кто-то постучалъ къ нему въ дверь. Онъ, какъ всегда, дернулъ за цѣпочку, отворилъ входную дверь. Стучавшій вышелъ, и дверь за нимъ захлопнулась.

На тротуарѣ, въ двухъ шагахъ отъ гостиницы, нашли платокъ, о который вытирали окровавленныя руки.

Вотъ и все.

Гостиница расположена на углу площади. Отъ площади по всѣмъ направленіямъ разбѣгается десятокъ улицъ. Дальше каждая изъ нихъ дѣлится на двѣ, на три. Тѣ дѣлятся опять, скрещиваются, перекрещиваются.

И въ этомъ лабиринтѣ убійца исчезъ безслѣдно, навсегда.

Разумѣется, обыкновенный грабитель, забравшійся съ вечера въ гостиницу, гдѣ-нибудь притаившійся до ночи, а затѣмъ вошедшій въ тотъ номеръ, который позабыли запереть.

И управляющій, блѣдный, растерянный, говорилъ съ укоромъ намъ всѣмъ, — словно мы были виноваты въ случившемся съ нимъ несчастіи:

— Ахъ, господа, всегда надо запирать двери! Какъ вы такъ, право!..

И жильцы стояли подавленные, словно, дѣйствительно, въ чемъ-то виноватые.

Больше всѣхъ былъ подавленъ, больше всѣхъ былъ растерянъ сосѣдъ, съ которымъ мы ночью смѣялись у двери, гдѣ въ это время совершалось преступленіе.

— Но позвольте! Какъ же такъ? — бормоталъ онъ.— Я самъ... понимаете, самъ!.. Я слышалъ поцѣлуй! Ясно слышалъ поцѣлуй! Поцѣлуй!

— Какъ будто нельзя цѣловать собственную руку!— вскользь замѣтилъ одинъ изъ лакеевъ, взглянувъ на него искоса, пожимая плечами, полный презрѣнія къ человѣческой недогадливости.

— Вы бы легли, monsieur! На васъ лица нѣтъ! — замѣтилъ мнѣ кто-то.

— А мнѣ представлялось то, какъ убійца быстро уходитъ по коридору, поднявъ воротникъ, нахлобучивъ шляпу, сгорбившись, съежившись, словно дрожа отъ холода, то, какъ онъ, стоя около трупа, цѣлуетъ себѣ руку, чтобъ обмануть проснувшихся сосѣдей.

Онъ давалъ концертъ на поцѣлуяхъ.

Настоящій концертъ.

Придавая имъ всѣ оттѣнки, — отъ безумной страсти до тихой нѣжности.

Заставляя ихъ звучать то громко, то тихимъ шопотомъ любви, обожанія, то благодарностью за счастье.

А въ это время около лилась кровь изъ перерѣзаннаго горла, промачивала матрацъ, струйкой стекала и крупными тяжелыми каплями падала въ темную лужу на коврѣ.

А онъ давалъ свой концертъ.

И этотъ концертъ давался для меня.

Желѣзнодорожная семья.

Желѣзнодорожная семья.

Желѣзнодорожная семья.

— Слышали? Жанна выходитъ за старшаго Жако!

— Да неужели?!

— Увѣряю васъ.

— Вотъ ей счастье!

— Незаконнорожденнымъ всегда счастье!

— Ну, положимъ, счастье не особенно велико!

Такъ говорили немногіе, по большей части легкомысленная молодежь.

Но ихъ строго останавливали старшіе:

— Для бѣдной дѣвушки, какъ она, конечно, счастье! Семья Жако...

— А, извѣстные желѣзнодорожники! — съ уваженіемъ говорили окрестные крестьяне.

Жако—самая зажиточная семья въ округѣ. У нихъ великолѣпный домъ около самаго полотна желѣзной дороги.

Желѣзнодорожная компанія предлагала имъ переѣхать подальше и даже согласна была купить для нихъ небольшую ферму.

Но глава семьи, Жако, съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— У всякой семьи есть свои преданія! Мы остаемся здѣсь, гдѣ жилъ нашъ отецъ. Здѣсь умеръ онъ,— здѣсь покоятся части нашихъ тѣлъ!

У Жако десятокъ лошадей, молочная ферма, 200 овецъ, цѣлое стадо свиней. Они выкармливаютъ для продажи пулярокъ. У нихъ хорошій виноградникъ, Жако даютъ деньги взаймы и берутъ хорошіе проценты.

— Семья, какихъ мало!—говоритъ самъ префектъ.— Жако знаютъ всё.

Семья Жако состоитъ изъ пяти человѣкъ: старикъ Жако, супруга Жако и трое сыновей. У нихъ у всѣхъ пять ногъ и пять рукъ.

— О, Жако тонко знаютъ свои дѣла! — говорятъ про нихъ съ завистью крестьяне.

— Они идутъ прямымъ путемъ къ богатству!

— Вы увидите, что ихъ внуки будутъ ходить на двухъ ногахъ и ѣсть обѣими руками.

Начало благосостоянію семьи Жако положилъ отецъ стариковъ, Франсуа.

Портретъ этого „истиннаго родоначальника фамиліи“ красуется въ парадной комнатѣ дома Жако. Его писалъ одинъ художникъ изъ Парижа, высаженный за неимѣніе билета на ближайшей станціи и никогда не видавшій покойника. На портретѣ изображенъ Макъ-Магонъ съ благороднѣйшимъ выраженіемъ лица. Этимъ портретомъ очень гордятся.

— Таковъ былъ папаша.

— Жизнь его являетъ очень поучительный примѣръ!—говоритъ старикъ Жако.

Онъ былъ страшнѣйшимъ пьяницей.

— Онъ не только не увеличилъ того, что ему досталось, но истратилъ и то, что было! — съ грустью вспоминаютъ про „родоначальника фамиліи“.

Въ пьянствѣ онъ не зналъ границъ и мѣры.

Такого пьяницы еще не бывало!

— Онъ продалъ за пятьдесятъ франковъ корову, стоившую двѣсти!—со слезами вспоминаетъ старуха Жако.

— Да! И пропилъ эти деньги! — подтверждаетъ старикъ Жако, разсказывая поучительную исторію своего отца.— За пятьдесятъ франковъ корову, которая стоила по меньшей мѣрѣ, — по меньшей мѣрѣ двѣсти!

Сорокъ два года семья не можетъ забыть о коровѣ. Память о ней живетъ въ третьемъ поколѣніи.

— Но, — тутъ голосъ старика Жако звучитъ торжественно, — своей смертью онъ искупилъ все! Онъ жилъ, какъ великій грѣшникъ, и умеръ, какъ дай Богъ умереть всякому христіанину! Осчастлививъ своихъ дѣтей!

Однажды старикъ Франсуа, по обыкновенію пьяный какъ стелька, переходилъ черезъ рельсы, какъ вдругъ изъ-за крутого поворота вылетѣлъ курьерскій поѣздъ, шедшій изъ Ліона.

Свистъ, отчаянный крикъ,—и на полотнѣ, когда пронесся поѣздъ, лежали двѣ половинки старика Франсуа.

— Онъ былъ разрѣзанъ изумительно! Вдоль и пополамъ! Хоть на вѣсахъ свѣшайте! Двѣ совершенно равныя половинки! Какъ апельсинъ! Даже голова разрѣзана пополамъ! Въ этомъ нельзя было не видѣть знаменія!

За задавленнаго старика желѣзнодорожная компанія должна была заплатить десять тысячъ франковъ.

И старикъ Жако — тогда еще молодой человѣкъ — сказалъ своей женѣ:

— Старуха, надо быть невѣрующимъ, чтобъ не видѣть въ этомъ особаго указанія! Старуха, ты видишь перстъ?

Старуха Жако — тогда еще молодая женщина — затряслась отъ благоговѣнія и прошептала:

— Вижу!

— Старуха, такія чудеса встрѣчаются только въ описаніяхъ жизни святыхъ. Всю жизнь человѣкъ жилъ великимъ грѣшникомъ, а умеръ праведникомъ! десять тысячъ франковъ! Старуха, намъ указанъ путь къ благосостоянію нашей семьи.

И черезъ недѣлю изъ-подъ колесъ вечерняго курьерскаго поѣзда раздался страшный вопль.

Madame Жако кувыркалась въ крови безъ лѣвой ноги.

„Случившійся“ неподалеку Жако бросился въ деревню за фельдшеромъ, тотъ сдѣлалъ перевязку.

И желѣзнодорожная компанія безъ особыхъ споровъ заплатила Жако за отрѣзанную ногу восемь тысячъ франковъ.

— Мы заплатили бы больше, но вѣдь, согласитесь, съ потерей одной, — всего одной ноги, — madame не потеряла полной способности къ труду!

Лѣвая нога madame Жако была погребена въ саду.

Черезъ четыре мѣсяца madame Жако выздоровѣла и очень быстро ходила на деревяжкѣ.

А черезъ четыре мѣсяца и пять дней послѣ несчастнаго случая съ madame Жако по проходѣ вечерняго курьерскаго поѣзда на полотнѣ валялся въ крови, безъ правой ноги, monsieur Жако, крича и проклиная желѣзную дорогу:

— Которая только и дѣлаетъ, что давитъ людей, не давая даже предупредительныхъ свистковъ, что совсѣмъ не по правиламъ!

„Случившаяся“ точно такъ же поблизости madame Жако сбѣгала за фельдшеромъ. Фельдшеръ сдѣлалъ перевязку.

Желѣзнодорожная компанія заплатила на этотъ разъ двѣнадцать тысячъ франковъ. И такимъ образомъ установилась такса.

Нога — восемь тысячъ франковъ.

Рука — двѣнадцать тысячъ.

Правую руку monsieur Жако положили подъ тѣмъ же вишневымъ деревомъ, рядомъ съ лѣвой ногой madame Жако.

А черезъ шесть мѣсяцевъ въ землю пошла и правая рука madame.

Жако сказалъ садовнику, которымъ онъ уже успѣлъ обзавестись:

— Вотъ по этой линіи отъ этого дерева вы ничего не садите, кромѣ цвѣтовъ. Никакихъ деревьевъ, никакихъ кустовъ. Это мѣсто намъ понадобится!

Дѣти Жако подрастали, и когда достигали совершеннолѣтія, „части ихъ тѣлъ“, какъ называлъ Жако, укладывались на лужайкѣ.

Часто старики Жако, ковыляя вечеромъ въ саду на костыляхъ, заводили споръ по поводу маленькихъ холмиковъ, покрытыхъ цвѣтами.

— Здѣсь лежитъ лѣвая нога Жака!

— Ну, вотъ еще! Тутъ правая нога Пьера. Жакова нога дальше! Жакова нога была ужъ позднѣе даже Жозефовой руки!

— Ты правъ! А вотъ тутъ моя рука! Но гдѣ же Пьеровы пальцы?

Пальцы — это было уже усовершенствованіе въ дѣлѣ, выдуманное старикомъ Жако.

На первый разъ Пьеру удалось удивительно ловко выскочить изъ-подъ поѣзда. Ему отрѣзало только три пальца на правой рукѣ.

Только шесть мѣсяцевъ спустя онъ попалъ такъ несчастно, что ему ужъ совсѣмъ отрѣзало начисто руку.

Желѣзнодорожная компанія сначала заплатила три тысячи франковъ „за частичное лишеніе способности къ труду", а потомъ уже двѣнадцать тысячъ за полное лишеніе правой руки.

Такимъ образомъ рука принесла пятнадцать тысячъ франковъ.

Но, къ сожалѣнію, Пьеръ былъ младшимъ сыномъ, и удачная мысль пришла въ голову слишкомъ поздно.

Въ общемъ, практикой была выработана такая система.

Жако „рѣзались" накрестъ: правая рука и лѣвая нога.

— Это необходимо для правильной циркуляціи крови,—объяснялъ старикъ Жако,—этимъ избѣгается односторонность!

И добрый деревенскій врачъ поддакивалъ:

— Совершенно вѣрно! Конечно, съ медицинской точки зрѣнія это все-таки лучше!

Жако отлично знали, и когда онъ являлся въ желѣзнодорожную компанію за вознагражденіемъ за увѣчье, тамъ посмѣивались:

— Ну, monsieur Жако, не найдется ли у васъ еще лишней ноги?

На что Жако отвѣчалъ строго:

— Надъ чужими несчастіями, сударь, не смѣются. Это запрещаетъ Господь.

Итакъ, въ деревнѣ прошелъ слухъ, что Жанна, безприданница Жанна, незаконнорожденная Жанна выходитъ за Жозефа, старшаго сына Жако.

Жанна была красивая и здоровая дѣвушка,--кровь съ молокомъ.

— Главное, что здоровая! — съ любовью говорила о ней старуха. — Для насъ это самое важное!

Замужество Жанны вызвало массу толковъ.

— За самаго богатаго жениха въ селѣ! Везетъ этимъ незаконнорожденнымъ.

— Ну, не велико счастіе! — фыркала молодежь.

Но Анатоль Жофруа, служившій въ солдатахъ и имѣющій даже политическія убѣжденія, остановилъ недовольныхъ:

— Желѣзная дорога и все прочее есть не что иное, какъ цивилизація. Цивилизація существуетъ для блага общаго. Должны же, чортъ возьми, и мы пользоваться какими-нибудь благами отъ цивилизаціи! Буржуа летитъ въ курьерскомъ поѣздѣ! Должно же что-нибудь перепасть и на долю бѣдняка, домъ котораго осыпаютъ искрами и обдаютъ дымомъ. Вѣдь не для однихъ же богатыхъ, чортъ побери, существуютъ желѣзныя дороги! Надо и бѣдняку пріобщить себя къ благамъ цивилизаціи!

Послѣ этого всякіе разговоры стихли.

— Жофруа правъ! Это человѣкъ съ политическими взглядами!

Свадьбу справили сейчасъ же послѣ Рождества. И справили съ пышностью.

Вся семья Жако, разодѣтая по-праздничному, ковыляла на деревяжкахъ, и только одна Жанна шла двумя ногами и утирала слезы двумя руками.

По окончаніи вѣнчанія кюре обратился къ Жаннѣ съ проповѣдью на тему „довольствуйтесь малымъ“.

— Жанна, — сказалъ онъ, — вы бѣдная дѣвушка, и Небу угодно было взыскать васъ за вашу бѣдность и за вашу чистоту, невзирая даже на ваше грѣшное

происхожденіе. Вы зачаты вѣдь въ грѣхѣ, Жанна! Но Небу угодно было не обратить вниманія на это. Вы входите, Жанна, въ самую почтенную и самую состоятельную семью нашего прихода. Постарайтесь быть достойной ея, Жанна. Вы будете жить въ богатствѣ, но никогда не забывайте правила: довольствуйтесь малымъ. Блестящій примѣръ этого вы видите въ той семьѣ, въ которую вы нынѣ вступаете, Жанна. Вся семья Жако всегда въ скромности своей довольствовалась меньшимъ, чѣмъ довольствуемся мы, прочіе грѣшные люди. Они довольствуются всего одной ногой и всего одной рукой! Вотъ примѣръ довольства малымъ! И Небо невидимо награждаетъ ихъ. Посмотрите на ихъ виноградники, на ихъ сады, на ихъ стада—и умилитесь! Такъ награждается, дѣти мои, скромность, такъ награждается довольство малымъ!

Глубоко тронутый, старикъ Жако даже прослезился, слушая проповѣдь, и по окончаніи подковылялъ къ кюре на своей деревяжкѣ:

— Вы отлично говорили! Даже меня прошибла слеза, а я видалъ виды,—согласитесь! Вотъ вамъ, кромѣ условленнаго за вѣнчаніе, еще сто франковъ. Украшайте церковь. Благодарю васъ за то, что вы внушаете добрыя мысли молодежи!

Свадебный столъ отличался изобиліемъ, и когда молодая взялась за ложку, старикъ Жако всталъ и торжественнымъ голосомъ, при общихъ одобреніяхъ, сказалъ:

— Эге! Возьми-ка ложку въ лѣвую руку, моя милая Жанна! Въ лѣвую! Семья крѣпка преданіями! А въ семьѣ, куда ты входишь, дитя мое, всѣ ѣдятъ лѣвой рукой — за неимѣніемъ правой!

Гости закричали „ура", а старуха Жако со слезами обняла Жанну и, прижимая ее лѣвой рукой къ сердцу, сказала:

— Привыкай ѣсть лѣвой рукой, дитя мое! Это твой первый опытъ!

У Жанны, похолодѣло сердце.

Жаннѣ жилось великолѣпно.

Она отлично ѣла, прекрасно работала, и единственное—что на нее покрикивали:

— Жанна, не работай правой рукой! Правая тебѣ ни къ чему! Пріучайся все дѣлать лѣвой!

И на нее смотрѣли съ любовью.

— Ты бы подвязала Жаннѣ правую руку, — говорилъ женѣ старикъ Жако, — скоро время.

Старуха Жако ласково прибинтовывала Жаннѣ правую руку:

— Зачѣмъ тебѣ она? Ты посмотри, какъ безъ нея удобно! Легко! Ничего лишняго! Дай я тебѣ подвяжу, чтобъ эта дрянь не болталась!

И она цѣловала Жанну.

— Готовься, готовься, дитя мое! Ты скоро принесешь приданое своему мужу! двѣнадцать тысячъ франковъ!

Жанна вздыхала:

— Маменька, разбинтуйте! Я чувствую какую-то неловкость въ правой рукѣ. Разбинтуйте!

И вся семья съ радостью восклицала:

— Не долго ужъ, не долго потерпѣть, Жанночка! Вотъ ты ужъ и сама чувствуешь, что она тебѣ мѣшаетъ!

Настала весна, и старикъ Жако сказалъ однажды, съ любовью глядя на руки и ноги Жанны:

— Пора ужъ у Жанночки обстричь купончикъ!

Жанна зарыдала и кинулась въ ноги старикамъ:

— Я буду работать, сколько угодно! Я буду работать за двоихъ, за всѣхъ! Не трогайте меня!

Но старикъ нахмурился:

— Вотъ еще глупости! Что мы за милліонеры такіе, чтобъ имѣть по двѣ руки и по двѣ ноги?! Прихоть не по карману! Мы люди бѣдные, — впору имѣть необходимое. А роскоши заводить не къ чему!

— Будемъ благоразумны, — сказалъ ей мужъ, лаская Жанну лѣвой рукой, — будемъ благоразумны, моя жизнь, мое счастье! Вѣдь должна же ты принести мнѣ приданое? Не такъ ли? Ну, что за охота, чтобы вся деревня говорила про тебя, что ты безприданница? Я не хочу, чтобы о моей женѣ говорили дурно!

— Да и, наконецъ, это безобразіе! — протестовали младшіе братья.—Вся семья обходится деревяжками,— съ какой же стати она одна будетъ отпускать себѣ руки и ноги?! Если такъ, мы тоже женимся и тоже не позволимъ трогать нашихъ женъ! Хороша будетъ семья! Рукастая! Ногастая! Куда ни плюнь, вездѣ торчитъ рука или нога! Тфу!

— Даже непріятно смотрѣть! Висятъ лишнія вещи!— поддакивалъ отецъ.

А мать, обнимая Жанну, уговаривала:

— Ты себѣ представить не можешь, Жанночка, какая это прелесть безъ руки, безъ ноги! Какое облегченіе! Ложишься въ постель — словно безплотный духъ! Ничего не чувствуешь! Одинъ воздухъ! Ахъ, какъ хорошо!

Жанна плакала, и на семейномъ совѣтѣ было рѣшено:

— Пусть лѣто съ рукой проведетъ! Пусть пощеголяетъ! Женщина молоденькая! Пусть пофрантитъ! Кстати не рабочее время. Но осенью...

Сентябрь забрызгалъ мелкимъ дождемъ, и однажды, когда всѣ сѣли за обѣдъ и Жанна взялась за ложку, свекровь остановила ее съ нѣжностью:

— Для тебя, Жанночка, приготовлено особо! Получше!

И поставила на столъ жареную баранью ногу.

— Теперь тебѣ надо кушать получше! Эти двѣ недѣли!

У Жанны затряслись руки и ноги.

Никогда Жаннѣ не снилось, чтобы въ людяхъ было столько нѣжности.

Вся семья ходила поутру на цыпочкахъ:

— Тсъ! Жанна спитъ! Жаннѣ нужно теперь набираться силъ!

Обѣдъ Жаннѣ вызывалъ горячіе споры.

— Баранины ей! Баранины! — говорилъ старикъ Жако. — Что за бѣда! Прирѣзать еще барана!

— Супъ изъ бычачьихъ хвостовъ—очень-очень питательная вещь!

— Гусь хорошо помогаетъ женщинамъ!

— Дайте ей гуся! Молока! Яицъ! Масла!

Оставаясь одна, Жанна цѣловала свою правую руку.

Какъ нарочно, безъ работы, рука стала такой бѣлой, нѣжной и красивой. Сквозь тонкую кожу просвѣчивали голубенькія жилки. Жанна припадала къ ней со слезами и цѣловала, цѣловала, цѣловала свою руку.

Голова у нея шла кругомъ, и иногда у Жанны являлась безумная мысль:

„Взять ножъ и самой отрѣзать себѣ руку. Самой! И бросить ее старикамъ!“

Въ одну изъ такихъ минутъ ее застала старуха Жако. Лицо у Жанны было такое страшное, что старуха поняла ея мысль. Затряслась и поблѣднѣла.

— Что ты думаешь сдѣлать? Не смѣй, не смѣй и думать объ этомъ! Ты насъ разоришь!

Жанна разрыдалась.

— Маменька, да вѣдь какъ больно-то будетъ!

Но старуха съ ласковой улыбкой обняла ее:

— Глупенькая моя! А какъ же рожаютъ-то?

За ужиномъ старикъ Жако съ любовью глядѣлъ на расписаніе поѣздовъ, которое, какъ святыня, въ рамкѣ висѣло на стѣнѣ, и говорилъ, указывая на поѣздъ, подчеркнутый краснымъ карандашомъ:

— Вотъ нашъ поѣздъ!

И однажды, послѣ ужина, старикъ поднялся и сказалъ, взглянувъ на часы:

— Половина девятаго. Жанна, идемъ!

Жанна кинулась на полъ, она хватала всѣхъ Жако за уцѣлѣвшія ноги, за деревяжки, цѣловала ноги, цѣловала деревяжки:

— Ну, подождемъ хоть до пассажирскаго поѣзда! Еще полчаса!

Старикъ Жако отрицательно покачалъ головой:

— У всѣхъ есть свое самолюбіе, дитя мое! Насъ всегда давилъ курьерскій поѣздъ, — зачѣмъ же ложиться подъ какой-то пассажирскій, когда есть курьерскій! Изъ вагоновъ перваго класса, — ты только подумай! Да курьерскій и лучше. Курьерскій пролетаетъ

по рукѣ стрѣлой, а пассажирскій, — жди тамъ, пока протащится! Курьерскій — одна прелесть! Коротко и скоро. Ты не успѣешь опомниться, — чикъ, и готово! Какъ ноготь обстричь. Идемъ, Жанна, идемъ!

— Ой-ой-ой!—вопила Жанна. — Хоть пьяною меня напойте!

Но старики расхохотались:

— Ахъ, молодость, молодость! Да вѣдь если отъ тебя будетъ пахнуть абсентомъ, это ужъ будетъ собственная неосторожность!

И старикъ Жако прибавилъ строго:

— И къ тому же, что скажутъ люди? Молодая Жако такъ напивается, что попала подъ поѣздъ! Мы живемъ среди людей и должны считаться съ общественнымъ мнѣніемъ! Ну, идемъ! Довольно глупостей!

И вся семья повела Жанну, похолодѣвшую, трясущуюся, едва державшуюся на ногахъ.

— Такъ помни, дитя мое,—говорила мать, обнимая ее за талью, — тамъ есть такая гайка на внутренней сторонѣ рельса, схватись за нее и держись крѣпче, чтобъ не отнять руку въ нужную минуту! Только держись за гайку, — остальное все само собой!

— Вотъ наше мѣсто, — съ гордостью сказалъ старикъ Жако, свѣтя фонаремъ,— вотъ и гайка. Жанна, ложись, дитя мое.

Старуха слегка подтолкнула еле державшуюся на ногахъ Жанну; та упала.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, дитя мое! Дай руку! Вотъ гайка! Схвати пальцами! Держись!

Старуха заботливо оправила и подоткнула платье Жанны, чтобъ его не втянуло въ колеса.

— Слышишь, какъ рельсы загудѣли. Теперь ужъ близко! Близко! Лежи съ Богомъ!

Старуха поцѣловала Жанну и отошла въ сторону отъ полотна.

— Полминуты какихъ-нибудь! Держись, Жанна! — донеслось изъ темноты.

— За гайку держись!

Поднялся дьявольскій шумъ. Изъ-за поворота, словно чортъ съ огненными глазами, сверкая огромными фонарями, вылетѣлъ паровозъ.

Грохотъ, трескъ, свистъ, вопль.

— Человѣка задавили! Человѣка задавили! — закричалъ Жозефъ Жако, кидаясь въ деревню за фельдшеромъ.

Семья Жако бросилась къ рельсамъ, свѣтя фонаремъ, отыскивая, гдѣ Жанна.

Жанна лежала около рельсовъ, бѣлая какъ мѣлъ, съ вытаращенными глазами, съ оскаленными стиснутыми зубами.

— Будьте вы прокляты!.. Прокляты!.. Прокляты!..— со стономъ крикнула она.

Старуха Жако нагнулась и воскликнула:

— Поздравляю васъ! Какъ нельзя быть лучше! Немного ниже плеча!

А изъ деревни съ фонарями бѣжали ужъ люди.

— У Жако опять несчастье!

— Жанна?

— Она!

— Руку или ногу?

Кровь хлестала изъ Жанны, и она стонала, впадая въ забытье:

— Будьте прокляты... прокляты... прокляты...

— Это она желѣзную дорогу!—пояснилъ старикъ.— Конечно, будь они прокляты! Калѣчатъ людей, даже свистка не даютъ!

Жанна лежала въ сосѣдней комнатѣ на отличной хирургической койкѣ, давно уже заведенной въ домѣ Жако. Около нея хлопотали докторъ и фельдшеръ.

А семья Жако, собравшись въ столовой, чокалась краснымъ виномъ.

На Жозефа сыпались поздравленія.

— Теперь ты можешь позволять себѣ все!—говорилъ со слезами Жако-отецъ.—Я тебѣ разрѣшаю! Безумствуйте, дѣти мои! Наслаждайтесь жизнью! Теперь Жанна можетъ быть въ интересномъ положеніи!

Черезъ два съ половиной года надъ желѣзнодорожной семьей разразилось несчастье.

— Мы потеряли двадцать тысячъ франковъ!— говорила мнѣ Жанна, утирая слезы лѣвой рукой и съ трудомъ стоя на деревяжкѣ.

Она только что встала послѣ „лѣвой ноги" и еще плохо управлялась съ деревяжкой.

— Двадцать тысячъ франковъ! Вы только подумайте!

Черезъ полтора года „послѣ руки" Жанна родила мальчика.

— Прелестный былъ такой бутузъ. Вѣрите ли, кровь съ молокомъ.

И старикъ Жако рѣшилъ:

— Надо проучить желѣзнодорожную компанію на этотъ разъ какъ слѣдуетъ!

Мимоходомъ онъ посовѣтовался съ опытнымъ юристомъ:

— Скажите, если ребенку отдавятъ правую ручку,— это дороже стоитъ?

— Конечно же, дороже! — отвѣтилъ опытный юристъ.—Лишенье способности къ труду на всю жизнь! Шутка! Надо съ дѣтства держать инвалидомъ!

И старикъ Жако рѣшилъ:

— Надо заблаговременно позаботиться о малюткѣ!

— Къ тому же,—говорилъ онъ дома,—это лучше, если ребенокъ выростетъ безъ правой руки. Онъ затѣмъ не чувствуетъ никакого лишенія. Онъ даже не знаетъ, что такое правая рука!

Всѣ съ нимъ согласились.

И когда младенцу исполнился годъ, насталъ торжественный день!

Съ утра вся семья была въ радужномъ настроеніи:

— Сегодня маленькій Жако сдѣлаетъ свое дѣло!

— Такой маленькій — и ужъ заработаетъ двадцать тысячъ франковъ по меньшей мѣрѣ!—шутилъ дѣдушка.—Молодецъ, Жако! Настоящій Жако!

— И это, не считая ножки!—съ гордостью говорила счастливая мать.—Ножкой онъ потомъ еще заработаетъ!

И всѣ цѣловали маленькаго коропуза, который, лежа въ чистенькой кроваткѣ, игралъ купонами: ручками и ножками.

— А не обрѣзать ли намъ ему всѣ четыре купончика?!—весело подмигивалъ дѣдъ.—Пусть грабитъ компанію! А?

Вся семья понесла маленькаго Жако „на мѣсто“.

Младенчикъ улыбался и смотрѣлъ весело своими глазенками.

— Молодчина!

Маленькаго Жако уложили на мѣсто, мать расцѣловала его въ обѣ пухлыя щечки и пригрозила пальчикомъ, чтобъ лежалъ смирно.

Рельсы гудѣли уже, стонали, дрожали.

Всѣ отошли въ сторону отъ полотна.

Но, оставшись одинъ, маленькій Жако забарахтался ручками и ножками, сталъ на четвереньки и взлѣзъ верхомъ на рельсъ.

Изъ-за поворота съ громомъ вылетѣлъ паровозъ курьерскаго поѣзда...

— Пополамъ ангельчика! — разсказывала мнѣ Жанна.—Умилительно было смотрѣть! Пополамъ! Какъ арбузикъ! Сверху бѣленькій, а въ середкѣ весь красненькій. А кругомъ кишочки, кишочки! Гарнирчикомъ! Красота!

И ничего за младенца не дали.

— Свинство! — выругался старикъ Жако. — За купонъ деньги, а за цѣлую акцію ничего!

Человѣкъ, котораго интервьюировали.

Человѣкъ, котораго интервьюировали.

(Петербургскій типъ).

Какъ это случилось въ первый разъ, Иванъ Ивановичъ даже не можетъ дать себѣ отчета.

Это произошло вечеромъ, въ нолумракѣ кабинета. Дрожали красныя, синія, желтыя пятна, которыя бросалъ разноцвѣтный фонарикъ. Молодой человѣкъ сидѣлъ передъ Иваномъ Ивановичемъ, наклонившись, съ жадно раскрытыми глазами, засматривая ему въ глубину очей, казалось, страдалъ и млѣлъ и только иногда шепталъ:

— Дальше... дальше...

Ивану Ивановичу казалось, что молодой человѣкъ гипнотизируетъ его своимъ взглядомъ. У него слегка кружилась голова. Онъ былъ въ какомъ-то опьянѣніи. Его охватывало волненіе. Онъ говорилъ, говорилъ, говорилъ... и когда кончилъ, молодой человѣкъ поднялся и поклонился.

— Это все, что мнѣ было нужно. Вы интервьюированы!

Иванъ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ летитъ въ пропасть.

Онъ словно пробудился отъ сладкаго сна. Его охватилъ ужасъ.

Онъ хотѣлъ крикнуть вслѣдъ уходившему молодому человѣку:

— Стойте!.. Стойте!..

У него даже мелькнула въ головѣ мысль:

— Убить его и спрятать трупъ.

Но было поздно. Тотъ ушелъ.

Иванъ Ивановичъ остался недвижимый въ креслѣ. Голова кружилась. Подъ ложечкой тоскливо сосало. Кости ныли, словно Ивана Ивановича кто-то исколотилъ.

И одна только мысль, не шевелясь, сидѣла въ мозгу:

„Вотъ меня и интервьюировали!"

Ему вдругъ захотѣлось кислой капусты.

— Что это я?—опомнился Иванъ Ивановичъ и приказалъ сдѣлать постель.

— Никого не принимать, и я никуда не поѣду. Мнѣ что-то не по себѣ.

Онъ съ наслажденіемъ зарылся въ свѣжее, чуть-чуть надушенное бѣлье, свернулся клубочкомъ въ холодномъ полотнѣ, задулъ ночникъ и долго лежалъ съ открытыми глазами.

Ему было страшно и пріятно.

Онъ старался думать о томъ, что произошло, съ отвращеніемъ и не могъ: противъ воли воспоминанія наполняли его блаженствомъ.

— А ловко я мысль объ учрежденіи института экзекуторовъ пропустилъ... Прямо противъ Василья Васильича... Пусть съѣстъ! Хе-хе!..

Онъ заснулъ поздно, среди какого-то блаженнаго бреда, и спалъ тревожно,—его мучили кошмары.

Онъ кричалъ во снѣ и метался.

Ему снились народныя толпы. Онѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ, съ благоговѣніемъ.

— Ахъ, какіе у васъ взгляды! Какія мысли! Какой умъ!..

Подходили ближе, ближе и вдругъ, подойдя совсѣмъ вплотную, показывали на него пальцемъ, кричали:

— Человѣкъ, котораго интервьюировали!

Хохотали и разбѣгались.

И такъ разъ восемьдесятъ.

Иванъ Ивановичъ проснулся въ холодномъ поту, съ легкой головной болью. Одѣяло, простыни были скомканы, подушки валялись на полу.

Онъ взялся за газету и почувствовалъ, что у него отнимаются руки и ноги. На первой страницѣ крупнымъ шрифтомъ чернѣло:

„О реформахъ нашихъ департаментовъ. Интервью съ его превосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ“.

Каждое слово, которое онъ сказалъ вчера, стояло теперь чернымъ по бѣлому, выдѣлялось, кричало. Тысячи, десятки тысячъ людей теперь читали то, что онъ думалъ.

Иванъ Ивановичъ чувствовалъ себя такъ, словно съ него на Невскомъ на солнечной сторонѣ въ два часа дня упала часть туалета и всѣ увидѣли его сокровенное.

Ему было стыдно и — удивительно! — пріятно.

„Что жъ, дай Богъ всякому!“ подумалъ Иванъ Ивановичъ, перечитавъ свои мысли.

Мысль о департаментѣ, однако, наполнила душу Ивана Ивановича ужасомъ.

— Читалъ! — почувствовалъ Иванъ Ивановичъ, когда швейцаръ отвернулся, снимая съ него шубу, и у него екнуло сердце.

Онъ пошелъ на цыпочкахъ вдоль стѣнки и въ эту минуту отдалъ бы все свое жалованье, чтобъ только его никто не замѣтилъ.

При входѣ Ивана Ивановича все стихло. Мелкіе чиновники глубже ушли въ бумаги. Средніе начали вдругъ всѣ почему-то рыться въ столахъ. Покрупнѣе, подавая руку, старались не глядѣть Ивану Ивановичу въ глаза и говорили что-то нескладное:

— Какой сегодня на дворѣ великолѣпный театръ... Скоро ли будетъ числовое двадцато?..

„Словно по-сербски“, тоскливо подумалъ Иванъ Ивановичъ.

— Всѣ прочли... Всѣ знаютъ...

Только одинъ Степанъ Степановичъ глядѣлъ на него изъ своего угла прямо и пристально.

Степанъ Степановичъ потому и сидѣлъ въ самомъ углу, что онъ имѣлъ неизлѣчимую болѣзнь интервьюироваться. Рѣдкій день въ газетѣ не появлялось интервью съ Степаномъ Степановичемъ. Отъ Степана Степановича сторонились; Степана Степановича чуждались, съ нимъ избѣгали говорить, особенно при постороннихъ:

— Ну его! Еще возьметъ да въ интервью вставитъ: „хотя нѣкоторые изъ моихъ товарищей и полагаютъ такъ-то, но я нахожу этотъ взглядъ неосновательнымъ“. Да въ видѣ „неосновательнаго взгляда“ ваше мнѣніе и выведетъ.

Степанъ Степановичъ и самъ понималъ, что ведетъ себя предосудительно, держался въ уголкѣ, ни съ

кѣмъ не заговаривалъ, ни на кого не смотрѣлъ, руку подавалъ робко, словно успокоивалъ:

„Не бойтесь! Не бойтесь! Вѣдь я не заражу васъ своимъ прикосновеніемъ. Отнеситесь же ко мнѣ хоть немножко по-человѣчески, не отказывайте подать руку!“

Теперь Степанъ Степановичъ смотрѣлъ на Ивана Ивановича прямо и смѣло. Словно радостно, какъ будто слегка насмѣшливо.

„Старая кокотка такъ смотритъ на начинающую!“ пришло вдругъ въ голову Ивану Ивановичу отвратительное сравненіе, и ему сдѣлалось такъ нехорошо, что онъ даже вышелъ не надолго.

Его мѣсто было по самой срединѣ комнаты, и Иванъ Ивановичъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, боясь поднять глаза. Куда бы онъ ни повернулъ голову, все въ той сторонѣ моментально низко склонялось надъ бумагами, словно даже бумаги — и тѣ становились неразборчивыми отъ взгляда Ивана Ивановича, или начинало рыться въ столахъ, или смотрѣло въ окна, на стѣны въ величайшемъ смущеніи.

Иванъ Ивановичъ попробовалъ было разсѣять эту тяжкую атмосферу томительнаго молчанія.

Помолился въ душѣ и громко сказалъ:

— Читали вы, господа...

Но самъ не узналъ своего голоса.

Да и кругомъ все взглянуло на него съ такимъ испугомъ, что Иванъ Ивановичъ почувствовалъ, какъ у него отнялись ноги и языкъ.

Было тяжело, мучительно тяжело.

Ивану Ивановичу вспомнилась одна пьеса, которую онъ видѣлъ когда-то у мейнингенцевъ. Изъ древнегерманской жизни. Римскіе солдаты, остановившіеся

въ германской деревнѣ, совершили гнусное преступленіе надъ германской дѣвушкой.

И вотъ ночью сбѣгаются жители деревни. Сцена, при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ, наполняется страшнымъ, леденящимъ душу шопотомъ. „Объ этомъ“ никто не рѣшается сказать громко. Вводятъ дѣвушку, и гасятъ всѣ факелы, чтобъ никто не видѣлъ ея лица...

„Словно я германская дѣвушка!“ съ тоскою думалъ Иванъ Ивановичъ и въ первый разъ перевелъ духъ, когда въ половинѣ третьяго стемнѣло и комната департамента погрузилась во мракъ.

Но самое страшное было, когда одинъ изъ вызвавшихъ его просителей началъ свою рѣчь къ Ивану Ивановичу такъ:

— Прочитавъ сегодня въ газетахъ ваши просвѣщенные взгляды, осмѣливаюсь...

Иванъ Ивановичъ схватился за притолоку:

„Всѣ знаютъ... всѣ“...

Безумныя мысли закружились у него въ головѣ:

„Убить просителя и спрятать трупъ“.

Но голосъ благоразумія взялъ верхъ:

„Всѣхъ не перебьешь... Всѣхъ перебить невозможно“...

Да къ тому же въ его ушахъ прозвучалъ въ эту минуту, словно труба архангела, страшный голосъ курьера:

— Васъ къ директору!

Шатаясь, Иванъ Ивановичъ вошелъ.

Въ кабинетѣ было полутемно.

— А, это вы...— сказалъ директоръ, отвернулся и подалъ ему руку, какъ показалось Ивану Ивановичу, нерѣшительно.

Подалъ и сейчасъ же отдернулъ.

„Убить директора и спрятать его трупъ?“ мелькнула въ головѣ Ивана Ивановича опять та же безумная мысль, и ему вдругъ мучительно, страстно, болѣзненно захотѣлось, чтобы въ эту минуту случилось свѣтопреставленіе.

Директоръ смотрѣлъ въ сторону, барабанилъ пальцами, видимо, хотѣлъ что-то сказать, но говорилъ совсѣмъ другое.

— Какая хорошая погода! — сказалъ директоръ.

Иванъ Ивановичъ шевелилъ сухими губами.

— На улицѣ ѣздитъ много извозчиковъ! — сказалъ директоръ и, не получая отвѣта, добавилъ: — Вообще на улицахъ завелось что-то слишкомъ много извозчиковъ...

Иванъ Ивановичъ отъ этихъ странныхъ фразъ директора еще больше страдалъ. Наконецъ онъ облизнулъ сухимъ языкомъ сухія губы, собралъ всѣ силы и воскликнулъ:

— Петръ Петровичъ... Ваше превосходительство...

Его голосъ пересѣкся и зазвенѣлъ какъ оборванная струна.

Въ кабинетѣ послышались тихія всхлипыванія.

Директоръ заговорилъ. Въ голосѣ его тоже послышались слезы:

— Иванъ Ивановичъ... Успокойтесь... Не надо... Вѣдь я же не звѣрь, я понимаю... Ничего особеннаго... Даже очень дѣльно... Но только отчего же вы всего этого мнѣ на словахъ не сказали, а такъ, вдругъ. въ газетѣ?..

Всхлипыванія раздались сильнѣе.

— Ну, ну!.. Не буду... Не надо.. Я не спрашиваю, какъ это случилось! Не надо!.. Не разсказывайте!.. Я знаю, вамъ больно... Но, Иванъ Ивановичъ, дорогой мой... Одна просьба!.. Ну, случился грѣхъ, съ кѣмъ не бываетъ... Но впередъ не впадайте... Затягиваетъ это... Я знаю... Вонъ посмотрите, Степанъ Степановичъ...

— Петръ Петровичъ,— воскликнулъ Иванъ Ивановичъ,—да неужели я Степанъ Степановичъ?...

И рыданія хлынули изъ его груди...

Сравнить его со Степаномъ Степановичемъ! Это было ужъ слишкомъ.

„Вотъ когда я погибъ!—вспоминалъ потомъ Иванъ Ивановичъ. — Убилъ онъ меня, назвавъ Степаномъ Степановичемъ".

Директоръ даже испугался.

— Да я не сравниваю... Что вы?.. Иванъ Ивановичъ!.. Я предупреждаю только... Отечески предупреждаю... Вѣдь „они" начнутъ теперь шляться... Ахъ, Господи! Командировку, что ли, вамъ дать куданибудь, чтобы вы провѣтрились?!

Въ горлѣ Ивана Ивановича высохли слезы.

— Нѣтъ - съ, ваше превосходительство, никакой командировки на надо... Никуда я не поѣду... Я останусь тутъ бороться. Пусть ко мнѣ ѣздятъ, пусть искушаютъ... Борьбой, борьбой со страстями я искуплю невольное паденіе... Искуплю и восторжествую!

И, сдѣлавъ поклонъ, онъ шатающейся походкой пошелъ къ двери.

— Богъ вамъ да поможетъ въ вашемъ подвигѣ!— напутствовалъ его вслѣдъ директоръ, а когда Иванъ Ивановичъ выходилъ изъ двери, онъ слышалъ, какъ директоръ говорилъ экзекутору:

— Вотъ и еще одного чиновника мнѣ испортили!

Въ коридорѣ Ивана Ивановича, оказывается, поджидалъ Степанъ Степановичъ.

— Хотите, батюшка, я вамъ одного репортера пришлю!—страстно прошепталъ Степанъ Степановичъ.— Какъ, шельма, интервьюируетъ!!!

Иванъ Ивановичъ даже отпрянулъ въ ужасѣ и воскликнулъ:

— Отойди отъ меня, сатана!

Темно было въ департаментахъ, а на улицѣ было еще достаточно свѣтло, и Иванъ Ивановичъ, возвращаясь домой, узналъ на встрѣчномъ лихачѣ того самаго молодого человѣка, который его вчера интервьюировалъ.

Молодой человѣкъ ликовалъ. Иванъ Ивановичъ считался самымъ неприступнымъ изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, и за интервью съ нимъ молодому человѣку заплатили въ редакціи по двойному тарифу.

Молодой человѣкъ радостно закивалъ Ивану Ивановичу.

У Ивана Ивановича кровь бросилась въ голову, ему захотѣлось вдругъ остановить извозчика, закричать:

— Стой! Городовой! Держи его! Взять! Онъ развращаетъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ!

Но лихачъ уже промелькнулъ и затерялся въ толпѣ экипажей.

Вернувшись домой, Иванъ Ивановичъ объявилъ, что никуда не поѣдетъ.

— Куда ни поѣдешь, вездѣ „про то“ говорить будутъ!

Онъ даже въ клубъ не отправился обѣдать. Просидѣлъ, не ѣвши, и, быть-можетъ, слабостью вслѣдствіе голода и объясняется то, что случилось.

Въ семь часовъ въ кабинетъ вошелъ другой молодой человѣкъ, съ безпокойно ласковымъ взглядомъ, сѣлъ противъ Ивана Ивановича и, нѣжно наклонившись къ нему, мягко спросилъ:

— Что вы думаете о резиновыхъ калошахъ?

Иванъ Ивановичъ хотѣлъ вскочить, крикнуть прислугу, приказать избить ласковаго молодого человѣка резиновыми калошами, но самъ не знаетъ, какъ вмѣсто всего этого сказалъ:

— Думаю, что резиновыя калоши полезны вслѣдствіе только дешевизны, но въ смыслѣ сохраненія пальцевъ на ногахъ предпочитаю кожаныя...

И пошелъ...

На слѣдующій день съ Иваномъ Ивановичемъ въ департаментѣ даже не всѣ поздоровались, экзекуторъ сухо сказалъ:

— По распоряженію г. директора, изъ вашего вѣдѣнія будутъ изъяты всѣ дѣла, не подлежащія оглашенію.

Но Ивану Ивановичу — странное дѣло, онъ даже самъ удивлялся своему равнодушію — было все какъ съ гуся вода. Въ эти ужасныя минуты его волновала только одна мысль:

„Нѣтъ, что же онъ, подлецъ, про буквы металлическія ничего не напечаталъ. Вѣдь я говорилъ, что металлическія буквы въ калошахъ вредны, ибо портятъ сапоги. Забылъ, должно-быть! Надо будетъ за нимъ послать!“

Степанъ Степановичъ подлетѣлъ къ Ивану Ивановичу уже смѣло, утащилъ его въ уголъ и шопотомъ сказалъ:

— Читалъ. Хорошо. Но все-таки не такъ, какъ мой, съ которымъ я интервьюируюсь. Вотъ, подлецъ, умѣетъ. Всю подноготную переберетъ. До души доходитъ. Хотите, пришлю разочка на два. Пусть интервьюируетъ. Удовольствіе получите!

Иванъ Ивановичъ прошепталъ:

— Пришлите!

Степанъ Степановичъ разсмѣялся и по плечу его похлопалъ:

— Такъ-то! А то „сатаной“ вчера назвали! День только потеряли.

И Иванъ Ивановичъ, къ удивленію, за такую фамильярность не только не послалъ Степана Степановича къ чорту, а, напротивъ, позвалъ въ трактиръ обѣдать.

И вечеръ они провели въ трактирѣ, въ пьянствѣ и разговорахъ:

— Какъ лучше интервьюироваться?

Послѣ обѣда они ѣздили къ какимъ-то интервьюерамъ, пили съ ними пиво, кажется, танцовали, и на утро Иванъ Ивановичъ прочелъ въ пяти газетахъ пять интервью съ нимъ:

„О нормальной длинѣ юбочекъ у балетныхъ танцовщицъ“.

„Брать ли намъ Гератъ?“

„О мѣрахъ къ предупрежденію наводненій“.

„О лучшей закускѣ къ водкѣ“.

„Что, по его мнѣнію, сдѣлалось съ Андрэ“.

Что произошло дальше?

Объ этомъ грустно и разсказывать.

Въ одинъ хмурый, ненастный день директоръ,— даже не лично, а черезъ экзекутора—объявилъ Ивану Ивановичу свою волю:

— Подавайте прошеніе.

И Иванъ Ивановичъ не только не смутился, но даже громко спросилъ:

— За что?

Экзекуторъ даже не нашелся отвѣтить, да Иванъ Ивановичъ и не ожидалъ отвѣта. Смѣло и вызывающе глядя всѣмъ въ глаза, онъ кинулъ, словно вызовъ:

— За то, что я интервьюируюсь?

Всѣ были въ ужасѣ. Онъ еще бравируетъ этимъ!

— А Степанъ Степановичъ?—вызывающе бросилъ Иванъ Ивановичъ.

Это ужъ было черезчуръ! Экзекуторъ сдѣлалъ самое суровое лицо и отвѣчалъ, отчеканивая каждое слово:

— Даже Степанъ Степановичъ не доходилъ до такой распущенности. Степанъ Степановичъ интервьюируется постоянно съ однимъ. А вы съ кѣмъ ни попадя. Ни одного дня ни одной газеты не выходитъ безъ интервью съ вами. Прощайте.

И даже Степанъ Степановичъ не подалъ ему руки и отвернулся, когда Иванъ Ивановичъ выходилъ изъ канцеляріи.

Переступая въ послѣдній разъ порогъ канцеляріи, Иванъ Ивановичъ чувствовалъ, что для него все гибнетъ, и какое-то дикое, веселое отчаяніе охватило его. Какое-то безстыдство овладѣло имъ. Ему захотѣлось безстыдничать, приводить всѣхъ кругомъ въ ужасъ, въ негодованіе, пить чашу презрѣнія.

На порогѣ онъ обернулся и крикнулъ на всю канцелярію:

— Хотите я къ вамъ, ко всѣмъ, интервьюеровъ пришлю?! Ахъ, хорошо, подлецы, интервьюировать умѣютъ!

Онъ ожидалъ воплей негодованія, угрозъ, криковъ: „вывести его!“

Въ отвѣтъ было гробовое молчаніе.

И среди гробового молчанія Иванъ Ивановичъ, блѣдный, шатающійся, вдругъ обезсилѣвшій, вышелъ изъ канцеляріи. Даже швейцаръ не надѣлъ ему въ рукава, а набросилъ на плечи шинель.

— Погибъ, погибъ! — шепталъ Иванъ Ивановичъ, идя домой пѣшкомъ.

А вечеромъ въ его квартирѣ шелъ дымъ коромысломъ. Иванъ Ивановичъ... праздновалъ свое изгнанье въ кругу репортеровъ, пилъ, плясалъ для нихъ русскую и кричалъ:

— Выгнали! Слава Богу! Теперь я свободенъ! Теперь я вашъ! Интервьюируйте меня по 24 часа въ сутки! Пусть публика знаетъ всѣ мои мысли! Ничего сокровеннаго у меня нѣтъ!

И отвѣчалъ сразу на шесть вопросовъ по шести разнымъ предметамъ.

Даже репортеры изумлялись откровенному безстыдству его отвѣтовъ.

И вотъ потянулись ужасные дни.

Въ кабинетѣ Ивана Ивановича, обыкновенно чистомъ, слегка благоухающемъ, запахло какой - то казармой, типографской краской, промозглымъ пивомъ, много ношенными сапогами, скверными папиросами.

И Иванъ Ивановичъ ходилъ по бѣлому когда-то, теперь насквозь проплеванному ковру, отбрасывалъ ногой валявшіеся окурки и олово отъ пивныхъ бутылокъ и съ удовольствіемъ втягивалъ въ носъ острый запахъ скверныхъ папиросъ.

— Эхъ, здорово репортеромъ пахнетъ... Хоть бы пришелъ кто изъ нихъ!

Утромъ, едва Иванъ Ивановичъ брался за газеты, у него просыпался какой-то зудъ:

— Хорошо бы по этому вопросу мнѣніе высказать... Ахъ, и по этому бы и по этому...

И онъ съ трепетомъ ждалъ, когда вздрогнетъ звонокъ, самъ выбѣгалъ въ переднюю, самъ снималъ съ вошедшаго пальто и говорилъ, почти задыхаясь:

— Интервьюируйте меня! Интервьюируйте! Чѣмъ вы меня сегодня? Иностранной политикой долбанете?

— Нѣтъ. На очереди стоитъ вопросъ: какъ лучше солить огурцы?

И онъ интервьюировался, интервьюировался, интервьюировался съ какимъ-то бѣшенствомъ, говорилъ обо всемъ: о Чемберлэнѣ, огуречномъ разсолѣ, древнихъ языкахъ, о томъ, что зналъ, и съ особымъ наслажденіемъ о томъ, чего вовсе не зналъ.

Но вотъ звонки въ квартирѣ Ивана Ивановича стали раздаваться все рѣже и рѣже...

Редакторы болѣе не принимали интервью съ Иваномъ Ивановичемъ:

— Надоѣлъ! Во всѣхъ газетахъ!

Репортеры развращали другихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и даже на улицѣ, при встрѣчѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, вскакивали на перваго попавшагося извозчика и уѣзжали, крича:

— Поскорѣе!

Потянулись истинно тяжкіе дни. Иванъ Ивановичъ, говорятъ, пересталъ курить свои гаванскія сигары и курилъ самыя скверныя папиросы.

— Репортеромъ пахнетъ!

Это создавало бѣднягѣ иллюзію. Цѣлые дни, говорятъ, онъ сидѣлъ одинъ, разговаривая вслухъ самъ съ собою, задавая самъ себѣ нелѣпые вопросы и давая на нихъ самые нелѣпые отвѣты.

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, можетъ Патти еще разъ выйти замужъ?—спрашивалъ онъ себя, слегка измѣнивъ голосъ, и отвѣчалъ своимъ собственнымъ голосомъ:

— Отчего бы и нѣтъ? Думаю, что можетъ!

Это заключилось катастрофой.

На-дняхъ Ивана Ивановича судили у мирового за избіеніе нѣкоего мѣщанина, занимающагося литературнымъ трудомъ.

Изъ протокола выяснилось, что городовой, стоя вечеромъ на углу безлюдной площади, услыхалъ безумные вопли, летѣвшіе откуда-то изъ сугроба снѣга. Прибѣжавъ на мѣсто происшествія, онъ увидѣлъ извѣстнаго ему литературнаго мѣщанина, на которомъ сидѣлъ верхомъ Иванъ Ивановичъ, тузилъ молодого человѣка кулаками, по чемъ ни попадя, и кричалъ:

— Нѣтъ, ты будешь меня интервьюировать, будешь!

Свидѣтели-репортеры показали, что Иванъ Ивановичъ положительно не даетъ имъ прохода. Одного прищучилъ у Доминика, когда тотъ хотѣлъ уходить, не заплативъ за пирожки:

— Интервьюируй меня или буфетчику скажу!

Другого семь дней ждалъ у выхода изъ редакціи, такъ что тотъ долженъ былъ уходить въ трубу.

Третьяго настигъ въ глухомъ переулкѣ и грозилъ застрѣлить, если тотъ его тутъ же не будетъ интервьюировать по вопросу объ употребленіи мелинита при осадѣ крѣпостныхъ бастіоновъ. Репортеры просили мирового судью оградить ихъ отъ приставаній Ивана Ивановича:

— Насъ другіе дѣйствительные статскіе совѣтники, желающіе интервьюироваться, ждутъ.

Мировой судья приговорилъ Ивана Ивановича на двѣ недѣли ареста.

Намъ будетъ очень прискорбно, если этотъ фельетонъ попадетъ въ руки Ивана Ивановича.

Горько зарыдаетъ бѣдняга:

— Изъинтервьюируютъ, да еще насмѣхаются!

Замѣчательнѣйшій городъ въ мірѣ.

Замѣчательнѣйшій городъ въ мірѣ.

(Изъ скитаній по бѣлу свѣту.)

Замѣчательнѣйшій въ мірѣ городъ.

Это не Парижъ, не Лондонъ, не Римъ, не Нью-Йоркъ, а Боннъ.

Крошечный городокъ сѣверной Швейцаріи, расположенный въ небольшой котловинкѣ, которую со всѣхъ сторонъ окружаютъ невысокія горы.

Такъ что, когда вы подъѣзжаете, эта котловинка кажется вамъ большимъ круглымъ зеленымъ тазомъ, на днѣ котораго осталось немного сора. — Это и есть Боннъ—„замѣчательнѣйшій городъ въ мірѣ".

Я попалъ туда совершенно случайно.

Ѣхалъ мимо и заѣхалъ. Безъ всякаго дѣла, безъ всякой цѣли,—просто, чтобы гдѣ-нибудь остановиться и отдохнуть отъ чудныхъ швейцарскихъ видовъ.

Ничто такъ не утомляетъ, какъ эти „виды", открывающіеся изъ окна желѣзной дороги.

И чѣмъ мѣстность красивѣе, тѣмъ это утомительнѣе.

Словно вы цѣлый день просидѣли передъ какой-то движущейся панорамой.

Въ концѣ-концовъ вамъ прямо хочется крикнуть:

— Баста! Меня уже начинаетъ тошнить отъ этихъ красивыхъ видовъ.

И вы выходите на первой попавшейся станціи.

Такой станціей для меня оказался Боннъ.

Онъ очень милъ, глядя со стороны, а первый его житель, котораго я увидѣлъ—единственный во всемъ городѣ извозчикъ, дожидавшійся на станціи,—оказался привѣтливымъ и разговорчивымъ парнемъ.

Онъ очень удивился, когда я приказалъ ему везти меня въ гостиницу.

— Въ гостиницу?.. Видите ли, у насъ нѣтъ гостиницы... Но я васъ отвезу къ г. пастору... Пасторъ Люгеръ, — его-то вы, навѣрное, знаете?

Я отвѣчалъ, что не знаю на обоихъ полушаріяхъ никакого пастора Люгера.

Мой возница поглядѣлъ на меня съ изумленіемъ:

„Что это, молъ, за человѣкъ? Съ неба, что ли, свалился?"

— Не знаете пастора Люгера? Въ такомъ случаѣ тѣмъ лучше. Вамъ слѣдуетъ съ нимъ познакомиться: одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ свѣтѣ. Что касается до гостепріимства, то г. пасторъ не даромъ имъ славится... Хе-хе! Вы скоротаете съ нимъ не одинъ добрый часокъ и врядъ ли скоро захотите уѣхать отъ такого человѣка.

Пасторъ Люгеръ оказался, на самомъ дѣлѣ, очень милымъ и добродушнымъ пожилымъ человѣкомъ.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!—говорилъ онъ, вводя меня въ свой маленькій, чистенькій, настоящій „пасторскій" домикъ.—Добро пожаловать! Вы, вѣроятно, путешествуете съ цѣлью изученія нравовъ и осмотра достопримѣчательностей?..

— Да, въ этомъ родѣ...

— О, въ такомъ случаѣ вы не раскаетесь въ томъ, что заѣхали въ нашъ Боннъ. Тутъ вы найдете многое, достойное и вашего вниманія и изученія... Позвольте узнать, сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ тридцать два.

Пасторъ слегка вздохнулъ.

— Конечно, очень жаль, что вы не сдѣлали этого раньше. Тогда бы знакомство съ Бонномъ, быть-можетъ, принесло вамъ еще больше пользы, быть-можетъ, даже совершенно иначе направило ваши способности и самую вашу карьеру. По-моему, молодые люди должны знакомиться съ Бонномъ въ возрастѣ отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Къ сожалѣнію, этимъ обыкновенно пренебрегаютъ, и многіе даже во всю свою жизнь ограничиваются только знакомствомъ съ Женевой, Базелемъ, Парижемъ, Берномъ и Лондономъ!

Г. пасторъ сдѣлалъ жестъ, краснорѣчиво выражавшій его искреннее сожалѣніе къ этимъ „многимъ“.

— Было бы, повторяю, лучше, если бы вы познакомились съ Бонномъ раньше. Но что дѣлать! Вамъ, вѣроятно, мѣшали дѣла. Никогда не поздно обогатить свой умъ новыми свѣдѣніями. Добро пожаловать, мой молодой другъ!

Я поблагодарилъ пастора за любезный пріемъ.

— Не за что! Не за что! Боннъ всегда былъ извѣстенъ своимъ гостепріимствомъ. Всегда! Ба, однако „соловья баснями не кормятъ“, какъ говорятъ у насъ въ Боннѣ. Вы пріѣхали какъ разъ въ часъ обѣда. Сейчасъ войдетъ моя жена.

Колоколъ во дворѣ звучно пробилъ шесть ударовъ, и въ комнату вошла г-жа пасторша, очень полная

пожилая дама, съ добрымъ, открытымъ, привѣтливымъ лицомъ.

— Нашъ молодой другъ, путешественникъ, пріѣхавшій осмотрѣть нашъ Боннъ. Госпожа Люгеръ, моя жена! — представилъ пасторъ.

Я ожидалъ, кто еще долженъ явиться на звонъ вѣчевого колокола.

— Чего же мы, однако, дожидаемся? — спросилъ г. пасторъ.—Ахъ, васъ, вѣроятно, ввелъ за заблужденіе звонокъ. Видите ли, въ него звонятъ на случай, если меня нѣтъ дома. Таковъ обычай. И не намъ мѣнять старые обычаи.

Мы перешли въ столовую.

Пасторша и пасторъ оказались, дѣйствительно, гостепріимнѣйшими въ мірѣ людьми.

Пасторша безпрестанно подкладывала мнѣ на тарелку, словно имѣла основаніе предполагать, что я недѣли двѣ ничего не ѣлъ.

А пасторъ „рекомендовалъ“ блюдо.

— Да вы почти ничего не ѣдите! — приходила въ ужасъ добрая пасторша. когда я съѣдалъ вторую тарелку. — Конечно, у насъ за нашимъ скромнымъ столомъ вы не найдете того, къ чему привыкли въ Парижѣ и Лозаннѣ.

— Довольно, жена! — съ достоинствомъ останавливалъ ее г. пасторъ.—У насъ господинъ путешественникъ найдетъ зато одинъ изъ гигіеничнѣйшихъ и вкуснѣйшихъ обѣдовъ, какіе можно найти гдѣ бы то ни было! Да, вкуснѣйшихъ, потому что госпожа Люгеръ, я долженъ вамъ сказать,—одна изъ лучшихъ хозяекъ въ мірѣ. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на ея коровникъ.

— Ахъ, Іоганнъ, ты просто заставляешь меня краснѣть своими похвалами...

— Не для чего краснѣть. Скрывать слѣдуетъ только пороки, а никакъ не достоинства. Скрывать достоинства—это такъ же нехорошо и предосудительно, какъ и обнаруживать свои пороки. Не такъ ли, г. путешественникъ?

— О, несомнѣнно, г. пасторъ!..

— Я попрошу васъ взять еще немного этого салата. Не правда ли, не вездѣ можно встрѣчать такой? О, почва Бонна—удивительная почва. Она еще не изслѣдована, какъ слѣдуетъ, но я увѣренъ, что ученые, когда займутся, найдутъ въ ней много разныхъ солей! Я даже думаю, что подъ нею должны быть большія залежи минераловъ,—съ такимъ трудомъ эта почва впитываетъ въ себя влагу. Нѣкоторые находятъ, будто почва Бонна нѣсколько болотиста. Но это не такъ, благодаря минераламъ. Я увѣренъ, что тутъ замѣшаны минералы!

— Я попрошу васъ отвѣдать вотъ этой рыбы и высказать свое мнѣніе. Эта рыба водится въ озерѣ около Бонна и называется „караси". „Караси". Запишите, если хотите, названіе. Въ Боннѣ ее готовятъ обыкновенно со сметаной.

— Что? Какъ вамъ нравится наша рыбка? Прибавьте, если хотите, еще немножко сметаны. Ничего, это не вредитъ! Такой сметаны, я увѣренъ, вы не найдете ни въ Парижѣ ни въ Нью-Йоркѣ.

Словомъ, я наѣлся до отвала всевозможныхъ рѣдкихъ и диковинныхъ блюдъ, и тогда намъ подали стараго вина — „одну изъ старѣйшихъ бутылокъ на свѣтѣ".

— Она сохраняется уже четвертый годъ! На ней появилась даже пыль! — пояснилъ г. пасторъ.

Мы запили все это чашечкой кофе, свареннаго такъ, „какъ умѣетъ варить только пасторша“.

— Это ея секретъ, котораго она не открываетъ даже мнѣ! — улыбнулся пасторъ.

Секретъ, котораго не зналъ даже г. пасторъ, отлично зналъ я. Это былъ кофе, сваренный съ гущей, по-турецки. Я, конечно, могъ бы тутъ же открыть секретъ г-жи пасторши, но зачѣмъ разочаровывать такихъ милыхъ людей?

— Теперь мы можемъ пройтись и осмотрѣть достопримѣчательности города! — сказалъ г. пасторъ, вставая изъ-за стола.—Совѣтую вамъ взять вашу палку, мой молодой другъ. Собаки Бонна, надо отдать имъ полную справедливость, однѣ изъ злѣйшихъ въ мірѣ. Онѣ разорвали на своемъ вѣку уже не однѣ панталоны. И если бъ еще, къ счастью, онѣ не были нѣсколько трусливы, это было бы величайшимъ бѣдствіемъ для человѣчества. Итакъ, берите вашу палку и въ путь— къ достопримѣчательностямъ Бонна. Я увѣренъ, вы не раскаетесь въ томъ, что ради нихъ пройдете весь городъ! Прежде всего я покажу вамъ, конечно, нашу церковь. Одно изъ простѣйшихъ, но тѣмъ-то и замѣчательныхъ произведеній архитектурнаго искусства. Она построена на пожертвованія Людвига Крейцера Вы слышали, быть-можетъ, это имя?

— Нѣтъ... г. пасторъ... я не припомню...

— Жаль, что біографіи такихъ людей не печатаются въ большихъ газетахъ. Это было бы очень поучительно для юношества. Впрочемъ, вы могли бы, если бъ захотѣли ознакомиться подробнѣе съ біографіей этого

замѣчательнаго человѣка, найти ее въ нашей газетѣ... Номеръ... Да, да! № 6 за 1875 годъ „Боннскаго Еженедѣльнаго Телеграфа“. Вы можете достать его гдѣ угодно, — мы вѣдь высылаемъ нашу газету gratis во всѣ музеи! Да, это былъ замѣчательный человѣкъ. Онъ могъ бы послужить для міра примѣромъ добросовѣстности. Въ его колбасной лавкѣ не было примѣра, чтобы обсчитали хоть на пять раппеновъ самаго маленькаго мальчика. А колбаса, которую онъ дѣлалъ, славилась на всю окрестность. Ее брали съ собой даже заѣзжавшіе сюда путешественники! Но ни богатства, ни слава, ни обширныя торговыя дѣла — ничто не заставило его гордиться. Онъ былъ благотворителемъ всю свою жизнь: онъ никогда не продавалъ остатковъ, которые бываютъ при выдѣлкѣ колбасъ, а всегда всѣ ихъ отдавалъ бѣднымъ. Вотъ это былъ какой человѣкъ! Какъ вамъ нравится это созданіе архитектуры?

— О, г. пасторъ!

Во время рѣчи г. пастора мы уже прошли весь городъ и стояли передъ миніатюрной церковью съ такой же колокольней.

— Нѣтъ, вы обратите вниманіе на простоту, какъ нельзя болѣе гармонирующую съ назначеніемъ зданія. Не правда ли, какая глубина мысли? Зато колокольня прямо уносится въ небо.

Я посмотрѣлъ и на маленькую колокольню, вышиною въ 4 сажени, которая „уносилась въ небо“.

— Одно изъ высочайшихъ зданій въ Европѣ!

— Но, г. пасторъ, — невольно вырвалось у меня,— на свѣтѣ вѣдь существуетъ еще и Эйфелева башня!

Вырвалось,—и я сейчасъ же пожалѣлъ объ этомъ.

Лицо пастора приняло грустное выраженіе Онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ покачалъ головой.

— Да, вы правы, мой молодой другъ! Эйфелева башня, дѣйствительно, выше боннской колокольни. Но я васъ спрашиваю, мой молодой другъ: къ чему служитъ это огромное, безсмысленное сооруженіе, тогда какъ на нашей колокольнѣ имѣются даже часы? Да, если бы бонницы задумали строить у себя что-нибудь подобное Эйфелевой башнѣ, я увѣренъ, они бы построили нѣчто дѣйствительно заслуживающее вниманія по своей полезной цѣли!

Кажется, пасторъ даже немного обидѣлся.

— Я съ удовольствіемъ показалъ бы вамъ внутренность нашей церкви, тоже замѣчательной по своей простотѣ: ничего, кромѣ дерева! Но, къ сожалѣнію, ключи у сторожа. А онъ вѣчно спитъ какъ сурокъ. Во всемъ мірѣ вы не найдете человѣка, который спалъ бы столько, какъ онъ! Это положительно замѣчательно, и я думаю показать его докторамъ, которые, навѣрное, возьмутъ его для демонстраціи на какой-нибудь ученый съѣздъ. Теперь мы пойдемъ осмотрѣть школу... Г. учитель! Г. учитель! — постучался пасторъ въ запертую дверь.

Отвѣта не было.

— Очевидно, г. учитель ушелъ на рыбную ловлю. Но ничто не помѣшаетъ намъ осмотрѣть зданіе снаружи.

Мы обошли „зданіе“ счетомъ въ десять секундъ.

— Внутри это—обширное помѣщеніе, съ массой воздуха, свѣта. Въ немъ одновременно учатся пятнадцать учениковъ! И я увѣренъ, что подъ руководствомъ такого педагога, какъ г. Фридрихъ Шульцъ, изъ нихъ выйдутъ со временемъ достойнѣйшіе и замѣчательные

граждане. О, это очень жаль, что г. учитель ушелъ на рыбную ловлю! Вамъ доставило бы большое удовольствіе съ нимъ познакомиться! Это одинъ изъ ученѣйшихъ людей: онъ окончилъ цюрихскую учительскую семинарію и могъ бы, если бъ захотѣлъ, быть даже бакалавромъ! Но г. Фридрихъ Шульцъ нечестолюбивъ. За нимъ нѣтъ этого недостатка. Это второй Песталоцци!..

Мы шли по улицѣ, гдѣ на насъ лѣниво тявкали издали, не трогаясь съ мѣста, собаки, грѣвшіяся на вечернемъ солнцѣ.

— Какія злобныя животныя! — проговорилъ г. пасторъ. — Теперь мы можемъ итти домой. Достопримѣчательности уже осмотрѣны. Какъ я вамъ говорилъ уже, у насъ издается мѣстная газета „Боннскій Еженедѣльный Телеграфъ“, но итти въ редакцію было бы безполезно: сегодня, несмотря на воскресенье, газета не выходитъ. Г. редакторъ пошелъ на рыбную ловлю. Весь городъ сегодня отправился на рыбную ловлю! — словно извинился за г. редактора г. пасторъ.

— Но это ничего, — поспѣшилъ онъ успокоить меня, — газета выйдетъ завтра! О, г. Вильгельмъ Будце — одинъ изъ выдающихся редакторовъ въ мірѣ. Онъ самъ пишетъ всю газету съ начала до конца, самъ ее набираетъ, самъ печатаетъ и самъ же развозитъ на велосипедѣ подписчикамъ. Гдѣ вы еще найдете такого дѣятельнаго редактора? Конечно, его органъ не такъ распространенъ, какъ другія газеты міра, но все же расходы окупаются: онъ имѣетъ 20 подписчиковъ и около 500 номеровъ разсылаетъ въ разные музеи и библіотеки, — конечно, gratis. Между нами говоря, я подозрѣваю, что онъ честолюбивъ. О, въ душѣ этого

человѣка таится страшное честолюбіе! Ужъ не хочетъ ли онъ быть нашимъ городскимъ головою?

Пасторъ остановился около маленькаго домика, утопавшаго въ зелени.

— А вотъ домъ, гдѣ родился и жилъ въ дѣтствѣ одинъ изъ нашихъ величайшихъ людей. Человѣкъ, который прославилъ имя Бонна. Да! Мы имъ гордимся. Это наша слава. Мы даже думаемъ прибить къ домику доску съ его именемъ и днемъ рожденія.

Я приготовился услышать какое-нибудь міровое имя.

— Его имя Фердинандъ Земмель. Не Прессель-Земмель, а просто Земмель. Вы услышите его имя, когда будете въ Бернѣ. Онъ служитъ тамъ секретаремъ суда и скоро, говорятъ, будетъ произведенъ въ товарищи прокурора. Да, онъ родился въ Боннѣ! Нѣтъ, гдѣ, кромѣ Бонна, вы встрѣтите такіе контрасты?! — вдругъ воскликнулъ пасторъ, словно пораженный громомъ, останавливаясь среди улицы.— Мы только что говорили о нашемъ славнѣйшемъ гражданинѣ, — и вдругъ... Видите вы этого человѣка?

И онъ указалъ на высокаго парня, съ лѣнивымъ и безпечнымъ видомъ шедшаго по улицѣ.

— Да, г. пасторъ.

— Это Генрихъ Фулеръ. Запомните это имя: „Генрихъ Фулеръ“. Вы встрѣтите это имя еще въ судебныхъ лѣтописяхъ, въ какомъ-нибудь громкомъ процессѣ о возмутительнѣйшемъ изъ преступленій! Ничто не мѣшаетъ этому человѣку сдѣлаться злодѣемъ. Это — гроза и бичъ всего города!

— Однако, проходя мимо насъ, онъ поклонился очень привѣтливо и даже какъ будто робко и застѣнчиво.

— О, не вѣрьте наружности этого человѣка. Это величайшій притворщикъ въ мірѣ. Въ его душѣ гнѣздятся самые гнусные замыслы! Трудно даже сказать, что дѣлать государствамъ съ такими личностями. Онъ — воръ. Да! Онъ — гроза всѣхъ нашихъ хозяевъ. Его прозвали „Хорькомъ", потому что онъ воруетъ яйца прямо изъ-подъ куръ. Онъ не можетъ видѣть чужой курицы безъ того, чтобъ ее не украсть. А однажды даже пытался угнать у одного изъ гражданъ осленка. Извините, мой другъ, что вы по моей милости видѣли одного изъ величайшихъ негодяевъ въ мірѣ!

— Ничего, г. пасторъ.

— И помните всегда: „Генрихъ Фулеръ, по прозванію „Хорекъ", — чтобъ знать, что нужно дѣлать, если судьба васъ съ нимъ гдѣ-нибудь столкнетъ.

Мы возвратились домой, гдѣ г-жа пасторша ждала насъ съ небольшой вечерней закуской.

— Ты знаешь, жена, кого мы сейчасъ встрѣтили съ г. путешественникомъ?

— Ну?

— Генриха Фулера!!!

Добрая женщина даже поблѣднѣла.

— О, г. путешественникъ, я начинаю бояться за васъ.

Я поспѣшилъ, насколько могъ, успокоить бѣдную пасторшу, сказавъ, что у меня въ дорогѣ всегда есть съ собой два большихъ револьвера.

Смерклось.

— Мы ложимся рано,—сказалъ г. пасторъ,—но если вы не имѣете этой превосходнѣйшей привычки, тогда моя библіотека къ вашимъ услугамъ. Она, конечно, не такъ велика, какъ другія книгохранилища, но зато

недурно подобрана. Въ ней вы найдете много рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ, съ которыми стоитъ познакомиться: Плутарха — „Жизнеописаніе замѣчательныхъ людей", Смайльса—„Самодѣятельность", Бокля—„Исторія цивилизаціи Англіи", не говоря уже о „Философіи чистаго разума" Канта, которая у меня имѣется и которой я горжусь!

Я поблагодарилъ и отказался отъ чтенія этихъ рѣдкихъ книгъ.

— Вы устали. Въ такомъ случаѣ намъ остается только пожелать спокойной ночи другъ другу и разойтись. Въ вашей комнатѣ наверху вы найдете свѣжую постель. Васъ проводитъ туда наша служанка Роза, одна изъ скромнѣйшихъ дѣвушекъ!

Послѣднее г. пасторъ прибавилъ, вѣроятно, такъ, скорѣе изъ чувства „мѣстнаго патріотизма", чѣмъ для предупрежденія.

Хорошенькая Роза, пухленькая какъ только что испеченная булка, провела меня наверхъ, еще разъ убѣдилась, все ли у меня есть, что нужно, пожелала спокойной ночи и хотѣла уйти.

Я тихо взялъ ее за талью и привлекъ къ себѣ.

Розочка вся вспыхнула.

— О, сударь, вы, какъ я вижу, величайшій изъ ловеласовъ на свѣтѣ! — прошептала она, стараясь ускользнуть изъ моихъ рукъ.

— А ты величайшая изъ скромницъ, добродѣтельнѣйшее изъ существъ. Знаю, знаю все, что ты скажешь. И вѣрю! Но неужели нельзя одинъ разъ поцѣловать?

И я опустилъ ей въ руку луидоръ.

— О, сударь, мнѣ кажется, что вы не кто иной, какъ самъ дьяволъ,—тихо сказала Розочка, подставляя щеку для поцѣлуя, и убѣжала.

Всѣ — и прежде всѣхъ, конечно, единственный городской извозчикъ, за которымъ для меня послали — были несказанно удивлены, когда я на слѣдующее утро заявилъ, что ѣду съ первымъ же поѣздомъ.

Г. пасторъ былъ прямо ошеломленъ:

— Какъ? Вы хотите уѣхать, даже не побывавъ въ боннской школѣ? Не познакомившись съ нашимъ учителемъ? Вамъ не нравится Боннъ?!

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой г. пасторъ. Но то, что я здѣсь увидѣлъ! Столько впечатлѣній, полученныхъ вчера! Вы разсказывали столько удивительныхъ вещей И этотъ сторожъ, который непостижимо спитъ цѣлый день, и эти собаки, преисполненныя непримиримой злобы къ человѣческому роду, и этотъ негодяй, который еще никого не убилъ, но, навѣрное, убьетъ... Нѣтъ, г. пасторъ, не удерживайте меня. Я долженъ остаться одинъ, одинъ, чтобъ разобраться во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ, въ мысляхъ, которыя родятъ эти впечатлѣнія. Я и такъ не могъ заснуть всю ночь!

— О, да! Мы съ женой слышали въ вашей комнатѣ какъ будто вздохи.

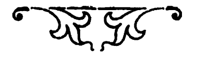
— Вотъ, вотъ!

— Но я надѣюсь, что если вы потомъ когда-нибудь будете писать о народахъ, странахъ, которыя вы посѣтили, вы не забудете на нѣсколькихъ страницахъ упомянуть и о Боннѣ?

— О, я опишу его, г. пасторъ, въ двѣнадцати томахъ самаго большого формата! Поѣзжайте, мы опоздаемъ на поѣздъ!

Пасторъ стоялъ на крыльцѣ безъ шляпы и, улыбаясь, смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ; добрая пасторша кивала мнѣ головой, а хорошенькая Роза, стоя сзади нихъ, махала платкомъ.

Самымъ краснымъ въ мірѣ платкомъ.

Какъ я былъ туркомъ.

Какъ я былъ туркомъ.

Эта мысль пришла мнѣ въ голову какъ-то за границей, въ одномъ изъ курортовъ.

— Буду туркомъ!

Дѣлается это очень легко.

Вы покупаете себѣ феску, и какъ только ее надѣли,—весь міръ вокругъ измѣняется къ лучшему.

Все становится необыкновенно деликатнымъ, любезнымъ, внимательнымъ.

— Турокъ!

На улицѣ, въ театрѣ, на желѣзной дорогѣ вы — предметъ общаго вниманія.

— Смотрите! Смотрите! Турокъ!

Мальчики поутру, идя въ школу, останавливаются передъ вашими окнами, стоятъ и пропускаютъ уроки.

— Здѣсь живетъ турокъ!

Все это чрезвычайно пріятно.

Вы знаете, что десятки людей ежедневно, придя домой, говорятъ:

— А вы знаете! Я сегодня встрѣтилъ (или встрѣтила) турка!

— Да неужели?!

Согласитесь, что это очень лестно.

Надо написать „Воскресеніе“, вылѣпить Лаокоона или нарисовать Сикстинскую Мадонну для того, чтобы

возбудить къ себѣ такое же всеобщее вниманіе, какое вы возбуждаете, всего на все надѣвши феску.

И я рекомендую всякому и каждому, пріѣзжая за границу, надѣвать феску.

Какова бы ни была ваша наружность,—въ ней находятъ „черты храбрыхъ османлисовъ“.

Когда вы молчите, въ вашихъ глазахъ видятъ „много восточной лѣни и нѣги“.

Когда заговорите, всѣ толкаютъ другъ друга подъ столомъ:

— Смотрите! Смотрите, какъ горятъ его глаза!

Ваша жизнь—тріумфальное шествіе.

Если вы во время ѣды прибѣгаете къ помощи ножа и вилки, это вызываетъ всеобщій восторгъ:

— Какъ онъ воспитанъ!

Если вы въ разговорѣ случайно упомянете, что Лондонъ лежитъ на рѣкѣ Темзѣ или Парижъ на рѣкѣ Сенѣ,—всѣ обмѣниваются взглядами, изумленными и восхищенными:

— Скажите! Какой образованный!

Если вамъ удается болѣе или менѣе связно сказать двѣ-три фразы, всѣ находятъ, что вы прямо краснорѣчивы.

А если вы поднимете платокъ уронившей его дамы,— Боже, какой неописанный восторгъ вы вызовете.

— Вотъ вамъ и турки! А?!

Объ этомъ будутъ говорить три дня.

Наконецъ, если это все вамъ надоѣстъ, вы можете взять руками кусокъ ростбифа, вытереть руки о фалды своего сосѣда или погладить даму по декольте.

И всѣ сдѣлаютъ видъ, что ничего не замѣтили:

— Вѣдь онъ турокъ!

Вообще можно доставить себѣ массу удовольствій.

Совершенно безнаказанно массу такихъ удовольствій, за которыя всякаго европейца выгонятъ въ шею, изобьютъ или убьютъ на дуэли.

Раньше такъ же выгодно и пріятно было быть русскимъ.

Когда вы садились за столъ, сосѣди спѣшили отодвинуть отъ васъ „судокъ“, боясь, что вы сейчасъ выпьете уксусъ и начнете себѣ мазать прованскимъ масломъ сапоги, чтобы блестѣли.

Къ концу обѣда всѣ блѣднѣли:

— Вотъ сейчасъ вынетъ изъ бокового кармана сальную свѣчку, съѣстъ, а руки оботретъ объ голову сосѣдки!

Но теперь — увы! — эти счастливыя времена миновали.

Русскихъ столько шляется повсюду, что на нихъ не обращаютъ никакого вниманія.

Развѣ какой-нибудь особенно любезный иностранецъ, желая васъ занять разговоромъ, спроситъ:

— А правда, что у васъ въ газетахъ разрѣшаютъ писать только о погодѣ?

Да и то рѣдко.

Итакъ, однажды я рѣшилъ превратиться въ турка.

Подъѣзжая къ курорту, я въ вагонѣ, въ купэ, надѣлъ феску, и едва вышелъ на платформу, ко мнѣ бросились всѣ комиссіонеры всѣхъ лучшихъ пансіоновъ.

Еще бы! Каждому пансіону лестно имѣть у себя турка!

Я выбралъ самый лучшій изъ наилучшихъ, и комиссіонеръ, которому всѣ завидовали, шепнулъ мнѣ:

— Хозяинъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ вамъ даже скидку!

Я думаю!

Въ книгѣ для пріѣзжающихъ я сдѣлалъ нѣсколько каракуль и поставилъ въ скобкахъ:

— Османъ-Дигма-Бей.

А черезъ двѣ минуты ко мнѣ явился сіяющій хозяинъ:

— Я въ первый разъ еще имѣю честь принимать у себя турка! У меня бывали англичане, французы, нѣмцы, испанцы, русскіе, даже греки и венгерцы. Но турокъ, — турокъ это еще въ первый разъ. Я очень, очень радъ!

Затѣмъ я слышалъ, какъ онъ по очереди обходилъ всѣ двери, стучалъ, входилъ на минутку, говорилъ что-то и бѣжалъ стучать въ слѣдующую дверь.

Изъ-за дверей при этомъ слышались изумленныя восклицанія мужскія и женскія:

— Да неужели?!

Это онъ сообщалъ:

— Къ намъ пріѣхалъ турокъ!

Къ табль-д'оту явился весь пансіонъ. Мужчины во фракахъ. Дамы декольте.

Обѣдъ съ туркомъ! Это былъ обѣдъ—gala. Вѣдь не всякому случается въ его жизни обѣдать за однимъ столомъ съ туркомъ.

Во вниманіе къ моимъ восточнымъ нравамъ меня посадили между двумя дамами.

И я видѣлъ, какъ у нихъ даже плечи покраснѣли отъ гордости:

— Значитъ, мы ничего себѣ, если насъ выбрали для турка!

Остальныя дамы смотрѣли на нихъ съ завистью.

А когда я имѣлъ случай одной сосѣдкѣ передать соль, а другой — горчицу, — онѣ были въ полномъ и неописанномъ восторгѣ.

Всѣ съ удовольствіемъ переглянулись:

— Каковъ?!

— Давно вы изъ Константинополя?—спросила меня хозяйка.

— Два мѣсяца!—отвѣчалъ я.

— Я не имѣла случая посѣтить Константинополь Но я бы очень хотѣла быть. Говорятъ, это такой красивый городъ.

— Да, Константинополь удивительно красивъ! — отвѣтилъ я, но спохватился и, скромно опустивъ глаза, добавилъ:

— По крайней мѣрѣ, такъ говорятъ!

Тутъ всѣ принялись наперерывъ расхваливать Константинополь.

Оказалось, что никто еще „не имѣлъ случая посѣтить этотъ городъ". Но что всѣ „ужасно хотятъ". И что всѣ много о немъ читали.

— Эти мечети и минареты, прямые, какъ стрѣла, которые уносятся въ безоблачное небо!

— А Босфоръ!

— Особенно въ лунную ночь!

Я почувствовалъ удовольствіе, что родился въ такомъ красивомъ городѣ.

— Турки — ужасно храбрый народъ!—воскликнулъ кто-то, и всѣ подхватили:

— О, да! О, да! Храбрый и мужественный народъ!

И тутъ, — вотъ тутъ-то въ первый разъ, — я и почувствовалъ въ душѣ своей гордость.

Что жъ удивительнаго! Пріятно, когда тебя принимаютъ за представителя порядочнаго народа.

Я покраснѣлъ, и покраснѣлъ при этомъ искренно. И опустилъ глаза.

— Право, мнѣ трудно высказывать свое мнѣніе...

Хозяйка, чтобъ перемѣнить разговоръ, щекотавшій мою скромность, поспѣшила задать мнѣ пріятный для меня вопросъ:

— Какъ здоровье его величества султана?

Что долженъ дѣлать турокъ въ такомъ случаѣ?

Я поблагодарилъ ее взглядомъ и отвѣтилъ:

— Здоровье его мудрости, его свѣтлости, покровителя правовѣрныхъ, нашего великаго повелителя находится въ самомъ вожделѣнномъ благополучіи и не оставляетъ намъ, простымъ смертнымъ, ожидать ничего лучшаго!

Всѣ были тронуты этимъ восточнымъ отвѣтомъ, а хозяйка поспѣшила умиленно замѣтить:

— Вы всѣ, вѣроятно, такъ любите вашего султана?

— А развѣ можно его не любить, когда онъ тѣнь Аллаха на землѣ?!—просто отвѣтилъ я, какъ будто удивляясь.

И знаете что? Это странно! Но ей Богу я въ эту минуту чувствовалъ, что, дѣйствительно, люблю султана, и что его нельзя не любить!

О ложь! Она начинается съ того, что мы обманываемъ ею другихъ, а кончается тѣмъ, что мы сами начинаемъ въ нее вѣрить!

Такъ актеръ, вѣроятно, входитъ въ роль и начинаетъ искренно ненавидѣть короля Клавдія и любить Офелію, дѣйствительно, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ!

Всѣ съ умиленіемъ переглянулись при моемъ отвѣтѣ:

— Какая непосредственность!

И только у одной очень молоденькой и очень хорошенькой дамы вырвалось нечаянно:

— Vieux crapule!

Собственно говоря, я бы не обратилъ на это никакого вниманія. Какое мнѣ дѣло до того, что ругаютъ человѣка, съ которымъ я не знакомъ даже шапочно?

Но я замѣтилъ, что всѣ поблѣднѣли. Всѣ взглянули съ ужасомъ на молодую даму и потомъ уставили на меня глаза, полные мольбы.

Словно уговаривали:

— Не убивай ея!

Я почувствовалъ, что долженъ что-то дѣлать.

— Но что, чортъ возьми?

Хорошо бы поблѣднѣть. „Турокъ поблѣднѣлъ, какъ полотно". Это хорошо! Но какъ это дѣлается?

На всякій случай я плотно сжалъ губы и началъ дышать носомъ, дѣлая видъ, что мнѣ вообще чрезвычайно трудно дышать. Кровь приливала мнѣ къ вискамъ, и я чувствовалъ, что „все лицо турка наливается кровью". Отлично! Отлично!

Затѣмъ я вспомнилъ, что необходимо сверкнуть глазами. Сверкнулъ разъ, два, даже три. Остановилъ взглядъ сначала на ножѣ, потомъ на вилкѣ, потомъ перевелъ его даже для чего-то на стеклянную вазу съ фруктами.

Всѣ дрожали.

Нѣсколько минутъ ничего не было слышно, кромѣ моего сопѣнья.

Тогда я рѣшилъ:

— Довольно! „Турокъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и задушилъ охватившее его бѣшенство“.

Я улыбнулся „слабой улыбкой“, словно меня ранили въ сердце, обвелъ всѣхъ такимъ взглядомъ, словно хотѣлъ сказать:

— Не безпокойтесь. Ничего. Я не убью.

Всѣ посмотрѣли на меня взглядами, полными признательности, и обѣдъ закончился среди всеобщихъ прославленій турецкаго султана.

Бѣдняжка, у которой сорвалось съ языка неосторожное слово, сидѣла, опустивъ голову, то краснѣя, то блѣднѣя, ничего не ѣла и не смѣла поднять своихъ наполненныхъ слезами прекрасныхъ глазъ. Жалко!

Когда кончился обѣдъ, и мы, мужчины, пошли курить,—я видѣлъ, какъ всѣ дамы накинулись на нее. Должно-быть, ей хорошо досталось!

— Простите, у насъ нѣтъ кальяна!—страшно волновался хозяинъ.

Но я поспѣшилъ его успокоить „жестомъ, полнымъ мягкости и благоволенія“.

— О, ради Аллаха, не безпокойтесь! Я охотно курю и сигары!

И окончательно привлекъ къ себѣ всѣ сердца.

— Вотъ никогда не думалъ, чтобъ турки были такъ милы и общительны!

— Прямо — препріятный народъ въ общежитіи! — услышалъ я мелькомъ замѣчаніе.

Покуривъ, я отправился погулять въ садъ, и никто не осмѣлился сопровождать меня, зная наклонность восточныхъ людей къ уединенію и размышленіямъ.

Я шелъ, дѣйствительно, задумавшись, хоть я и не восточный человѣкъ, — какъ вдругъ въ отдаленной и

узенькой аллейкѣ я столкнулся лицомъ къ лицу съ молоденькой дамочкой, обругавшей турецкаго султана.

При видѣ меня она вскрикнула и отшатнулась.

Я улыбнулся и протянулъ ей руку:

— Не бойтесь!

Она схватила мою руку. Ея руки были холодны и дрожали.

Она была блѣдна, какъ полотно, и смотрѣла на меня большими-большими глазами, въ которыхъ была боль и пытка.

Мнѣ стало жаль ее.

Я нагнулся, чтобъ поцѣловать ея руки.

Но она отдернула ихъ въ испугѣ, почти съ ужасомъ, крикнувъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не надо!.. Это я... я должна...

Крупныя-крупныя слезы потекли у нея по щекамъ, и она заговорила голосомъ взволнованнымъ, прерывистымъ:

— Простите меня... Простите... Я нарочно пришла сюда, чтобъ попросить у васъ прощенія... Я ждала васъ... Я знала, что вы придете... Зная привычку восточныхъ людей къ уединенію и задумчивости... Простите меня... Я вамъ сдѣлала больно... Да? Очень больно?..

Женщины всегда, когда сдѣлаютъ больно, освѣдомляются потомъ: „Да? Правда? Очень больно? Очень?..“

Надо было пококетничать.

Я прижалъ руку къ сердцу, какъ будто и сейчасъ еще чувствовалъ боль отъ нанесенной раны.

— Конечно, сударыня, мнѣ было очень тяжело, очень мучительно, когда при мнѣ моего всемилостиваго падишаха назвали вдругъ...

Она задрожала вся и схватилась за голову.

— Не надо! Не надо! Я чувствовала, какъ вамъ это тяжело! Какую рану я нанесла вашему сердцу!.. Я видѣла, какія усилія, какія нечеловѣческія, героическія усилія употребили вы, чтобъ подавить въ себѣ жажду мщенья, жажду крови...

Она смотрѣла на меня восторженно.

— Я видѣла, какъ вы страдали, я видѣла эту борьбу!.. И я... я васъ полюб... Боже! Боже! Что я говорю! Зачѣмъ вамъ знать это?!

И прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, она схватила мою руку, поцѣловала и кинулась въ кусты.

Вотъ такъ чортъ!

Вечеромъ, придя въ свою комнату, я увидѣлъ сквозь тюлевую занавѣсочку на улицѣ, противъ моего окна, порядочную толпу лакеевъ и слугъ пансіона.

А въ коридорѣ, я слышалъ, тихонько открывались двери сосѣдей, и люди на цыпочкахъ крались къ дверямъ моего номера.

Отъ меня ждали вечерняго „намаза“.

Люди Запада только себѣ дозволяютъ „свободное мышленье“, а отъ насъ, восточныхъ народовъ, требуютъ „дѣтскихъ чувствъ“.

Чтобъ доставить удовольствіе лакеямъ и сосѣдямъ, я сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, вытянулъ вверхъ руки и потихоньку запѣлъ:

— Ля илляга иль Аллахъ, Магометъ рассуль Аллахъ, даккель, саккель, Магометъ!

Все, что я знаю изъ Корана.

Вѣроятно, возбуждаемый слушателями и зрителями, я пѣлъ даже съ увлеченіемъ.

А когда я запѣлъ:

— Даккель, саккель, Магометъ!

Я самъ чувствовалъ, въ моемъ голосѣ слышался непримиримый фанатизмъ.

Затѣмъ я погасилъ лампочку, легъ спать и, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ за день глупостей, заснулъ, какъ убитый.

На утро — странное дѣло! — первою моею мыслью была мысль о Магометѣ и о турецкомъ султанѣ.

Я отлично помню, что подумалъ именно:

— Что-то теперь дѣлаетъ *нашъ* султанъ?

Положительно, меня гипнотизировали окружающіе. Внушали мнѣ ежечасно, ежеминутно, что я турокъ.

Меня разспрашивали о Турціи, и я безпрестанно долженъ былъ врать, расхваливая турецкія учрежденія.

Врать изъ самолюбія.

Очень пріятно быть человѣкомъ такой страны, учрежденія которой возбуждаютъ только смѣхъ!

Очень пріятно, чтобъ на тебя смотрѣли съ сожалѣніемъ.

И я расхваливалъ все: турецкихъ министровъ, турецкую таможню, турецкую цензуру.

— Увѣряю васъ, что все это совершенно не такъ! Наша турецкая цензура чрезвычайно либеральна!

Мало-по-малу, я началъ даже хвастаться Турціей. И безпрестанно замѣчать:

— А у насъ, въ Турціи, это дѣлается такъ-то!

Меня стали считать ужаснымъ патріотомъ и, когда находили въ газетахъ что-нибудь пріятное про Турцію, спѣшили преподнести мнѣ:

— А сегодня напечатано, что Меджидъ-паша представлялся султану!

Или:

— А у васъ вырыли новый колодецъ!

Когда же въ газетахъ было что-нибудь непріятное, отъ меня прятали номеръ.

Тогда я выходилъ изъ себя и посылалъ мнѣ купить эту газету, читалъ и хмурилъ брови, и ходилъ цѣлый день мрачный и нахмуренный.

Я привыкъ читать въ газетахъ только о Турціи, я искренно спрашивалъ себя, раскрывая газету:

— Ну-ка, что о насъ пишутъ?

Однажды я разсвирѣпѣлъ такъ, что даже чуть-чуть не послалъ ругательнаго письма одному редактору, который требовалъ въ своей газетѣ немедленнаго раздѣла Турціи.

— Насъ? Раздѣлить?

Такъ шло до свиныхъ котлетъ.

Однажды за обѣдомъ подали великолѣпныя свиныя котлеты съ картофельнымъ пюре. Я протянулъ руку,— но хозяйка, покраснѣвшая, сконфуженная, воскликнула:

— Это... это.. это изъ очень нехорошаго животнаго...

Но я улыбнулся:

— Сударыня, я не такой ужъ старовѣръ.

И чтобъ доказать свое свободомысліе, положилъ себѣ двѣ свиныя котлетки, а потомъ попросилъ и третью.

Это было оцѣнено.

Общество взглянуло на меня съ величайшимъ сочувствіемъ:

— Онъ младотурокъ!

Въ тотъ же вечеръ на террасѣ поднялся вопросъ о религіи.

— Какъ человѣкъ просвѣщенный, согласитесь, однако, что Магометъ... конечно, онъ былъ великій пророкъ... но врядъ ли онъ былъ особенно нравственный человѣкъ.

— Ахъ, это многоженство! — взвизгнула одна изъ дамъ.

Я чувствовалъ себя немножко виноватымъ передъ Магометомъ за котлеты и рѣшился защищать его изо всѣхъ силъ.

— Ничуть!—воскликнулъ я съ горячностью, которой отъ себя даже не ожидалъ. — Ничуть! Вся разница Магомета отъ другихъ великихъ реформаторовъ заключается въ томъ, что другіе реформаторы писали законы для ангеловъ, а Магометъ для людей. Они хотѣли создать ангеловъ на землѣ. Магометъ хотѣлъ создать только порядочныхъ людей. Они отвергали человѣческую природу. Магометъ давалъ ей приличный видъ. Единоженство, должно-быть, не въ человѣческой природѣ. Всякій мужчина многоженецъ. Кто зналъ въ жизни только одну женщину? Очевидно, мы не можемъ довольствоваться одной женщиной, какъ не можемъ довольствоваться однимъ какимъ-нибудь блюдомъ. Природа, разнообразная всегда и во всемъ, и тутъ требуетъ своего любимаго — разнообразія. Магометъ только благословилъ то, что раньше него было узаконено самой природой. Онъ сказалъ: „Тебѣ нужно много женщинъ, бери столько, сколько тебѣ нужно, только не дѣлай гадостей“. Мы, турки, знаемъ, мы даже очень знаемъ, что такое семья, — но мы не знаемъ, что такое развратъ. Что дѣлаетъ европеецъ, когда ему нравится посторонняя женщина? Онъ разрушаетъ изъ-за этого свою семью. Это величайшее несчастіе для его

семьи! А у насъ, когда магометанину нравится посторонняя женщина, онъ женится на ней, онъ увеличиваетъ только, усиливаетъ, умножаетъ свою семью. Это превосходно для его семьи! У васъ изъ-за того, что мужчинѣ нравится женщина, разрушается семья, у насъ она растетъ и укрѣпляется.

И среди споровъ, которые вызвала эта тирада, молоденькая женщина, обругавшая за первымъ обѣдомъ султана, шепнула мнѣ съ горящими глазами, проходя мимо меня въ темный садъ:

— Я люблю... Магомета!...

Чортъ побери, должно-быть, это не ускользнуло отъ вниманія молодого поручика, который ужъ и такъ давно смотрѣлъ на меня звѣремъ.

Среди шума голосовъ раздался его дребезжавшій, звонкій тенорокъ:

— Однако, эта религія многоженства кончаетъ тѣмъ, что превращаетъ всѣхъ людей въ женщинъ.

Всѣ взглянули на него съ недоумѣніемъ. Раздалось:

— Тссс...

Но поручикъ закусилъ удила:

— Говорятъ, что турки мужественны. Быть-можетъ! Однако, это не мѣшаетъ, чтобъ ихъ били въ каждой войнѣ. И въ очень непродолжительномъ времени эта мужественная нація будетъ окончательно изгнана изъ Европы.

Я поблѣднѣлъ. На этотъ разъ я, дѣйствительно, чувствовалъ, что поблѣднѣлъ.

— Вы такъ думаете?

— Такъ думаетъ исторія! — отвѣчалъ поручикъ, пощипывая усики, которые только еще пробивались.

Всѣ съ ужасомъ глядѣли на меня. Что я сдѣлаю? Разорву его на мѣстѣ? Перебью всѣхъ? Начну ругаться?

Но я рѣшилъ поддержать — чортъ возьми! — достоинство турокъ.

— Поручикъ, мы кончимъ нашъ споръ завтра утромъ!—сказалъ я, учтиво, но холодно кланяясь, и вышелъ въ темный садъ.

На утро мы дрались.

Будь я проклятъ, если мнѣ хотѣлось драться!

Я бы съ удовольствіемъ бросилъ пистолетъ и крикнулъ:

— Довольно этой комедіи!

Но меня останавливала мысль:

— Что скажутъ о туркахъ!

Такъ я привыкъ уже дорожить честью Турціи.

И я подставлялъ свою грудь за честь „отечества".

Въ ту минуту, когда поручикъ поднималъ пистолетъ, я думалъ:

„Покажемъ, какъ умираютъ османлисы!"

Оба промахнулись.

А мнѣ, кромѣ того, пришлось еще и удирать изъ курорта.

Обо мнѣ съ почтеніемъ и восторгомъ говорилъ весь городъ:

— Какой патріотъ! Жизнь готовъ положить за родину!

Дѣло проникло въ газеты, могъ явиться съ визитомъ турецкій консулъ...

Я съ удовольствіемъ, словомъ, сѣлъ въ купе, заваленное букетами цвѣтовъ, и съ наслажденіемъ, когда тронулся поѣздъ, выкинулъ въ окно малиновую феску.

Но какая странность...

Вы знаете, я долго еще не могъ отвыкнуть! Беря газету, я прежде всего искалъ:

— Что пишутъ о Турціи?

Часто ловилъ себя на мысли:

— Мы, турки...

Одинъ разъ страшно удивилъ жену, машинально сдѣлавъ намазъ передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель.

И еще на-дняхъ ужасно обидѣлся, когда при мнѣ обругали Турцію.

Такъ медленно выдыхается изъ меня турецкій патріотизмъ.

Я медленно, съ трудомъ освобождаюсь отъ лжи, въ которой однажды увѣрилъ себя. Словно выздоравливаю отъ тяжкой болѣзни. Словно просыпаюсь отъ гипноза.

Что же такое патріотизмъ, если можно сдѣлаться даже турецкимъ патріотомъ?! Нѣчто такое, о происхожденіи чего мы просто никогда не подумали.

Святочный разсказъ.

[illegible]

Святочный разсказъ.

Я надѣлъ фракъ и сѣлъ въ шкапъ.

Конечно, это глупо, но объясняется тѣмъ, что у насъ въ домѣ идетъ уборка.

А теперь нужно писать святочный разсказъ.

Извините, что святочный разсказъ будетъ на этотъ разъ безъ чертей.

Но всѣ черти разобраны.

Потапенко, Назарьева, другіе Потапенки, другіе Назарьевы—всѣмъ нужно по чорту для святочнаго разсказа.

Вы сосчитайте только.

Одинъ г. Потапенко пишетъ, по меньшей мѣрѣ, восемнадцать святочныхъ разсказовъ; восемнадцать разсказовъ—восемнадцать чертей.

Гдѣ же тутъ чертей наберешься!

Такъ что разсказъ будетъ безъ чорта.

Впрочемъ, я ужъ упомянулъ, кажется, о женѣ моей. Довольно и этого.

Итакъ,

ОТРАВЛЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

(святочный разсказъ).

Наступала ясная, свѣтлая рождественская ночь.

На небѣ высыпали безчисленныя звѣзды, и изъ-за легкихъ какъ кисея облаковъ всплывала луна.

Не забыть, чортъ возьми, кисеи купить для свояченицы.

Вотъ еще сокровище!

Готовится на костюмированный балъ.

Собственно говоря, какая это ерунда, будто мы женимся на одной женѣ.

Нѣтъ-съ, милостивый государь, вы женитесь сразу на женѣ, на тещѣ, на двухъ свояченицахъ, на четырехъ ихъ двоюродныхъ сестрицахъ.

У васъ дома заведется цѣлый гаремъ, чортъ его побери.

Свояченица сидитъ у васъ на письменномъ столѣ и болтаетъ ногами, теща роется въ вашихъ бумагахъ, ища любовныхъ записокъ, кузины заставляютъ слушать ихъ пѣніе!

Всѣ имѣютъ на васъ право!

И вы обязаны всѣмъ имъ дарить подарки, обновы, чорта въ ступѣ!

Однако, луна ужъ выплыла!

Морозъ крѣпчалъ и крѣпчалъ.

Городъ затихъ послѣ обычной предпраздничной суеты.

Я, собственно говоря, нахожу, что ничего глупѣе этой суеты нельзя придумать.

Люди цѣлый годъ живутъ свиньями и къ празднику вдругъ начинаютъ убираться!

Убираться!

Старые женины башмаки, которые, чортъ ихъ знаетъ зачѣмъ, цѣлый годъ валялись на чемоданѣ, прячутъ въ вашъ письменный столъ.

Это у нихъ называется „убираться“!

А мужъ садись въ шкапъ, да еще во фракѣ.

Во фракѣ потому, что со всѣхъ остальныхъ костюмовъ выводятъ пятна.

Цѣлый годъ человѣкъ ходитъ весь въ пятнахъ, и ни одна собака не обращаетъ на это никакого вниманія, а подходитъ праздникъ—надѣвай фракъ и маршъ въ шкапъ.

Костюмы будутъ чистить!

Надо вамъ сказать, что и въ шкапъ я попалъ не сразу.

Сначала меня послали писать на подоконникъ: въ кабинетѣ уборка.

Горничная Акулина со свойственной ей легкостью вспрыгнула на подоконникъ,—ей нужно снимать гардины, — и какъ разъ наступила голой ногой мнѣ на бумагу.

Надо вамъ сказать, что, когда я пишу, я увлекаюсь, — и не обращаю на пустяки никакого вниманія.

Я какъ разъ писалъ самое драматическое мѣсто разсказа, и самое горячее мѣсто сгоряча написалъ на ногѣ Акулины.

— Ай, щекотно!

Эта дура взвизгнула, брыкнула ногой и прямо попала мнѣ пяткой въ подбородокъ.

Это бы еще ничего, но она упустила изъ рукъ деревянный карнизъ, и онъ изо всей силы треснулся о мое темя.

Кто ее зналъ, что она такъ боится щекотки.

А жена вывела изъ этого заключеніе, будто я щекочу пятку у горничной, сдѣлала что-то тамъ башмакомъ у меня на головѣ и прогнала меня въ кухню.

Къ этому нужно еще прибавить, что горничная, когда карнизъ упалъ, вскрикнула и присѣла мнѣ на голову.

Тоже нервы!

Впрочемъ, на это не стоитъ обращать вниманія, потому что она скоро слѣзла.

Въ общемъ меня прогнали въ кухню.

Въ кухнѣ, собственно говоря, писать недурно, но оказывается, что у кухарки Мавры есть кумъ, пожарный.

Засталъ меня въ кухнѣ—и сейчасъ сцену ревности.

— Ты что жъ это, говоритъ, писарь, къ чужимъ кухаркамъ ходишь?

— Во-первыхъ,—говорю,—я не писарь, а писатель. А во-вторыхъ, кухарка моя!

— Я, говоритъ, тебѣ покажу, чья это кухарка: твоя или моя!

И показалъ!

Потомъ извинялся:

— Могъ ли, — говоритъ, — я, баринъ, думать, что благородный баринъ на собственную куфню писать пойдетъ? Я,—говоритъ,—думалъ, что вы изъ писарей и къ кухаркѣ пришли за амурами!

Этакій дуракъ!

Далъ ему Богъ силу, а разсужденія ни на грошъ.

Ушелъ отъ дурака въ шкапъ — здѣсь меня никто не тронетъ.

Да, такъ на чемъ я остановился?

Городъ затихъ. На улицахъ не видно было даже извозчиковъ.

Иванъ Петровичъ, закутавшись въ шубу и поднявъ воротникъ, быстро шагалъ домой.

Онъ думалъ о дѣтяхъ, о женѣ...

О томъ, какъ весело потрескиваетъ каминъ, какъ дѣти стоятъ около запертой двери залы, стараясь хоть въ замочную скважину разсмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Какъ онъ отворитъ эту дверь, какъ крикъ радости, изумленія, восторга вырвется у дѣтей при видѣ этой горящей огнями елки. Онъ видѣлъ веселыя лица дѣтей, счастливое лицо жены...

Морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, а на душѣ становилось все теплѣе и теплѣе.

Иванъ Петровичъ былъ даже доволенъ, что нѣтъ ни одного извозчика, что ему приходится итти пѣшкомъ.

Такъ пріятно было пережить еще разъ въ воображеніи тѣ впечатлѣнія, которыя онъ переживетъ черезъ какую-нибудь четверть часа.

Взять больше радости отъ этого славнаго праздника!

Ему было пріятно, что на улицѣ нѣтъ прохожихъ, что никто и ничто не мѣшаетъ ему думать, улыбаться отъ тихой радости, которая наполняла его душу.

Онъ весь погрузился въ свои веселыя, отрадныя мысли и не замѣтилъ, какъ сзади раздались мелкіе, торопливые шаги.

Какъ вдругъ кто-то его толкнулъ подъ руку, и женскій голосъ проговорилъ:

— Хорошенькій, куда вы такъ торопитесь!

Она старалась говорить весело, но слышно было, какъ раза два отъ холода стукнули ея зубы.

Кто разговариваетъ съ уличными женщинами?

Иванъ Петровичъ только ускорилъ шаги. Но она не отставала.

Онъ взбѣсился, рѣзко повернулся къ ней, чтобы крикнуть:

— Пошла прочь!

Они были какъ разъ около фонаря. Его свѣтъ падалъ на перемерзшее, словно закоченѣвшее лицо женщины, въ легкой кофточкѣ, дрожавшей передъ Иваномъ Петровичемъ.

Онъ только что хотѣлъ крикнуть: „пошла прочь!“ какъ вдругъ взглянулъ, вздрогнулъ и остановился.

Чортъ возьми, только что получилъ непріятное извѣстіе.

И главное, на самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа.

Изжарили младенца.

Я всегда говорилъ, что эта уборка до добра не доведетъ!

Въ дѣтской, оказывается, нужно было прибирать, и младенца положили въ кухню на плиту.

Больше мѣста не было!

Дура Мавра, которая, благодаря этой проклятой уборкѣ, потеряла голову, не замѣтила ребенка, затопила плиту и ушла.

Ну, младенецъ, конечно, и изжарился!

Вотъ вамъ и имѣй послѣ этого дѣтей!

Съ этими уборками, сколько ни имѣй дѣтей, всѣхъ перепарятъ.

Бѣдный Ваня! Изжарить такого умнаго мальчика!

Вернемся, однако, къ разсказу.

На чемъ я остановился?

Да, на томъ, что Василій Николаевичъ, — кажется, такъ зовутъ героя, а впрочемъ, чортъ его возьми, какъ его зовутъ.

Василій Николаевичъ остановился и вздрогнулъ

Дрожавшая женщина, видимо, тоже хотѣла сказать что-то, но, взглянувъ въ лицо Василія Николаевича, слегка вскрикнула и остановилась.

Можно было подумать, что передъ ними выросло по привидѣнію.

— Ты?..

— Вася?.. Василій Николаевичъ...

— Откуда ты взялась?.. На улицѣ... подъ такой праздникъ...

Она задрожала еще сильнѣе, на этотъ разъ не отъ холода, слезинки заблистали на рѣсницахъ.

— Что же дѣлать?!

Василій Николаевичъ чувствовалъ, что у него кругомъ идетъ голова.

— Да какъ же это... какъ же...

— Надо же гдѣ-нибудь ночевать...

— Какъ, ты...

— Выгнали съ квартиры... Не плачу... Некрасива стала... добывать трудно.

— Маша, Маша, да какъ же это?..

Өна зарыдала.

— А что же вы думали, что замужъ, что ли, кто возьметъ дѣвушку съ ребенкомъ, на мѣстѣ держать станутъ?..

— Съ ребенкомъ... съ ребенкомъ...

Въ ея заплаканныхъ глазахъ сверкнулъ злой огонекъ.

— Ну, да, помните, небось, что когда меня бросили, я была въ положеніи... Сами же мнѣ совѣтовали въ пріютъ подкинуть.

— Маша... Маша...

— Нечего! Правда вѣдь! Испугались, что въ „исторію“ попали. На другую квартиру переѣхали, пу-

скать не велѣли... А потомъ удивляетесь, что на улицу попала!..

— Но я... но я...

— Знаемъ, какъ вы всѣ говорите! „Почемъ я знаю, что это мой!“ Такъ не угодно ли прогуляться, пойдемте, поглядите: двѣ капли вылитый вы. Не будете сомнѣваться!

— Но гдѣ же ребенокъ? Вѣдь ты же безъ квартиры...

— У сапожника въ ученьи. Шпандыремъ по головѣ бьютъ вашего сына, подмастерья за волосы таскаютъ, порютъ не на животъ, а на смерть...

— Перестань, перестань...

Стыдъ, какая-то тоска охватывала Василія Николаевича.

— Замолчи ради Бога!

— Нечего молчать. Вотъ гдѣ накипѣло все это. Ваши-то дѣтки, небось,—другія-то,—нарядныя ходятъ, видѣла я ихъ, будь они...

Какой-то инстинктивный ужасъ передъ проклятіемъ этой женщины, которое готово было обрушиться на его дѣтей, охватилъ его.

— Маша! Маша! Не говори этого, не говори о моихъ дѣтяхъ!

— А это не вашъ ребенокъ? Не ваша кровь? Однимъ все, а другого ремнемъ лупятъ...

Она уже перестала дрожать, она больше не коченѣла отъ холода, кровь прилила къ лицу.

Она говорила громко, взвизгивая, наступая на него, схватила его за руку.

— Елку, небось, устраиваешь для своихъ дѣтей. Елку? А другого колодкой бьютъ по головѣ...

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его, его ребенка бьютъ по головѣ колодкой!

Онъ вскрикнулъ:

— Маша! Маша! Ради Бога! Перестань!... Гдѣ онъ? Гдѣ?

Ему хотѣлось схватить этого ребенка, вырвать оттуда, гдѣ его мучатъ, увести, обласкать, кинуться передъ нимъ на колѣни, просить прощенія, плакать, рыдать передъ своимъ ребенкомъ.

Его голосъ такъ задрожалъ, когда онъ говорилъ это, въ немъ послышалось такъ много муки, страданія, что у Вари вдругъ исчезла куда-то вся злоба, къ горлу поднимались, ее душили какія-то теплыя слезы.

Не слезы злобы, которыя давятъ, рѣжутъ горло, а слезы нѣжности, любви, чего-то такого новаго, неиспытаннаго.

Она схватила Петра Петровича за обѣ руки.

— Пойдемъ, пойдемъ туда... Они еще не ложились... Подъ праздникъ подканчиваютъ работу... Поздно сидятъ... Мы увидимъ его... Приласкай хоть разъ... хоть разъ своего ребенка!..

Дальше она не могла говорить. Слезы хлынули, она зарыдала.

— Идемъ! Идемъ!—торопилъ онъ.

И они быстро пошли, почти побѣжали.

Она, рыдая, на ходу утирала слезы. Онъ со слезами на глазахъ.

Онъ забылъ обо всемъ—о женѣ, о дѣтяхъ,—онъ думалъ только объ этомъ ребенкѣ, котораго онъ сейчасъ прижметъ къ своему сердцу.

Они быстро перебѣгали черезъ улицы, бѣжали тротуаромъ, завернули въ какія-то ворота, спотыкаясь,

пробѣжали обледянѣлый дворъ, повернули куда-то за уголъ и остановились у двери, обитой рогожей.

— Здѣсь! — сказала она, еле переводя дыханіе, и отворила дверь.

Оттуда на нихъ пахнуло какимъ-то вонючимъ паромъ, запахомъ кожи, вара, пота, щей. Слышались пѣсня, ругань и торопливый стукъ молотковъ, которыми заколачивали сапожные гвозди.

— Что же ты?.. Идите!

Нѣтъ, какъ вамъ нравится моя своячиница! Сейчасъ пришла и повѣсила въ шкапу рядомъ со мной мои новыя панталоны.

Ей пришла въ голову мысль примѣрить ихъ на себя: хотятъ рядиться и ѣхать къ знакомымъ.

Могу сказать, примѣрила!

Теперь въ эти панталоны можетъ войти шесть такихъ ногъ, какъ мои.

Когда дамы съ ихъ бедрами примѣряютъ наши панталоны, панталоны висятъ потомъ на нашихъ ногахъ, какъ на палкахъ.

И кто, спрашивается, позволилъ ей надѣвать мои панталоны!

Вѣдь не надѣваю же я ея!

Яковъ Семеновичъ, чортъ его побери, шагнулъ въ эту сырую, грязную, промозглую мастерскую.

Онъ съ ужасомъ глядѣлъ передъ собою, глядя на этихъ лохматыхъ, нечесанныхъ, грязныхъ мальчишекъ съ перемазанными лицами.

— Который изъ нихъ его сынъ?

А сзади него раздался радостный голосъ матери:

— Петя!

Этотъ голосъ, въ которомъ было столько свѣтлой радости, счастья, материнской любви, привелъ въ веселое настроеніе всю мастерскую.

Подмастерья заржали:

— А! Грушка! Съ кануномъ праздника!

Мальчишки, чтобы не отстать отъ взрослыхъ, загоготали, заорали.

У Семена Николаевича голова пошла кругомъ.

Ему показалось, что онъ попалъ въ какой-то адъ.

Онъ слышалъ только, какъ кто-то крикнулъ:

— Петька! Ступай! Мамка денегъ и гостинцевъ принесла! Хо-хо!

И все покрылось снова гоготаньемъ.

Какому-то мальчишкѣ на ходу дали подзатыльника, и Николай Семеновичъ отшатнулся, когда передъ нимъ появился всклоченный, измазанный мальчишка и, улыбнувшись во весь ротъ циничной улыбкой, крикнулъ:

— Здрасьте, господинъ, съ праздничкомъ! На чаекъ бы съ вашей милости! Маменькѣ почтенье!

Петька считалъ долгомъ щегольнуть передъ мастерской удальствомъ и лихостью.

Мастерская загоготала.

Петръ Васильевичъ отшатнулся съ отвращеніемъ, съ ужасомъ.

— Это... это... его сынъ...

Одна мать ничего не видѣла, не слышала, не замѣчала, она толкала Петра Васильевича, глядя на Петьку счастливыми глазами, словно передъ ней былъ красавецъ-ребенокъ, весь въ кружевахъ и лентахъ.

— Что жъ ты?.. Цѣлуй его... Цѣлуй... Вотъ онъ... нашъ Петя... Что жъ ты?.. Что жъ ты?..

Петръ Васильевичъ съ ужасомъ глядѣлъ на сына, нагнулся и поцѣловалъ его подъ хохотъ всей мастерской.

Ему давило грудь, нечѣмъ было дышать.

— Такъ... такъ... цѣлуй его... цѣлуй...— слышался среди всего этого ада былъ счастливый голосъ матери.— Петя... Петя... цѣлуй его... цѣлуй... Вѣдь это твой отецъ!

Шумъ, гамъ, ревъ, хохотъ поднялись въ мастерской...

— На-те вамъ, на-те!—крикнулъ Петръ Ивановичъ, дрожащими руками вынулъ бумажникъ, бросилъ и, не помня себя, кинулся изъ этого дома.

— Подлецъ!—раздался женскій крикъ, почти вопль, среди этого дьявольскаго содома.

Петръ Ивановичъ бѣжалъ по улицамъ; шумъ, гамъ, свистъ, хохотъ звучали у него въ ушахъ.

Онъ задыхался, какъ задыхаются во время кошмара.

И очнулся, только пробѣжавъ чуть не десятокъ улицъ.

Онъ былъ близко отъ своего дома.

У него подкашивались ноги, пока онъ бѣжалъ къ подъѣзду, пока звонилъ.

Ему казалось, что вотъ-вотъ его схватитъ женщина и потащитъ туда, въ эту ужасную берлогу.

Боже, какъ долго, какъ долго не отворяли.

Отворили! Наконецъ-то!

Петръ Ивановичъ упалъ на стулъ въ передней.

— Папа! Что ты такъ долго?

Въ переднюю вбѣжали дѣти.

Маленькая Маруся въ бѣленькомъ платьицѣ съ розовыми бантами, съ волосами, какъ ленъ, карабка-

лась къ нему на колѣни, лѣзла цѣловаться и вдругъ расхохоталась.

— Папочка! Папочка! Гдѣ ты такъ испачкался? У тебя все лицо черное! Папочка!

— Папочка! Папочка!—звенѣли дѣтскіе голоса.

У Ивана Петровича хлынули слезы.

Онъ прижалъ къ себѣ свою крохотную дѣвчурку, покрывалъ поцѣлуями ея личико.

— Дѣточка! Дѣточка!

И, словно призракъ какой-то, передъ нимъ стоялъ грязный, лохматый мальчишка съ циничной улыбкой на вымазанномъ лицѣ.

Дальше я не могу писать, потому что меня перевернули вверхъ ногами.

Шкапъ, оказывается, нужно на праздники вынести въ сарай.

Про меня среди уборки, разумѣется, забыли.

Меня несутъ вмѣстѣ со шкапомъ.

Что я буду дѣлать въ сараѣ, да еще вверхъ ногами?

Пѣсни паяца.

Пѣсни паяца.

Смѣйся, паяцъ!

Жизнь несется стрѣлой. Что радость и горе? Пылинки, приставшія къ ней.

Все отлетаетъ при быстромъ полетѣ.

Все отлетаетъ, не оставляя слѣда.

Смѣйся жъ надъ радостью, смѣйся надъ горемъ.

Смѣйся, паяцъ!

I. Старая пѣсня.

Это случилось давно, но это случалось и раньше.

Арлекинъ любилъ Фаншетту, а Фаншатта—Арлекина.

Онъ твердилъ ей:

— Будь моею, и клянусь, тогда красотки для меня не будетъ въ мірѣ лучше, краше и милѣе дорогой моей Фаншетты. И клянусь, что въ мірѣ цѣломъ для меня не будетъ женщинъ, кромѣ женщины единой—дорогой моей Фаншетты.

И повѣрила Фаншетта.

Шесть недѣль не сводитъ взоровъ Арлекинъ съ своей Фаншетты, шесть недѣль одно и то же онъ твердитъ, глядя ей въ очи:

— Ты, какъ майскій день, прекрасна!

Шесть недѣль!

А на седьмую приглянулась Коломбина.

Это случилось давно, но это случалось и раньше.

* * *

И Фаншетта не зѣваетъ. Что жъ? Понравился паяцъ ей. Развѣ сердцу что закажешь?

Былъ паяцъ красивъ собою. Куда лучше Арлекина! Веселъ, милъ и остроуменъ. Какъ талантенъ! Какъ изященъ! Съ нимъ лишь счастлива Фаншетта. Арлекину въ очи глядя, она думаетъ:

„Какое же здѣсь сравненіе быть можетъ?“

Въ поцѣлуяхъ этотъ—школьникъ, а паяцъ—любви учитель. Лишь въ его объятьяхъ только и поймешь, любовь что значитъ. Сколько нѣжности во взглядѣ, сколько страсти въ поцѣлуяхъ. Арлекинъ же...

Арлекинъ же?.. Арлекинъ, Фаншетту нѣжа, лишь мечталъ о Коломбинѣ.

Это случилось давно, но это случалось и раньше.

* * *

Страсть свою сдержать не въ силахъ, порѣшила вдругъ Фаншетта убѣжать отъ Арлекина.

Арлекинъ нашъ занятъ чѣмъ-то (вѣроятно, Коломбиной). Арлекина дома нѣту. И Фаншетта поспѣшаетъ собирать свои пожитки.

А паяцъ стоитъ на-стражѣ. Гей, Фаншетта! Поскорѣе! Арлекинъ идетъ проклятый!

И Фаншетта поскорѣе, второпяхъ не разбирая (до разбору ль?), прячетъ письма.

Письма, что писалъ паяцъ ей. Письма, дышащія страстью, буква каждая въ которыхъ поцѣлуемъ дышитъ знойнымъ.

Пусть не знаетъ Арлекино, съ кѣмъ Фаншетта убѣжала! Пусть не знаетъ, что давно ужъ рогоносцемъ онъ гуляетъ!

— Гей, Фаншетта! Поскорѣе! Арлекинъ подходитъ близко!

И Фаншетта, по ошибкѣ, прячетъ письма не паяца, а тѣ письма Коломбины, что писала къ Арлекину.

Это случилось давно, но это случалось и раньше.

* * *

Разъ Фаншетта захотѣла прочитать паяцу снова всѣ тѣ письма, что писалъ онъ.

— Чтобы клятвы не забылъ ты, чтобъ словамъ любви и ласки у себя же поучился! Чтобы нѣжностію прежней окружалъ свою Фаншетту, чтобы помнилъ, что измѣной я убила Арлекина!

И вѣдь надо же случиться!

Мысль такая жъ точка въ точку вдругъ пришла и Арлекину.

Захотѣлъ онъ Коломбинѣ прочитать ея же письма, Коломбинѣ чтобъ напомнить про весну любви взаимной,—той любви, что погубила его бѣдную Фаншетту. Вѣдь Фаншетта, догадавшись про измѣну злую мужа, убѣжала и, навѣрно, нѣтъ бѣдняжки ужъ на свѣтѣ.

Со слезой невольной оба въ одинъ часъ, въ минуту ту же, Арлекино и Фаншетта принялись читать тѣ письма.

Нѣтъ! Представьте удивленье!

— Измѣнила мнѣ Фаншетта!

— Измѣнилъ мнѣ Арлекино!

И съ отчаяньемъ во взглядѣ восклицаютъ въ одинъ голосъ:

— Это случилось давно, но жаль, что со мною не случилось этого раньше!

Оглавленіе.

Стр.

